

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 2 / 2012

Сентябрь-Декабрь

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантас**Т**ика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 2/2012

№ 2 (15)
Издается с 2006 года

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
Союза писателей XXI века и
холдинговой компании
«Вест-Консалтинг»

Редакция

И. Харичев (шеф-редактор)
Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка

А. Горелова

Компьютерная верстка

М. Кива

Подписано к печати 27.09.2012
Формат 60x90/16.
Офсетная печать
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.
31,95.
Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (495)235-89-35
Факс: (495)235-02-52
E-mail: zn-sila@topnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в ООО «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бул.,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Сайт: www.west-consulting.com.ru
E-mail: stepanovev@mail.ru
Тел.: (495)978-62-75
Заказ № 16

СОДЕРЖАНИЕ

БУДУЩЕЕ

3 *А. Кожухов*
Сто первый

9 *А. Леви*
Лета вечного не прекратится день

21 *Л. Пузин*
Надежда Град

КОНТАКТ

34 *В. Мальков*
Лежебоки

51 *А. Радов*
Идущие на смерть

57 *М. Фримен*
Боги спустились к нам

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

63 *О. Рудковский*
Куст (повесть)

ЭКСПЕРИМЕНТ

91 *О. Царевская*
Сувенир

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

103 *В. Ечеистов*
Украсть будущее

109 *С. Филипский*
До грядущего

ЮМОРКОН

118 *С. Бугримов*
Клетка особого назначения

126 *В. Иванов*
Место встречи

129 *А. Абалихин*
Точка отсчета

Андрей Кожухов

Сто первый

Антон Зайцев уныло смотрел в окно своей квартиры на восемьдесят втором этаже и не мог поверить, что все это скоро исчезнет. Не будет соседних небоскребов, старик с биноклем перестанет подглядывать за домом напротив, не будет приемов в центральной городской больнице, радостных возгласов вылеченных детей тоже он больше не услышит, как не увидит и добрых глаз регистраторши Болдыревой Наташи... Она отличалась от всех остальных своей костлявой худобой и неестественно бледной мелованной кожей. Он не любил девушку, а просто привык видеть ее в белом халате, за стеклом, каждый рабочий день при входе в больницу. Наташа мило улыбалась и застенчиво моргала большими голубыми глазами, слегка кивая головой в левую сторону. По крайней мере, так думал Антон, что моргала ему она застенчиво. Он, убежденный холостяк и одиночка, знал, что никогда не пригласит ее в ресторан или к себе домой, нагло обойдя один из этапов ухаживания. Даже легкий флирт был таким же вероятным, как вторая операция по удалению аппендикса. Зайцев полностью оправдывал свою фамилию, истошно боясь любых отношений с женщинами.

Поняв, что больше не увидит Наташу, он неожиданно сильно захотел, чтобы та была его законной супругой. Он будет очень сильно любить ее, осыпать цветами, целовать, а она станет для него самой-самой лучшей и подарит ему трех здоровеньких детишек. Как ужасно об этом мечтать, зная, что очень скоро все исчезнет: и Наташа, и он сам, и все остальные люди.

— ...Они затаились в космосе, готовые врезаться в Землю и уничтожить нашу цивилизацию, — вновь послышалось из телевизора, и Антон повернулся лицом к экрану.

— Когда ждать столкновения? — в привычном голосе журналистки новостного канала сквозила паника и нескрываемый ужас.

— Несмотря на то, — жеманно продолжил руководитель астрономической лаборатории, по-женски облизнув нижнюю губу, — что в этом веке вероятность падения метеорита крупнее Тунгусского была ничтожно мала, мы работали во всеоружии, так как последствия подобного столкновения будут катастрофическими. При нынешнем уровне наших знаний это могло случиться как на прошлой неделе, так и на любой другой неделе...

— Но это случилось на *этой* неделе! — гневно перебила ведущая, стукнув рукой по столу. Искоркой блеснул бриллиант на обручальном кольце,

подаренном ей будущим мужем-миллионером. — Я задала Вам конкретный вопрос: когда? Вы знаете ответ или нет?

«Не спасут тебя деньги ухажера, и его тоже не спасут, никого!», — с облегчением подумал Зайцев.

— К сожалению, это произойдет через пять дней.

— В век нанотехнологий и квантовых компьютеров — и никак нельзя сбить этот метеорит?

— Если бы астероид был обнаружен пять лет назад, можно было бы что-то сделать для предотвращения катастрофы. Использование ядерных зарядов неэффективно, так как...

— Да какая теперь разница? — вскрикнула всегда сдержанная журналистка, впервые встав за всю свою карьеру. Прямой эфир не мог скрыть бурлящих эмоций. — Что нам всем ждать?

— Я уполномочен ответить и на этот вопрос, — тяжело вздохнул тот, картинно побледнев, как и полагалось в подобной ситуации. Он-то знал, что его жизнь вне опасности. — Всё живое и неживое на планете будет уничтожено. Велика вероятность того, что и сама Земля тоже. Что будет с людьми? ...Всем известно, что на Марсе находится база по терраформированию красной планеты и наша первая колония. Единственный, к сожалению, межпланетный космический корабль «Счастливчик», который и доставил на Марс первых поселенцев, вмещает только десять тысяч пассажиров и пятьсот человек экипажа. Создан Всемирный центр спасения человечества, который в ближайшие дни проведет...

— Отбор «избранных»! — сорвалась ведущая, откинувшись на мягкую спинку кресла. — Вы хотите сказать, что из десяти миллиардов спасут только десять тысяч?!

— К сожалению, это так. Из ста крупнейших городов мира будет отобрано по сто человек. Видные деятели науки, медицины, спорта, искусства, хорошие специалисты своего дела и простые работяги... Также на корабль попадет с каждого города по пять обычных семей, состоящих из четырех человек, в которых по двое детей: мальчик и девочка. Остальные восемьдесят...

— И кто будет заниматься «отбором избранных»? — желчно спросила журналистка.

«Да не волнуйся ты так, дорогуша, — злорадно скривился ее собеседник. — Уж ты точно не попадешь в этот список!»

— Всемирный центр спасения человечества, — сухо ответил он. — К сожалению, по понятным причинам, сотню, как вы выразились, «избранных», будут скрывать. За определенное время до старта «Счастливчика» с каждого из ста городов с секретного места вылетят авиалайнеры, которые и доставят выбранную сотню людей на космодром. Всю остальную информацию мы вынуждены держать в тайне.

Ещё бы! Зайцев апатично переключил телевизор на канал «Дискавери». Начнутся массовые беспорядки, вмешаются военные, сотню избранных будут доставлять не иначе как под охраной... Всё повторится, как в одном старом американском фильме. И почему я не этот тигр? Устало лежит и ни о чем не подозревает, греется под солнечными лучами возле реки. Ему

совсем нет дела до какого-то там метеорита, он живет на момент «сейчас», а не на «завтра».

Антон пододвинул старое кресло-качалку и удобно устроился напротив телевизора. Показывали разнообразие жизни долины Серенгети. Его пустой взгляд бездумно уткнулся в размытое марево экрана. Он медленно раскачивался, понимая, что выхода нет. Через пять дней ничего не будет. Но для детского врача Зайцева мир уже рухнул, прямо сейчас, а не через пять дней, как для всех остальных, кроме десяти тысяч счастливицков. Оставались только безмятежная тишина и привычное одиночество. И успокаивающее мерное покачивание.

Он не знал, что творится в городе, и не хотел знать.

Прошли сутки. Антон понял, что бессмысленно ждать метеорит. Помимо кресла от деда остался еще и старый пистолет, который заряжался давно не используемыми пороховыми пулями и поэтому нигде не регистрировался при выстреле. Хотя кого сейчас это волнует? Он вправе распорядиться своей жизнью так, как вздумается. Засунуть дуло в рот и нажать на курок — всего-то...

Неожиданно звонкий сигнал «мыльницы» отбросил суицидальные мысли. Если бы было можно, Зайцев давно бы избавился от «мыльницы», как он называл обязательный в каждом доме электронный почтовик, встроенный во входную дверь. Подойдя и глянув на дисплей, Антон не поверил глазам. Пришло письмо от «Всемирного центра спасения человечества».

Неужели его выбрали в «сотню избранных», промелькнуло прежде, чем он нажал на распечатку письма. Ну конечно, а почему нет? Это вполне возможно и логично: детский врач с множеством почетных грамот и дипломов, 35 лет, генетически здоров, крепок, одинок, привязанностей нет, родных тоже нет — он идеально подходил, чтобы попасть в число Избранных.

Первое в письме, что бросилось в глаза, стало «...Вы являетесь *сто первым* в списке...»

Зайцев истерично засмеялся и плюхнулся в кресло, продолжая держать в правой руке распечатанный листок. Немного успокоившись, он обрывочно дочитал письмо: «...В случае если в течение этих трех суток (до вылета на космодром), произойдут какие-либо изменения в списке сотни спасенных, мы сразу же с Вами свяжемся и сообщим о дальнейших действиях...» «Самостоятельно ничего не предпринимайте, это может повлиять на...» «Всю информацию настоятельно рекомендуем сохранять в тайне во избежание...»

Медленно, по кусочкам, разрывая письмо, в голове стучало как когда-то в рельсовых поездах: «Сто первый... Сто первый... Сто первый... Сто первый...»

Ему никогда не везло. С чего бы этому измениться сегодня, да еще в самый нужный и ответственный момент?

Один человек, мешает только один человек. Убить? Нет, врач не смог бы убить человека. Не потому, что давал клятву Гиппократу, а потому, что просто не мог. Даже ради спасения собственной жизни. В случае же Зайцева «тем более» ради спасения собственной жизни.

Время для него шло незаметно, как бы само по себе, отдельно от него, где-то вдали.

Еще сутки Антона сверлила только одна мысль: смог бы он убить, если бы узнал кого-либо из сотни избранных его города и, имея шанс пристрелить, встретил того на улице? Сбоку на столе предательски лежал со вчерашнего дня пистолет и смотрел прямо на него. Качание на кресле стало дико нервировать, а резвящиеся в реке детеныши зебр — раздражать. Зачем ждать оставшееся время? Всего лишь один выстрел — и всему конец.

Зайцев не понимал, слабость это или сила, но встал и подошел к столу. Крепко сжав пистолет, направил дуло в рот, но к курку палец приблизить не успел. Кресло внезапно качнулось, и, шелкнув, упал пульт управления его древнего телевизора, который автоматически переключился на местный новостной канал.

— Только что представителем Центра спасения человечества было официально объявлено, что от сердечного приступа скончался доктор медицинских наук, входивший в число сотни избранных нашего города. В связи с этим...

Антон отбросил пистолет и подбежал к пульта. Дрожащим пальцем нажал на повтор этого сюжета и только тогда поверил услышанному. Только что, в нашем городе, скончался, один из... Один из... Отрывок повторялся снова и снова. Качание кресла уже не раздражало. Неожиданно захотелось курить. Ведь на космическом корабле это вряд ли разрешат. Так захотелось попробовать, впервые в жизни. На прошлый день рождения коллеги, пытаюсь удивить (и им это удалось!), подарили гаванские сигары.

И всё-таки мне повезло, думал он. Единственный раз в жизни, но зато так повезло. Безрадостное детство в приюте для сирот, унылые годы одиночества в университете, практика и работа... Казалось, он никогда и никому не был нужен. Но свершилось! Его час настал. Скоро ему сообщат, что делать дальше и куда идти. Радость переполняла его, хотелось прокричать на весь мир, что он один из избранных. Но надо держать всё в тайне и не суетиться. За ним придут или позвонят. Остается только ждать...

Эх, а Наташу Болдыреву все-таки жаль, она была бы для него идеальной женой.

Снова переключив на канал о животных, Зайцев задымил. Показывали крупнейший в мире транснациональный заповедник «Большое Лимпопо». Мерно журчала речка и успокаивающе раздавались птичьи трели. Приглушив звук, Антон закрыл глаза и, продолжая держать дымящуюся сигару, уснул.

Кресло остановилось, сигара давно потухла и выпала из руки... Антон спал.

Очнулся он сам. Тело неприятно хрустнуло и вздрогнуло. Из окна дружелюбно светило необычно яркое солнце. Сколько прошло минут, Зайцев не знал. Но был уверен, что не больше часа. Почему же до сих пор с ним никто не связался?

Телевизор неустанно показывал живой и неизменчивый мир дикой природы.

Надо что-то делать, понял Антон. Но что? Обратные адреса его почтовик не сохранял, а письмо он порвал на мелкие кусочки. Дыхание стало

чаще, лоб вспотел, появились мурашки... Он не имеет права упустить единственный шанс для спасения. Переключив на новостной канал, увидел ту же самую журналистку, измученную и неухоженную, с неопрятными волосами.

— Только что стало известно, что с одной из крыш небоскреба в центре города вылетел авиалайнер с сотней избранных на космодром к «Счастливицу». Нас оставили умирать!

Не может быть, не поверил Зайцев. А как же он? Ведь он был сто первым! Это его должны были взять на корабль. Он живет в небоскребе в центре города. Только сейчас в правом нижнем углу экрана Антон увидел сегодняшнее число. Оказалось, он проспал целые сутки! Мало того, он проспал свою жизнь.

Шанс, ему предоставили самый значимый шанс, а он его так беспечно упустил.

«Трус! Трус! Трус! — корил он себя. — Если бы сразу застрелился, ничего бы этого не знал. И всё давно было бы кончено. Заставить себя ни о чём не думать и, наконец, сделать то, что хотел в первый же день».

— Нас всех нагло обманули! — вскричала разъяренная журналистка на одной из городских улиц. — Каждому был присвоен номер «сто первый» в списках «избранных» и каждому это сообщили, настоятельно рекомендовав держать всё в тайне. Они боялись и думали, что мы будем спокойно молчать и ждать того, что что-то изменится в списке. С семьями было проделано по такой же схеме. И все мы действительно молчали, потому что...

Раздался выстрел. Молодая привлекательная женщина в строгом костюме мгновенно исчезла с экрана. Оператор успел крупным планом показать упавшее тело журналистки с раздробленной головой, и камера, в руках профессионала, направилась на убийцу. Им оказался совсем еще юный парнишка, придерживающий на плече винтовку. Пьяным взглядом он уставился на оператора, промямлил что-то неразборчивое и направил ствол прямо на камеру. Экран погас, и Зайцев впервые за несколько суток выключил телевизор.

Он запутался и устал. Только что значимый шанс, который Антон упустил, оказался пустой фикцией, сладким пшиком. Шок от упущенного момента сменился новым шоком и расставил все точки над «и». Всего лишь один выстрел... Дьявол, это же так просто!

В третий раз крепко сжав пистолет, чтоб не выронить, Зайцев направил дуло в рот. Сейчас он точно это сделает, нажмет на курок и... Надрывно просигналил почтовик, и от неожиданности Антон выронил оружие. Безразлично подойдя к двери, нажал на распечатку, даже не глядя, от кого пришло последнее в его жизни письмо. Иначе «мыльница» будет сигнализировать непрерывно, а умереть хотелось непременно в тишине.

Взяв письмо, первым было прочитано следующее от почтовой компании: «Приносим извинения за опоздание этого письма на сутки. За компенсацией Вы можете обратиться...» Антон истерично рассмеялся. Ну конечно: сейчас он побежит за компенсацией. Это даже не смешно. Он уселся в кресле и начал медленно раскачиваться.

Любопытство победило, и Зайцев решил прочесть письмо. Буквы сливались и, казалось, бегали по бумаге. «... В связи с кончиной одного из избранных, Вы стали на его место. Ваши данные идеально соответствуют максимальной подходимости для заселения колонии на Марсе. В сложившейся ситуации мы не рискуем связываться с Вами по телефону, а используем только проверенный канал. Также мы не можем обеспечить Вам положенной охраны и доставить на место отбытия воздушного лайнера на космодром. Но от Вашего небоскреба до этого засекреченного места не более десяти минут пешей ходьбы. Не привлекая внимания, Вы должны прибыть в самое ближайшее время по этому адресу...»

Зайцев схватился за голову и начал безумно трястись. Влив в себя пол-литра давно подаренного коньяка, он отключился и провалялся в беспмятстве больше суток. Первое, что сделал, очнувшись, включил уже ненавистный ему телевизор. Радостный возглас незнакомого мужчины мгновенно отрезвил.

— Ученые и астрономы ошиблись! И ошиблись они дважды: во времени пролета астероида и в траектории полета «Счастливого». По неизвестным пока причинам космический корабль резко сменил курс и столкнулся с астероидом. «Счастливчик» уничтожен! — еще более восторженно воскликнул он. — И, как утверждают ученые, именно благодаря этому столкновению астероид пролетит на достаточно безопасном для Земли расстоянии. Мы живы! Мы живы! Мы все живы...

Зайцев опустил голову и единственный на планете горько заплакал, представляя добрые голубые глаза Болдыревой Наташи.

Об авторе

Родился в Ростове-на-Дону, по образованию математик. Литературной деятельностью занялся в 2002 году. Пишет в жанрах фантастики, детектива, юмора, детской прозы. Многократно выходил в финалы и занимал призовые места в различных литературных сетевых конкурсах (по итогам одного конкурса, где вышел в финал, московское издательство «Аст» выпустило сборник фантастики, по итогам другого конкурса изд. «Эксмо» также выпустило сборник). В № 9 за 2006 год журнала «Знание-сила» опубликован рассказ «Время Дон Кихота».

Алексей Леви

Лета вечного не прекратится день...

Оливер на бешеной скорости вылетел из-за угла и резко осадил свой джет-байк у дверей бара. Байк подпрыгнул, завилял и зацепил парковочный автомат. Оливер соскочил с седла, и его «Ямаха», сделав еще пару замысловатых пируэтов, грохнулась на дорогу.

Выругавшись сквозь зубы, парень поднял своего реактивного коня и попытался поставить его на подножку. Тугую пружину заело. Баррет пнул ее носком тяжелого ботинка, но это не помогло. Тогда он просто бросил байк посреди тротуара, пнул его еще раз и загремел вниз по ступенькам.

В этот час единственным посетителем бара «У Млечного Пути» был высокий тощий парень с мутными глазами наркомана с большим стажем и повадками профессионального придурка. Он был поглощен очень важным делом: пытался попасть кием по шару, раскорячившись над бильярдным столом.

Оливер, проходя мимо него, резко толкнул его в плечо. Кий вылетел у того из рук и чудом не порвал сукно. Шар медленно покатился по столу, потом, ударившись о борт, вернулся обратно.

— Какого хрена... — тощий парень судорожно нащупывал в кармане нож.

— Да ладно, успокойся, Ники.

— А, это ты, Ол... — Ники застегнул куртку. — Слушай, как это у них получается? Я полчаса пытаюсь загнать его в ту дыру!

Баррет внимательно оглядел стол: на нем был единственный шар.

— Ты полчаса забиваешь ОДИН шар?!

— Я только учусь. Кроме того, у меня глазомер нарушен.

Баррет взял шар, покрутил его в руке, потом размахнулся и со всей силы запустил в дальний угол бильярда. С оглушительным щелчком шар влетел в лузу.

— Вот так это получается.

— Вау! — Ники обошел стол и уставился в лузу.

— Так! Вы двое, вы пришли в бар или в боулинг? — донесся до них голос бармена.

— Все, все, Том, — Оливер поднял руки. — Нам два темного.

— Это все? — мрачно спросил бармен, поставив перед ними по кружке.

Баррет кивнул. Ники вальяжно откинулся на спинку стула и заявил:

— Мне порцию фуа-гра, карпаччо из лососины и рюмочку курвуазье. Силь ву пле!

— Авек плезир, — так же мрачно буркнул в ответ Том и удалился к себе за стойку.

— Чего это он? — обратился Ники к Оливеру.

— Не обращай внимания, — буркнул тот.

— Что сказали докторишки?

— Ничего хорошего. Пришли результаты анализов. Все подтвердилось.

У Ники отвисла челюсть:

— У вас ведь даже страховки нет!

— Нет. Но она здесь и не поможет.

— Как это?

— Эта болезнь не лечится.

— Сейчас все лечится! Даже ногу могут пришить! Или новые вены вставить! Я знаю, мне на руках делали. Дорого взяли, правда... Зато поставили фторолатовые! До сих пор как новенькие!

— Ногу могут пришить. Руку пришьют. Легкие целиком пересадят. Вырастят тебе любой орган взамен больного — глаз, ухо, желудок... Кроме мозга.

Ники, широко ослабившись, хотел ляпнуть какую-то гнусность, но под взглядом Оливера подавился своей остротой.

— Я не знал, что еще есть такие болезни, — прохрипел он.

— Есть, — кивнул Баррет. — Врач назвал мне их все. Штук пять, не больше. Я их, конечно, не запомнил.

Он достал из кармана куртки сложенную в несколько раз бумажку с эмблемой Федерального госпиталя.

— Идио-то-пи-чес-кая кор-тико-синапти-чес-кая де-ге-не-ра-ция, — прочитал по слогам. — Даже не вздумай гавкнуть что-нибудь на тему дегенератов!

— Да молчу я, молчу... Идиопатическая, наверное?

Оливер перечитал бумажку:

— Действительно, идиопатическая. Откуда ты знаешь это слово?

— Я учился в колледже, — пожал плечами Ники.

Баррет хмыкнул.

— В общем, суть там в том, что рвутся связи между нервными клетками в мозгах. И человек теряет память. Сначала забывает какие-то мелочи, всякую фигню... Потом это нарастает как снежный ком. В конце концов, Джен забудет не только меня, но и себя.

— И ничего нельзя сделать? — Ники был в шоке.

— Ничего, — помотал головой Баррет.

— Как она сейчас?

— Нормально. Врач сказал, что чувствовать она себя будет нормально. До... — у Баррета сел голос, он с трудом прокашлялся, — ... самого конца. Не будет ничего болеть, не будет никаких других... этих... симптомов. Просто она постепенно все забудет. И всех.

— Какой-то кошмар, Ол... — Ники с трудом подбирал слова. — Мне очень жаль...

— Да, этому врачу из госпиталя тоже было очень жаль. Он вообще был не то напуган, не то обижен, — оскалился Оливер. — Насколько я понял, это не только единственный случай в его практике, но и пятый — всего пятый! — за все время, что медицине известно это заболевание.

— А это какое время? — осторожно спросил Ники.

— Сказал — лет двести. Раньше, возможно, люди тоже болели этой дрянью, но медицина не позволяла поставить диагноз. Теперь в ней случился большой прогресс, — саркастически закончил Баррет.

— Что ты будешь делать?

— Откуда я знаю — что делать?! А что тут сделаешь? Наверное, буду делать вид, что ничего не происходит. Будем ждать, когда все это закончится. Когда она все забудет.

— Нет, я имел в виду — сейчас. Ты скажешь ей об этом? Или ей уже в больничке все сказали?

— Не сказали. Она дома, а я ездил за результатами анализов. Она еще ничего не знает.

— Ты скажешь ей все, — полуутвердительно спросил Ники.

— Да, наверное. У меня не хватит смелости обмануть ее. Если только... удалось бы протянуть с этим разговором...

— В смысле?

— Врач сказал, ей осталось максимум до конца лета. Первое время Дженнифер будет просто забывать чуть больше и чуть быстрее, чем запоминать что-то новое. Поэтому будет не очень заметно. Потом разрушение памяти пойдет быстрее и быстрее, буквально с каждым днем и часом. Кончится лето — кончится память. Через несколько месяцев она забудет...

Оливер не закончил. По его небритой щеке поползла слеза.

— Самое паршивое будет не тогда, когда она забудет, как пользоваться компьютером или ложкой с вилкой. Не тогда, когда не сможет говорить, потому что не вспомнит слова и буквы. Самое жуткое, это когда... — наконец проговорил он.

— Это когда она забудет тебя, — Ники медленно кивал головой в такт словам.

Баррет уткнулся в свою полупустую кружку.

Несколько минут он сидел молча. Ники раскачивался на стуле, бурча себе под нос что-то вроде «Лето, лето... вечное лето».

— Я поехал, — вдруг поднялся Баррет.

Ники, казалось, этого даже не заметил.

— Лета вечного не прекратится день... — прошептал он.

— Чего? — выходя из-за столика, подозрительно посмотрел на него Оливер.

Ники не обратил на него никакого внимания.

— Сколько я должен, Том? И за этого придурка тоже, — подошел к стойке Баррет.

— Если он не сломал кий, а ты не разбил шар — то только за пиво, — улыбнулся Том.

— Окей, — вздохнул Оливер, расплатился и вышел из бара.

Его джет-байк кто-то аккуратно прислонил к стене.

Баррет завел двигатель и рванул по улице, лавируя в потоке транспорта и время от времени поднимая байк значительно выше метра от дороги, что, как известно, является грубым нарушением Дорожных правил.

* * *

— Иди, там к тебе этот психопат пришел, — недовольно сказала Дженнифер.

— Какой психопат? — недоуменно возрился на нее Оливер.

— Ну, какой?.. Тут на весь город только один псих, который разгуливает на свободе. Ник, кто же еще.

— Чего ему надо?

— Ну, походи и спроси. Он там на крыльце.

Оливер вышел на крыльцо. Ник стоял, прислонившись спиной к стене, глаза его были полуприкрыты.

— Ну, чего?

Ник открыл глаза и уставился на Оливера. Так они простояли с минуту, потом взгляд Ники прояснился.

— Хочешь, чтобы лето не кончалось? — спросил он.

— Что? Ты чего опять нанюхался? — обалдел Оливер.

— Ни... че... го! — Ник поводит дрожащим пальцем перед носом своего собеседника. — Я чист. Как стекло! Ты же сказал, что времени у нее... ну, у вас — до конца лета? Лето кончается — кончается все. Хочешь, чтобы лето не кончалось?

— Ты чокнутый! — обреченно выдохнул Оливер.

— Да, — спокойно согласился Ники. — Но к делу в данный момент это не относится. Пшли. Чего покажу.. А то твоя меня в дом не пускает.

«И правильно делает», — подумал Оливер, спускаясь по ступенькам на дорожку.

Ники уселся прямо на траву, Оливер опустился рядом с ним на корточки.

— Гляди!

Ники достал из кармана видеоплеер, сунул в него карточку памяти. Экран засветился.

— Смотри, вот...

— Да я ничего не вижу! У тебя руки трясутся так, что ничего не разобрать.

— У меня тремор конечностей! А еще...

— Да, я знаю, еще глазомер нарушен. Дай сюда!

— Ага, а еще у меня...

— Да знаю я! Давай эту штуку! — Оливер отобрал у Ника плеер и уставился на экран.

— Вот сюда смотри, в левом углу.

— Ну и что это? Дельта Винчестера... Яркость... Расстояние от Солнца... Планетная система... Что это такое?

— Четвертая планета Дельты Винчестера! — торжественно провозгласил Ники, ткнув пальцем в экран. — Планета вечного лета!

— Какого, на фиг, лета?! — рявкнул Оливер.

— Вечно, — пискнул Ник. — Лето там никогда не заканчивается.

У Оливера отвисла челюсть.

— Естественно, только в одном полушарии, — размахивая длинными руками, вещал тем временем Ник. — В другом — вечная зима. Экватор — район жутких бурь и штормов. Но вам туда не надо. Вам надо вот сюда, где лето... Мягкий теплый климат, на побережье влажно, в центре континента сухо. 90 процентов солнечных дней в году, средняя температура 22 градуса Цельсия.

— На Земле тоже есть теплые места: Камчатка, Аляска...

— Есть. Только лето там только летом, а зимой там зима.

— Да что ты? Не может быть!

Ники проигнорировал сарказм:

— Может! А вот на этой планетке ВСЕГДА лето в одном полушарии и ВСЕГДА зима — в другом! Она как-то там хитро к своей звезде то ли наклонена, то ли повернута...

— Как такое может быть? — Оливер крутил в руках плеер.

— Откуда я знаю? Я не астроном. Я читаю то, что написано в справочниках. ...Низкий технический и социальный уровень компенсируется климатическими, географическими и социальными особенностями. Минимальная плотность населения. Практически нулевая рождаемость при нулевой смертности от болезней. Невероятно низкая преступность. Это сельский Эдем. Ты уже сказал ей?

— Что? — Оливер так увлеченно смотрел на экран, что не понял вопроса. — Кому сказал?

— Дженнифер своей. Сказал про анализы?

— Тихо, не ори! Ничего я ей не сказал... Я не знаю, как это сделать. Я не могу. Пока соврал, что результаты будут послезавтра. Типа что-то там не успели сделать.

— А послезавтра что скажешь?

— Откуда я знаю? Будет послезавтра — будет видно.

— Ну да, конечно... — ухмыльнулся Ник.

* * *

— Джен, давай все бросим и уедем отсюда, а?

— Куда уедем?

— Все равно. Куда глаза глядят. Главное — отсюда. Помнишь, как три года назад мы...

— А мои анализы? Надо ведь дождаться результата...

— Да пес с ними, с анализами...

— Там все плохо, да? — Дженнифер посмотрела ему прямо в глаза. — Скажи мне, Оливер, там все плохо?

Баррет отвел взгляд.

— Понятно, — вздохнула Дженнифер, — и ты хочешь, чтобы я сделала вид, что ничего не случилось, что все идет как раньше, да? Мы будем сломя голову мчаться на твоём байке, ночевать на обочине и есть бесплатные гамбургеры, потому что наших денег хватит только на бензин?

— Прости, Джен, я... — Оливер закрыл лицо руками.

— А мне с каждой такой ночевкой, с каждым гамбургером будет становиться все хуже и хуже, и, в конце концов, я умру где-нибудь посреди автострады на другом конце Земли?

— Джен, послушай, ну я же извинился! Да, я сморозил чушь, но я больше не буду! Заткнусь и буду молчать! — заорал Оливер.

— Я согласна, — вдруг спокойно сказала Дженнифер.

— Что?

— Я согласна. Поехали. Прямо сейчас. Собираем вещи.

— Ты серьезно? — обалдел Баррет.

— Абсолютно. Сколько мне там осталось? Неделя? Месяц? Я, по крайней мере, получу максимальное удовольствие за это время. Я хочу умереть посреди автострады.

Девушка рухнула Оливеру на колени и обняла его за шею. Баррет зарылся лицом в ее длинные волосы. В наступившей тишине отчетливо слышалось, как в кухне из крана капает вода.

Упало не меньше сотни капель, прежде чем Баррет глухо пробормотал:

— Прямо сейчас не получится. Надо попытаться продать кое-какие вещи... Достать хоть немного денег.

— Сколько тебе надо на это времени? — Дженнифер погладила его по бритому затылку.

— Не знаю, — развел руками Оливер, — может, получится за завтрашний день все устроить.

— Окей, едем завтра. Пойдем в постель, — Дженнифер потянулась. — Хочу начать получать максимальное удовольствие. Пока еще есть такая возможность.

* * *

Ник недоверчиво помотал головой:

— Значит, ты правда решил увезти ее туда?

— А что тебя удивляет? — огрызнулся Баррет. — Разве не для этого ты мне каталог показывал?

— Обалдеть! Там так классно! — Ник блаженно закатил глаза. — В гости-то позовете?

— Мы еще сами не уехали.

— Так чего ты телишься?

— Денег нет. Хочу заложить дом...

— Он же уже вроде заложен, — прищурился Ник.

— Даже дважды, — кивнул Оливер. — Рискну в третий раз, может снова повезет.

— Я могу чем-нибудь помочь?

Оливер задумался.

— Мне нужны деньги. Много денег. Есть идеи на эту тему?

— Я подумаю. А насчет...

— Само собой. Заберешь мой байк. Но только наводка должна быть железная, понял меня?

Ники медленно кивнул, рассматривая байк Оливера.

— Еще мне нужна форма техника Космопорта с карточкой-допуском на летное поле.

Ник вытаращил глаза:

— Ты с ума сошел? Где я тебе ее возьму?

— Не знаю, где хочешь. Она нужна мне всего на пару часов. Не будет формы — не будет байка.

— Да он мне не очень-то и нужен, — буркнул Ник. — Я и ездить-то не умею.

— Это не сложно. Крутишь ручку и ставишь ноги на подножку. Как только ты перестаешь касаться земли, он набирает скорость и сам держит равновесие. Тебе остается только регулировать скорость и выбирать направление. Дашь информацию — сядешь попробовать. Идет?

— Заметано. Ладно, до вечера.

Ник позвонил, когда уже стемнело.

— Ну что у тебя? — Оливер вышел из дома ему навстречу.

— «Сакс и Митчем», Чарльз-авеню. В четверг будет поступление крупной партии. Товар придет вечером, поэтому останется в офисе на ночь. В сейф весь не поместится, часть, скорее всего, просто свалят на пол. Естественно, будет пара охранников. Но это уже твои проблемы.

— Мои, — задумчиво кивнул Баррет. — А все-таки насколько крупная партия?

— Миллиона полтора. Реально можно взять, думаю, не меньше половины. Тебе этого хватит?

Оливер пожал плечами:

— Чтобы добраться до Дальней Сферы — хватит. Это примерно треть пути. А дальше регулярных рейсов нет.

— Как же вы полетите?

— Там видно будет. Наймусь рабочим на грузовик.

— Или угонишь его? — хихикнул Ники.

— Если выбьюсь из графика...

— Вот форма, — Ник протянул Оливеру пакет. — Карточка в кармане. Но имей в виду, сработает она, скорее всего, только один раз. Потом заблокируется.

— Мне больше и не надо.

* * *

События четверга развивались с кинематографической стремительностью. Для Дженнифер, правда, это была романтическая мелодрама — она полностью доверилась Оливеру в подготовке путешествия. С головой погрузившись в предвкушение полета, она совершенно выкинула из головы все, что могло его омрачить. Ей было плевать, что будет с байком, который они бросили на стоянке Космопорта, откуда у них возьмутся деньги на перелет и на жизнь, сколько времени ей отпущено беспомощной медициной... Она даже не знала, куда именно они собираются лететь.

Четверг же Оливера был боевиком с элементами детектива. Впрочем, ему такой сюжет был не в новинку. Уже пройдя паспортный контроль и сдав в багаж свой худосочный байкерский рюкзак, Оливер усадил свою подругу за столик в коктейль-баре, велел заказать что-нибудь убийственно вкусное и омерзительно дорогое, а сам отправился в туалет — «Что-то живот прихватило...».

Просочился незамеченным мимо стюардессы за стойкой и через минуту уже выруливал со стоянки. Полчаса неторопливой аккуратной езды — и Баррет уже в офисе «Сакса и Митчема».

Обратный путь до Космопорта Оливер проделал за одиннадцать минут, сопровождаемый полицейскими сиренами, мигалками и требованиями остановиться. Низвергшись по спиральному пандусу на самый нижний этаж парковки, он натянул свою кожаную куртку на истомившегося в ожидании Ника, нахлобучил ему на голову свой шлем и подтолкнул в спину.

— Ты хоть письмо пришли оттуда! — проверещал Ники, тщетно пытаюсь перекричать рев турбин и приближающиеся завывания полицейских флаеров.

Оливер, одетый в униформу электрика, скользнул в приоткрытую дверь с надписью «Только для персонала». Ник, с трудом удерживаясь в седле, рванул по пандусу, подгоняемый лучом полицейского прожектора.

— На прямой у них нет против него шансов, — бормотал Баррет, блуждая по лабиринту служебных переходов и прислушиваясь к удаляющемуся грохоту погони.

Воспользовавшись магнитной карточкой, Оливер посетил багажное отделение, где в его рюкзак перекочевал небольшой, но, видимо, очень тяжелый сверток, сделал небольшой крюк в сторону туалетов и уселся перед Дженнифер ровно за пять секунд до объявления об окончании посадки на их рейс.

— Все нормально? — спросила девушка, располагаясь в противоперегрузочном кресле шаттла, доставляющего пассажиров на околоземную орбиту.

— Все отлично! — широко улыбнулся Оливер.

— Да? — нахмурилась Дженнифер, — А где твоя куртка?

Оливер оглядел себя:

— Вот черт! Забыл, наверное, в сортире! Да и пес с ней!

— А что же твой дружок Николас не пришел проводить тебя?

— Мы с ним уже попрощались, — ухмыльнулся Баррет. — Кроме того, боюсь, сейчас он немного занят.

— Чем же интересно он так занят? Переводит старушек через дорогу? Или украшает цветами церковь?

— Угу, вроде того, — кивнул Оливер.

У Ники в тот момент дел, действительно, было выше крыши: он со скоростью двести пятьдесят миль в час приближался к выставленному поперек дороги полицейскому заграждению. Пора было решать, что делать: тормозить или проверить на себе рекламные описания заграждения, которое, по уверениям производителя, не могло причинить вред нарушителю, врезающемуся в него на скорости до 500 километров в час.

Ники еще немного подумали и неуверенно придавил тормоз. Столкновение действительно не повредило ему: силовое поле мягко обняло его и аккуратно повалило на бок вместе с байком. Следующее, что он увидел, был ствол парализатора, направленный ему прямо в лоб.

— Если ты, урод, думаешь, что шлем спасет тебя от луча парализатора, то ты ошибаешься, — это было следующее, что он услышал. — Медленно вставай и не делай глупостей.

Путь до городского Управления полиции Ник проделал с комфортом — в полицейском автобусе — и в шлеме. Потом его все-таки пришлось снять, чтобы сфотографироваться. В комнату для допросов Ник прошествовал, элегантно держа шлем на сгибе локтя.

— Но это же не он! — хором воскликнули охранники «Сакса и Митчема».

— Что значит «не он»?! — заорал на них старший следователь. — Куртка! Шлем! Красный джет-байк «Ямаха»!

— Куртка... шлем... байк... — кивали охранники, — но это не он.

Ник довольно улыбался.

— Хватит лыбиться, подонок! Кто хозяин байка? Где он?

— Не знаю! — радостно пожал плечами Ник.

Следователь взял со стола шлем, примерился и наотмашь врезал им Нику по лицу.

* * *

— Эй, чувак! Ты не терял лет десять назад красную «Ямаху»?

Оливер Баррет, подвязывавший в палисаднике какие-то кусты, медленно выпрямился.

— Уж не хочешь ли ты вернуть мне ее? А заодно и шлем с курткой? — наконец спросил он.

Ник развел руками:

— Увы, увы... Все это, похоже, до сих пор на складе вещдоков.

— Черт меня побери! Ники!

— Черт тебя побери! Ол!

Покончив с объятиями, воплями и рукопожатиями, мужчины вошли в дом.

— Какими судьбами ты здесь, Ники?

— Вот приехал проведать старого друга. Далеко же ты забрался, Ол!

— С твоей подсказки! Ты же не станешь утверждать, что все это время был за решеткой?

— Нет, меня продержали всего пару недель. Даже кражу твоего шмотья не смогли на меня повесить. Но подставил ты меня, дружище, своим байком и курткой по полной! — заржал Ник.

— А ты, можно подумать, ожидал чего-то другого! — широко улыбнулся Баррет. — С меня причитается!

— Сто процентов! Мне следователь в околотке три зуба выбил, скотина, и челюсть сломал. Плюс моральный ущерб...

— Сочтемся!

— Ты скажи мне главное — как Дженнифер? — Ники явно боялся услышать ответ.

— Нормально, — пожал плечами Оливер.

И добавил, подчеркивая каждое слово:

— Лето же еще не закончилось.

За спиной Оливера щелкнул замок и мужской голос произнес:

— Для вас обоих уже закончилось. Руки на стол, ладонями вверх, так, чтобы я их видел. И давайте без глупостей.

Оливер медленно положил руки на стол. Ники застонал:

— Вот дерьмо, как я лоханулся...

— Ты знаешь его? — спросил Баррет у Ника.

— Да, — буркнул тот. — Это он выбил мне зубы.

— Дернетесь — вышибу еще и мозги. Ты хорошо замел следы, Баррет. Несколько лет тебя разыскивала вся полиция Внутренней Сферы. И все это время я следил за твоим дружкой, в надежде, что он выведет на тебя. Я оказался прав.

Следователь набрал короткий номер на телефонной трубке.

— Полиция? Срочно вышлите усиленный наряд к дому 12 по аллее Калм. В доме скрывается опасный преступник.

Оливер, приоткрыв рот, смотрел куда-то за спину полицейского. Глаза его были абсолютно пустыми.

Ники, наоборот, вперился в поверхность стола с таким напряженным вниманием, как будто читал там советы, как себя вести в подобной ситуации.

На крыльце вдруг послышались шаги.

— Оли, дорогой, я дома!

Следователь повернул голову к двери, бластер в его руках дрогнул.

Одним движением Ники накрыл ладонью кухонный нож, лежавший на столе, и метнул его. Нож прошуршал по столешнице, взлетел в воздух и угодил ручкой в лоб полицейскому. Его глаза закатились, и он мягко осел на пол.

— Что здесь происходит? — Дженнифер с ужасом смотрела то на незнакомого мужчину, лежащего на полу, то на Оливера, сидящего в той же позе, с руками ладонями вверх на столе, то на Ника, который, казалось, сам был предельно удивлен таким развитием событий.

— Я спрашиваю, что здесь происходит? Оли, кто этот человек?

— Дорогая, поднимись в спальню. Побудь пока там, — глядя прямо перед собой, сквозь зубы произнес Баррет.

— Я говорила — от этого психа только одни неприятности. Откуда он опять взялся на нашу голову? — Дженнифер махнула сумочкой в сторону Ники.

— Я сказал тебе — иди в спальню! — заорал Оливер, вскакивая со стула. Послышалось завывание полицейских сирен.

— Мы же сможем убедить местных легавых, что он застрелился?

— Даже не надейся. Копы здесь хоть и избалованы низкой преступностью, но одному из нас отвертеться не удастся.

— А что здесь полагается за убийство? — мрачно осведомился Ник.

— То же, что и везде — вышка, — буркнул Оливер.

— Свяжи своей жене руки за спиной, — так же мрачно проговорил Ник.

— Что?! Зачем? Ты что, спятил? — заорал на него Оливер.

— Хочешь обратно на Землю, в тюрягу? Делай, что я говорю!

Оливер вытащил из ящика стола моток прочной веревки, подошел к Дженнифер, потерявшей дар речи, и связал ей руки.

— Привяжи ее к стулу.

— Какого черта? — засопровтивлялась было женщина, но Оливер силой посадил ее на стул и привязал остатками веревки.

Несколько полицейских машин, шурша гравием, подъехало к дому. Заскрежетал громкоговоритель.

— Чудненько, — Ники обошел привязанную к стулу Дженнифер, направляясь к полке с кухонной утварью.

— Ну и что теперь? — саркастически осведомился Оливер.

— Да ничего, — грустно ответил Ники и изо всех сил шархнул друга по голове сковородкой.

Не обращая внимания на отчаянно визжащую Дженнифер, Ники вытряхнул на пол содержимое ящиков и шкафов, потом бегом поднялся в спальню и сделал то же самое там. Это заняло у него совсем немного времени.

Через минуту Ники вышел на крыльцо, одной рукой прижимая к себе потерявшего сознание следователя, а другой приставив к его горлу нож.

Полицейские машины полукругом выстроились перед крыльцом.

— Мне нужно пятнадцать миллионов долларов и подготовленный к полету корабль! — заорал Ники. — Или я перережу ему глотку! Считаю до трех!

Полицейские явно пребывали в растерянности. Один из них держал у рта микрофон, но не знал, что говорить. Остальные смотрели на Ника сквозь прицелы карабинов и пистолетов и не знали, что делать.

— Раз!..

Полицейский с микрофоном пробормотал:

— Сэр...

— Два!..

Другой полицейский поудобнее перехватил карабин и прицелился.

— Два с половиной... — Ники ехидно ухмылялся.

Слово «Три!», выстрел и движение ножа, перерезавшего шею следователя чуть ли не до позвоночника, совпали во времени.

Десять минут спустя Оливер стоял над двумя телами, накрытыми черной пленкой. Рыдающая Дженнифер прижималась к его плечу.

— Вы знаете этих людей? Мистер Балмер? Миссис Балмер?

— Нет, — помотал головой Оливер и ткнул жену в бок локтем.

— Один из них — полицейский следователь в отставке с Земли. Личность второго мы пока установить не можем. Известно лишь, что они прибыли к нам одним рейсом. Возможно, наш коллега следил за этим подонком. Вам повезло, что он успел сообщить нам.

— Еще как повезло, — буркнул Оливер, почесав шишку на затылке.

Полицейские, наконец, уехали, забрав тела. Оливер сел на ступеньку. Дженнифер опустила на колени рядом с ним.

— Может, ты все-таки расскажешь мне, что все это значит? — всхлипывая, спросила она. — Кто этот человек? Как здесь оказался этот твой психованный дружок? Почему он убил его?

Оливер обнял ее за плечи и вытер слезы, струящиеся по щекам женщины. Потом махнул рукой:

— Забудь...

Об авторе

Алексей Леви (это псевдоним) родился 6 июня 1971 года в Оренбурге. Закончил Оренбургский Государственный медицинский институт в 1994 году. После прохождения интернатуры работал в Адлерской городской больнице г. Сочи врачом-терапевтом и врачом ультразвуковой диагностики. В настоящее время работает веб-программистом. Живет в г. Сочи.

Первая публикация — юмористический рассказ «Советы про запас врачу-интерну» в «Медицинской Газете» (номер 1-2 за 1997 г.). В альманахе Б. Стругацкого «Полдень XXI век» (сентябрь 2007 г.) опубликован рассказ «Номер 758». В № 3 (8) за 2008 год «Знание-сила: Фантастика» был опубликован рассказ «В яблочко».

Леонид Пузин

Надежда Град

Надежда Град — молодая ста двадцатитрехлетняя арианка — нежилась в теплой соленой воде Сиреновой лагуны. Перевернувшись на спину, она полностью расслабила тело, отдавшись ласке невысоких покатых волн, лениво набегающих через узкую горловину бухты, и рассеянно следила за плывущими в ослепительной синеве перламутровыми облаками. Недавно взошедшее местное солнце — звезда главной последовательности спектрального класса F7 — стояло невысоко, позволяя сквозь густые ресницы смотреть в зенит. Уже через час это делается невозможным даже для арианки, не говоря об антитеррианине Льве Глюке, который ближе к полудню не посмеет и на пять минут высунуться на открытое место. Антитеррианине Льве... Левушке... ничего себе — антитеррианине! Да по ветрености и легкомыслию в отношениях с женщинами ее ненаглядный Левушка даст сто очков вперед самому беспечному уроженцу Афродиты-2! Нет! И угораздило же ее всерьез влюбиться в этого бабника! Словно она шестидесяти— семидесятилетняя девчонка, а не зрелая ста двадцатитрехлетняя женщина!

Надежда Град вздохнула и машинально погладила левой ладонью подпльвшего Поля — взрослого «самца» из рода саламандр-амфибий. Польщенный вниманием женщины, Поль радостно хрюкнул и проурчал нечто вроде «спасибо» — голосовой аппарат саламандр плохо справлялся со звуками человеческого языка, и понимать амфибий без фонопреобразователя было трудно. Впрочем — как и саламандрам людей, пытающихся щелкать и свиристеть на языке земноводных. Вообще — если бы не увенчавшийся успехом многосотлетний опыт землян по налаживанию ментальных контактов с дельфинами, люди не скоро признали бы саламандр разумными существами. В самом деле: живут в основном в воде, не имеют никаких орудий, а если и пользуются языком, то самым примитивным... по первому впечатлению! Слава Богу, в ходе длящейся вот уже 650 лет Второй Звездной Экспансии люди в значительной степени смогли отказаться от антропоцентрических взглядов на мир, и когда 220 лет назад на Хроносе-2 были обнаружены говорящие саламандры-амфибии — вопрос о колонизации этой планеты сразу отпал.

Описав вокруг Надежды Град крутую спираль, Поль умчался в открытое море: обладая большой способностью к эмпатии, саламандры всегда чувствовали, когда следует приблизиться к человеку, а когда — оставить его в одиночестве.

Молодая женщина-экзопсихолог, заметив внезапное исчезновение Поля, никак на это не отреагировала — сейчас она не была специалистом

экзопсихологом, сейчас она была просто ревнивой женщиной. Нет, и угрозило же ее влюбиться в этого рыжего ста шестидесятилетнего мальчишку! Который, несмотря на блестящую научную подготовку и большой опыт в области конструирования и эксплуатации средств Мгновенной Связи, так и останется навсегда мальчишкой! И не только в отношениях с женщинами. Одержимый идеей мгновенного перемещения материальных объектов он, видите ли, не желает «гноить себя» в «тухлых» лабораториях, а предпочитает быть «вольным собирателем камешков» на берегу... чего? Ручейка, речки, океана? Для Левушки — не суть, для него главное: быть вольным собирателем.

Вообще-то — а как всякий психолог, Надежда Град знала основы психиатрии — у ее возлюбленного явно параноидальный склад ума, но... не лечить же Льва от гениальности?! Другое дело — надрать уши! Разумеется, не за его завиральные идеи, а за Ирмочку Кох — не обремененную интеллектом длинноногую восьмидесятилетнюю соплячку.

Утешив себя тем, что человеческую природу не переделаешь, Надежда Град внутренне расслабилась и, прикрыв глаза, стала измышлять для своего неверного возлюбленного какое-нибудь болезненно-сладостное «наказание», как вдруг сквозь сведенные веки ударил ослепительный свет. Опередив сознание, тренированное тело молодой женщины мгновенно скользнуло на дно лагуны — на глубину тридцати метров. Задержав дыхание, Надежда ждала, когда над ней пронесется мощная взрывная волна, но прошли минута, другая, третья, а играющая рябью поверхность воды оставалась спокойной.

Почувствовав, что ей не хватает воздуха, Надежда Град вынырнула на поверхность. Повертев головой, женщина нигде не увидела никаких следов взрыва: ни столбов дыма и пыли — вблизи, ни грибовидного облака на горизонте. Да, но ослепительная-то вспышка была? Причем — настолько яркая, что инстинкт сработал быстрее разума. А ведь, в отличие от сознания, инстинкт не обманешь ни галлюцинациями, ни миражами — и? Что же так ослепительно полыхнуло? И сразу погасло, не оставив никаких следов? Или?... или Левушке все-таки удалась его безумная затея?! Да, но в этом случае?... Боже!

В несколько взмахов достигнув берега, Надежда Град стремительно бросилась по ведущей к Станции тропинке. Сто шагов, двести, триста — стоп! Женщина сходу вломилась в густые заросли усыпанного крупными цветами кустарника. До поляны, на которой расположилась Станция, оставалась не более пятидесяти метров, но ведущая к ней тропинка вдруг потерялась в непроходимых зарослях. Надежда, вся в цветочной пыльце и царапинах выбравшись из кустов, недоуменно огляделась: где мощеная известняковыми плитами тропинка, где стройные пальмы по ее обочинам, где подстриженная трава газона, где, наконец, Станция? Вместо ухоженной территории, вокруг кряжистые древесные великаны да густой подлесок из незнакомых женщине кустов, лиан и прочей ни на что не похожей растительности — словом, дебри. Проблуждав в которых не меньше часа, отчаявшаяся Надежда рухнула на землю и бурно разрыдалась: Левушка, что ты наделал?! И где ты теперь — любимый?! Вообще — где все

люди?! Неужели на Хроносе-2 она осталась в полном одиночестве?! Но — почему?! Ведь если Льву удалось воплотить в жизнь свои бредовые идеи, то на этой планете никому из людей не могло быть места! Ей — в том числе! Тем не менее, она здесь, а другие... нет! Станция, конечно, здесь! Просто из-за вдруг выросшего густого подлеска она не может ее найти! Сейчас! Она отдохнет несколько минут и обязательно найдет людей!

Выплакавшись, Надежда Град смогла взять себя в руки и заняться планомерными поисками Станции — тщетно. Единственное, что удалось женщине после двух часов блуждания в почти непроходимых джунглях, это выйти на берег лагуны.

Волны, проникающие сквозь узкую горловину в коралловом рифе, по-прежнему лениво накатывали на широкий песчаный пляж, по-прежнему нестерпимо сияло солнце, в воде по-прежнему резвились разумные саламандры. Здесь, на берегу, Надежде на миг почудилось, что в мире ничего не изменилось, что стоит ей ступить на начинающуюся у раздвоенной пальмы тропинку и она через пять, семь минут придет на Станцию, задаст ласковую трепку своему ветреному любовнику и, пролив Левушке его легкомыслие... увы! Ничего подобного быть уже не могло! Все изменилось. Даже отсюда, с будто бы сохранившегося в прежнем виде пляжа, Надежда Град не могла не заметить, что прибрежные пальмы уже не те, которые она знала. Не говоря о поднимающихся за ними, увитых лианами лесных гигантах. И, конечно, начинающаяся на берегу тропинка никуда уже не ведет — ибо нет Станции, нет людей, нет Левушки. А есть... а что, в самом деле, есть? Кажется, есть она, Надежда Град... Которую — совершенно непонятно почему! — этот мир не изверг из себя. Несмотря на то, что — теоретически — после удавшегося Льву эксперимента, она сделалась чужеродной этому миру. И, тем не менее, вопреки всем теориям, она здесь — на одном из сотен небольших, затерявшихся в бескрайних просторах Южного океана, островов. Отныне — единственный представитель вида *Homo sapiens* на Хроносе-2... а единственный ли?

Трепеща от смешанного с робкой надеждой предчувствия неудачи, женщина активировала вживленную под кожу левого предплечья капсулу Мгновенной Связи — молчание. Находящаяся в девяти тысячах километров отсюда Северная Станция не ответила, а это могло означать только одно: в результате Левушкиного эксперимента — в полном соответствии с его бредовыми идеями — Северная Станция исчезла также как и Южная. Причем — вместе со всеми исследователями. В противном случае индивидуальная капсула МС автоматически отозвалась бы на вызов Надежды Град — будь ее обладатель хоть без сознания, хоть даже мертвым, ибо повредить капсулу МС чрезвычайно трудно, практически невозможно. И из всего этого следовало, что на Хроносе-2 она осталась единственной женщиной в радиусе двадцати семи световых лет.

Осознав свое полное одиночество, Надежда Град почувствовала такую тоску, что не смогла даже заплакать — какие слезы, когда на расстоянии двадцати семи световых лет нет никого, кто бы мог их утереть? И вдруг...

— Нджда, тнг нна дна. Мна с тба.

«Надежда, ты не одна. Мы с тобой», — поняла женщина скрипуче шелкающую речь незаметно выбравшегося на берег и приблизившегося к ней Поля.

Благодарная Надежда Град коснулась ладонью плеча разумной саламандры и, почувствовав исходящие от нее волны дружелюбия и участия, немного приободрилась — действительно! Ох уж этот антропоцентризм! Страдая от обрушившегося на нее несчастья, она совершенно упустила из вида, что Ното — еще не все, что не менее важно — *sapiens*. Значит, в главном — в реализации интеллектуального потенциала — она не одна. И все же... интеллект интеллектом, а душа душой! Не говоря обо всем прочем, смогут ли разумные саламандры удовлетворить ее потребность в элементарном общении с себе подобными?

Однако сейчас, чувствуя рядом дружелюбно настроенное разумное существо, женщина смогла заплакать — теперь, образно выражаясь, было кому утереть ее слезы. Надежда плакала, а Поль, бережно глядя ее по плечам и спине рукой-ластой, эмпатировал ощущения нежности, заботы, понимания и любви. И женщину покорила эта ненавязчивая ласка разумного земноводного — выплакавшись, Надежда Град смогла увидеть мир не в столь черном свете, как прежде. Да, конечно, тревога за судьбы пропавших людей и, особенно, Левушки оставалась, но женщина вдруг почувствовала, что все они живы, хоть и находятся в невообразимой дали. И, значит, их возвращение вполне вероятно?..

Надежда Град вдруг вспомнила, что ее индивидуальная капсула МС, если убрать ограничитель, пригодна для связи не только на межконтинентальные, но и на межзвездные расстояния. Да, использование индивидуальных средств МС для сверхдальней связи разрешалось только в исключительных обстоятельствах, но сейчас был как раз такой случай.

Отыскав острую раковину, женщина сделала небольшой надрез на коже левого предплечья, слизнула выступившую капельку крови и, ногтем указательного пальца подковырнув утопленный в корпусе миниатюрной капсулы шпенек, извлекла предохранитель — тонкую, но чрезвычайно прочную нить. Теперь, ориентированная на десятки тысяч стационарных приемников Мгновенной Связи, индивидуальная капсула Надежды Град должна была автоматически посылать сигналы бедствия по всем направлениям — черта с два! Прошло пять секунд, десять — минута — никакого ответа! Поломка? С какой стати? Ведь индивидуальные капсулы МС, кроме того, что исключительно прочны — дьявольски надежны. И сейчас, не получая ответного сигнала, женщина чувствовала, что впадает в панику: неужели вздорный Левушкин эксперимент мог иметь такие глобальные последствия?! Хотя... если Льву Глюку действительно удалось воздействовать на удаленные во времени критические точки, последствия могли оказаться самыми непредсказуемыми. Ведь в этом случае вмешательство в мировой событийный ряд случилось на одном из самых глубоких уровней — на уровне виртуальных причинно-следственных связей. Что — конечно, сугубо теоретически — могло привести к исчезновению всей актуальной вселенной. Однако — по ощущениям Надежды Град — не привело. А вот Левушка — ее неверный возлюбленный — бесследно исчез. И она, ста двадцатитрехлетняя арианка...

Если бы не Поль и другие присоединившиеся к нему разумные саламандры, женщина вновь впала бы в безудержное отчаяние, но эмпатируемое аборигенами Хроноса-2 чувство соединенности всех со всеми отвратило Надежду Град от желания немедленно утопиться. Вздор! Человечество не исчезло! Просто испортилась ее индивидуальная капсула МС! Или... женщине вдруг пришло в голову, что в результате безответственного эксперимента Льва Глюка Мгновенная Связь могла оказаться еще не открытой видом *Homo sapiens*? Более того — этот беспокойный вид до сих пор не освоил межзвездные перелеты?

По счастью, эмпатируемые земноводными дружелюбие, нежность, любовь удержали женщину от нового витка отчаяния, и представившиеся Надежде картины вечного одиночества вызвали у арианки лишь ностальгическую грусть: что же — не она первая, не она последняя. Во все времена было немало изгоев разлученных с родной страной, родным языком, родной культурой. Взять хотя бы того же Робинзона Крузо, в отличие от которого, у Надежды Град не было при себе ничего из сделанного людьми: ни припасов, ни инструментов, ни орудий, ни даже минимальной одежды — если люди входили в воду Сиреновой лагуны хотя бы в плавках или бикини, саламандры не вступали с ними ни в какие контакты, объясняя это тем, что все искусственное резко подавляет чувство эмпатии. Соответственно, купалась Надежда Град полностью обнаженной. А поскольку от ее коттеджа до берега Сиреновой лагуны было не более полукилометра, то и пришла она сюда тоже голенькой. Благо, нравы исследователей позволяли подобную вольность. Да плюс теплое летнее утро — вообще: мягкий субтропический климат острова, на котором располагалась Станция.

Так что в обеспеченности припасами и снаряжением Надежда Град безнадежно проигрывала Робинзону Крузо. (Конечно, если не считать капсулу МС, о многих возможностях которой арианка, потрясенная свалившимся на нее несчастьем, в данный момент напрочь забыла.) Зато в другом — в возможности общения с братьями по разуму — женщина была в несравненно лучшем положении, чем потерпевший кораблекрушение матрос.

— Надажда, таба нада ахадать. Здасть бать нальза. Бадать штарм. Скара. Сачас. Падам. Аз пакажа, гда мажна бать.

Вдруг обеспокоено произнес Поль. Из всех гласных звуков человеческого языка саламандрам давался только звук «а», да и то с трудом. Поэтому, как правило, земноводные его произносили только по месту, не заменяя звуком «а» другие гласные. И то, что сейчас Поль попытался как можно точнее скопировать человеческую речь, лишь затруднило понимание. Смысл сказанного дошел до Надежды только тогда, когда Поль, взяв женщину за руку, неуклюже поднялся на задние лапы и со всей доступной для него скоростью повел арианку в сторону прибрежных пальм. И хотя, кроме вдруг появившейся на горизонте темно-лиловой тучи, ничто не указывало на необходимость спешки, женщина почувствовала: ураган налетит на остров через пять, семь минут. Причем — ураган страшный. Такой, какого не видела не только она, но, возможно, не регистрировали исследователи за все 220 лет изучения Хроноса-2.

— Поль, в лес нельзя. Опасно. Ураган повалит деревья. Да и вообще — здесь низко, все затопит. Уходи в лагуну. Там на глубине никакой шторм не страшен. А я попробую добежать до скальной гряды. Возможно, найду пещеру.

Думая, что саламандра не может оценить ярость надвигающейся бури и, соответственно, степень угрожающей ей опасности, Надежда Град попыталась отговорить Поля от смелого, но, на взгляд женщины, безрассудного поступка.

— Зна. Тт нн спш тжж. — Больше не стараясь подделываться под человеческую речь, привычным для себя образом ответил Поль. — Здз асть дна бжаща. Кда пршла вв лда — вва нн бла. А счас, кгда тва мжж вл всх лда, нна снва асть.

«Поль знает об исчезновении всех людей, — поддерживая неуклюже ступающую по земле саламандру, подумала Надежда. — Мало того, он знает, что люди исчезли в результате эксперимента моего непутевого Левушки! Откуда?»

Но сосредоточиться на этих непростых вопросах женщина не успела — налетел ветер, ярко сверкнула молния, ударил гром.

— Здззь бльзка. Аз нн спть. Тт спшшь. Бга. Вдшь та бльш дрва? Там пщра. Бга.

Диким порывом ветра сбита с ног, сквозь вой и грохот налетевшей бури Надежда Град услышала самоотверженный совет амфибии. Да, если оставить саламандру и со всех ног броситься к одиноко стоящему лесному гиганту, она, пожалуй, сможет добежать до укрытия прежде, чем ураган обрушится на остров со всей сокрушающей силой. Да, но... бросить Поля? Который ни за что не успеет вернуться в лагуну и наверняка погибнет на берегу? Ведь саламандры на суше очень медлительны и неуклюжи — Поль и десяти минут не сможет противиться ярости небывалого урагана. И? Нет! Спасутся или погибнут они вдвоем! Два мыслящих существа, два сапиенса — саламандра и человек.

Женщина присела, схватила поперек туловища лежащую на земле амфибию, закинула ее себе на плечо, резко выпрямилась и, шатаясь под порывами ветра, трусцой побежала к возвышающемуся над пальмами огромному дереву. Вообще-то, для физически сильной, хорошо тренированной арианки пробежать триста метров с восьмидесятикилограммовым грузом на правом плече не составило бы особенного труда, но... первый раз Надежда упала, не одолев и семидесяти метров. Следующий бешеный порыв ветра сбил женщину с ног еще через пятьдесят шагов. Причем, на этот раз она упала так неудачно, что растянула ахиллесово сухожилие на левой ноге и, кажется, повредила правую ласту Поля — во всяком случае, арианка почувствовала пришедший извне болевой импульс. Будь у нее хоть секунда времени, женщина вскрикнула бы, но сейчас, в поисках спасения, Надежда отметила эту двойную боль как нечто стороннее, досадное, но не существенное. Поль отреагировал по-другому: почувствовав боль своей спасительницы, саламандра коротко проскрежетала:

— Брззь ммна. Ббга дна.

Не слушая амфибию, женщина вновь подхватила Поля и, хромая на левую ногу, продолжила отчаянный путь к спасению — под бешеным натиском урагана спотыкаясь и падая, через каждые пятнадцать, двадцать шагов.

Когда до убежища оставалось около пятидесяти метров, с неба обрушился водопад. А если к бешеному ливню добавить ослепляющие вспышки молний, оглушающий гром, треск ломающихся деревьев, то ничего удивительного, что, достигнув входа в пещеру, Надежда Град посчитала чудом свое с Полем спасение. Вот тебе и планета с семиградусным наклоном оси вращения, вот тебе и мягкий субтропический климат! Ведь ураганы такой силы случаются лишь на Земле, Антитерре, Аресе-1, ну, и еще пяти, шести отличающихся особенно суровым климатом планетах! Но чтобы — на Хроносе-2? А уж не Левушкин ли безответственный эксперимент поднял всю эту бучу?!

Разумеется, подобные мысли явились Надежде Град лишь после того, как она с Полем укрылась в надежном убежище — в толще известняка промытом подземной речкой гроте.

Ураган бушевал все яростнее, непрерывно грохотал гром, вспышки молний слились в одно фантастическое бледно-фиолетовое сияние, то и дело с треском валялись или сломанные, или вывороченные с корнями деревья. Ветер гнал волны с океана — так что хляби морские, соединившись с хлябями небесными, в течение трех часов затопили большую часть острова. У женщины возникло ощущение, что природа, возмущившись экспериментом Льва Глюка, хочет уничтожить не только следы, но саму память о пребывании людей на Хроносе-2. Вздор, суеверие, беспардонный антропоцентризм — но, чем дольше свирепствовал ураган, тем, дрожащей от холода Надежде Град, все сильнее казалось: Левушка! Во всем виноват ее неверный возлюбленный! По милости которого, она вот уже несколько часов дрожит от холода, в тщетной попытке согреться, прижимаясь к тоже смертельно мерзнувшей саламандре! Ах, Лева, Левушка...

— Нджда, сла тт нн смжшь жжчь агнь, та мм мрм ат хлада.

Робкая просьба Поля вывела из оцепенения впавшую в апатию арианку. Поднявшись на ноги, Надежда Град стала на ощупь шарить по песчаному полу — надеясь отыскать две, три занесенных дождями ветки. Однако, излазив в темноте всю небольшую пещеру, женщина не нашла никакого топлива. С виноватым видом вернувшись к замерзающему Полю, Надежда собралась поведать ему о своем удручающем открытии, как вдруг спохватилась: Господи! Да у нее же океан энергии! И, главное — она знает, как ею воспользоваться! Ведь еще перед отправкой в экспедицию, когда ей вживляли под кожу капсулу МС, она получила соответствующие инструкции! И надо же! Сейчас, когда пришло время воспользоваться одной из этих инструкций, она все забыла!

Отступив от саламандры на полтора шага, Надежда несколько раз энергично нажала на скрывающую капсулу плоть, набрав соответствующий код. Все тело женщины окуталось голубоватым сиянием; вытянув левую руку, арианка задала энергетическому полю нужные параметры и направила указательный палец на стену пещеры. Ослепительное световое пятно, кругоо-

бразно скользя по слоистому известняку, в течение нескольких минут накалило два кубометра камня до температуры трехсот-четырехсот градусов — женщина выключила капсулу МС и вместе с Полем отступила вглубь убежища: нагретое место дышало непереносимым жаром. Не имея практики, Надежда сформировала чересчур мощный луч. По счастью, грот был достаточно вместительным, и для двух сапиенсов нашлась комфортная зона.

Благодарная амфибия, устало прооручав «спсьба», растянулась на покрытом песком полу грота и сразу заснула — видимо, для саламандры, больше девяноста процентов времени проводящей в воде, застигший ее на суше ураган оказался почти непосильным испытанием. Впрочем, и человеку, Надежде Град, пришлось израсходовать столько физической и нервной энергии, что, жесткое посчитав песчаное ложе вполне комфортабельным, арианка легла рядом с Полем и попробовала уснуть. Тщетно. Несмотря на смертельную усталость, сон не шел к женщине — не из-за воющего снаружи шторма, а из-за вновь одолевших Надежду тяжелых мыслей. Да, она мало что понимает в граничащих с философией областях теоретической физики, но ведь Левушку-то знает очень неплохо! Знает, что он «сумасшедший гений»! И, следовательно, могла предполагать, что, какими бы завиральными ни казались его идеи, вероятность их реализации не равна нулю. Оставался ничтожный шанс, что, используя сверхдальнюю Мгновенную Связь, Льву Глюку удастся воздействовать на затерянные во времени точки бифуркации — и? Случилось то, что случилось! И во всем виновата она — ослепшая от ревности, самовлюбленная дура! А еще — психолог! Вместо того, чтобы дуться из-за романа Левушки с Ирмой Кох, побольше бы внимания уделять его работе!

— Наджда, нн нада. Тт нн в чм нн внвата.

Услышав скрипучий голос проснувшейся саламандры, женщина вздрогнула: это уже не эмпатия! Это уже пахнет телепатией! Допустим, пробудившись, Поль мог ощутить ее смятение, но догадаться, чем оно вызвано?.. хотя... а земноводное, между тем, продолжило:

— Тва мжж врнтса. Чрз дсть льт. Вмсть с всм льдьм.

«Он — что? Мало того, что телепат, так еще и ясновидящий?! Да, но в этом случае почему мы люди за все 220 лет исследовательской работы на Хроносе-2 не заподозрили ничего подобного?», — мелькнуло в голове у арианки, и Поль тут же ответил на ее не высказанный вопрос.

— Да, Наджда. Мм мжм слштть мсль дрг дрга, а такж вдть та, чта бдть. А вам гврть бла рана. Вв нн так как мм. Вв, чтаб знать, длать сба рзн вщ, а мм знать так, сднв мсль мнх.

«Да, Надежда. Мы можем слышать мысли друг друга, а также видеть то, что будет. А вам об этом говорить было рано. Вы не такие как мы. Вы, чтобы познавать мир, делаете себе разные вещи, а мы познаем по-другому, соединив мысли многих, — поняла арианка. И тут же подумала: — Вот тебе и сходная ментальность! Почти человеческое мышление! Как бы ни так! Ну да, то, что саламандры эмпатики, это поняли еще первые исследователи Хроноса-2, но способности земноводных к телепатии и ясновидению... нет! Какими же слепцами были все экзопсихологи, изучавшие эту

расу?! Она — в том числе! Но главное — даже не телепатия и ясновидение! Главное — феномен коллективного мышления. Если она верно поняла Поля, разум амфибий коренным образом отличается от человеческого: саламандры не обучаются индивидуально, а непосредственно перенимают знания от своих сородичей. Но в таком случае мышление амфибий должно эволюционировать крайне медленно? В десятки, если не в сотни раз медленнее человеческого? Хотя...»

И вдруг Надежда Град почувствовала, что и этот, и все подобные ему вопросы являются для рептилий совершенным пустяком, что «познание ради познания» саламандрами ценится очень невысоко, что для них главное — гармония в отношениях друг с другом и с окружающим миром. Именно поэтому разумные амфибии, как только людям удалось объяснить с ними и убедить аборигенов, что пришельцы не причинят вреда ни самим саламандрам, ни их миру, проявили редкое дружелюбие. Хотя, как только что поняла Надежда, открылись амфибии далеко не полностью. Намеренно? Или в силу особенностей своего интеллекта? Но в таком случае, почему Поль все же доверился ей? Из благодарности, что она помогла ему спастись? Но ведь и он тоже, смертельно рискуя, показал женщине убежище на суше. Вместо того, чтобы, нырнув в глубину лагуны, спокойно переждать бурю...

«Надежда, для меня жизнь — совсем не то, что для тебя, — поразительным для человека образом арианка вдруг непосредственно восприняла мысль амфибии. — Да, от наших далеких предков у нас сохранился страх смерти, но только — на телесном уровне. Наше сознание — или наша индивидуальность, не знаю, как будет правильно — не исчезает полностью с физической смертью организма, но, слившись с сознанием миллиардов особей нашего вида, продолжает существовать. Также — как и наши ощущения.

«Поль, неужели мы с тобой можем общаться мысленно? — игнорируя не совсем понятные разъяснения саламандры, Надежда в первую очередь заинтересовалась самим фактом телепатического общения. — А почему не могли раньше? Или — вы можете передавать мысли только друг другу? Или?..»

Благодаря полученному ею телепатическому дару, женщина поняла: все дело в эмпатии. Когда она спасала Поля, а Поль спасал ее, их внутренние чувства и внешние ощущения слились настолько, что, сделавшись общими, открыли дорогу прямому обмену мыслями. Ибо телепатия у саламандр развилась на основе эмпатии. И ясновидение — тоже?

«Относительно ясновидения — я не знаю, — мысленно отозвался Поль, — то, что ты называешь ясновидением, возникло у нас недавно. А насчет открывшейся у тебя способности к прямому обмену мыслями — ты поняла верно... К тому же, Надежда, способности к ясновидению у нас проявляются спорадически — независимо ни от времени, ни от степени важности грядущего события. Как, почему — не спрашивай, сам не знаю. Однако, Надежда, можешь не сомневаться, твой Лев вместе со всеми исчезнувшими людьми благополучно вернется на этот остров через девять лет, одиннадцать месяцев и четыре дня. И здесь все станет, как прежде — до их

исчезновения — и ваша Станция, и дорожки в лесу, и подстриженные газоны. А не эта дичь из прошлого, появившаяся вместе с ураганом. Который тоже — из прошлого. Ведь на нашей планете вот уже 20 миллионов лет не было таких свирепых ураганов»

«Интересно, откуда Поль может знать о климате на Хроносе-2 за 20 миллионов лет? Да еще — в таких подробностях?», — подумала женщина и тут же получила телепатический ответ:

«Наш вид знает обо всем случившемся на планете за последние 25 миллионов лет — с того времени, когда у нас появилась способность к телепатическому общению и образовалась коллективная память. Вообще, Надежда, мы, саламандры, были крайне удивлены, познакомившись с вашим способом познания мира. Ведь, по нашим представлениям, вы, не обладающие коллективной памятью, должны были находиться на крайне низком уровне развития — в самом деле, много ли может знать отдельно взятый индивид? Да еще — при весьма невысоком уровне эмпатии? Однако, Надежда, непосредственно почувствовав мою боль, ты стала эмпатиком. И я теперь, честно, не знаю: насколько ты осталась человеком, насколько — сделалась саламандрой...»

«Я — саламандра? — на миг возмутилась женщина, но сразу же справилась с этой антропоцентрической отрыжкой, — а почему бы и нет? В конце концов, не я сбежала ото Льва, а Левушка умчался за тридевять земель отсюда. На десять лет бросив меня одну-одинешеньку в обществе двоякодышащих телепатов! А под боком, понимаешь, Поль — такой симпатичный, светло-зеленый, с темно-розовыми глазами...»

На второй день пребывания человека и саламандры в подземном убежище ветер немного стих, но похолодало еще сильнее — пошел снег. Конечно, заключенный в капсуле МС практически неисчерпаемый запас энергии позволял Надежде поддерживать в приютившей ее с Полем пещере нужную температуру, но уже на другой день вынужденного заточения и женщина, и саламандра стали страдать от голода. Особенно — женщина: ах, как бы она сейчас впилась зубами в толстый кусок синтетического мяса!

«Мяса — фи! Есть трупы животных — стыдись, Надежда! Нет, я пошутил, я понимаю, вы едите не трупы, а ткани, выращенные из клеток, и все же... нет ничего вкуснее, чем слегка подгнившие водоросли! — свои гастрономические пристрастия обозначила саламандра. — Водоросли, да еще подгнившие — бр-р-р! — телепатически «огрызнулась» женщина, — подгнившие фрукты — куда ни шло, ну, из-за содержащегося в них алкоголя, а водоросли... или в них тоже есть алкоголь? И вы, саламандры, также равнодушны к «зеленому змию», как мы — люди? Также как и мы — раса пьянчужек?»

Пошутив, а наличие у разумных амфибий чувства юмора, открывшееся при телепатическом общении, явилось для Надежды приятным сюрпризом, женщина подумала, что сейчас она не отказалась бы и от водорослей и решила на опасную вылазку. Мысленно убедив Поля, что риск для нее не слишком велик — ураганный ветер утих до штормового, а выпавший снег не страшен существу, сформировавшемуся в суровых условиях ледникового периода — Надежда Град выбралась из пещеры.

Снаружи женщина сразу почувствовала: предки предками, а прогуляться босиком по снегу — удовольствие ниже среднего. Однако пустой желудок настоятельно требовал пищи — хотя бы водорослей — и Надежда чуть ли не бегом устремилась к кромке прибоя. По счастью, шторм вынес на берег массу морской растительности, так что собрать десятикилограммовую охапку водорослей было для арианки делом нескольких минут. И все равно, вернувшись, Надежда устроилась как можно ближе к пышущей жаром стене пещеры — бедные кроманьонцы! Не имея кваркония, пережить ледниковый период!

Прочитав мысли женщины, Поль шуточно протелепатировал Надежде, что вполне с ней согласен: Земля — далеко не райский уголок, но...

Приободрив представителя вида *Homo sapiens*, разумная амфибия засунула в рот пучок водорослей и с хрустом сомкнула пластинчатые зубы. Женщина, вошедшая в телепатический контакт с саламандрой, вдруг почувствовала, что малосъедобные на ее взгляд, буровато-зеленоватые волокна морской травы на самом деле отменно вкусны и питательны — человеческие зубы заработали с тем же усердием, что и зубы рептилии.

Насытившись, Надежда Град сразу заснула, а когда проснулась в обнимку с Полем, то поняла: отныне она, действительно, скорее саламандра, чем человек. Надолго ли? До возвращения на Хронос-2 пропавших людей? Или — навсегда?

Отложив решение этого непростого вопроса на десять лет, женщина с удовольствием влилась в сообщество разумных амфибий — еще бы! Видеть миллионами глаз, слышать миллионами ушей, думать миллионами умов, кто бы из людей (из существ, трагически заключенных в рамки собственных индивидуальностей!) смог воспротивиться такому соблазну?

Точно в предсказанный Полем срок — через девять лет, одиннадцать месяцев и четыре дня — Лев Глюк вместе со всеми исследователями и научной станцией вернулся на остров. Со стороны Сиреновой лагуны, где Надежда лениво плескалась в обществе трех десятков саламандр, это выглядело так: полыхнула ослепительная вспышка, и все стало, как прежде — возделанные газоны, ухоженные дорожки, уютные жилые коттеджи, куполообразное здание научного центра, бытовые и служебные корпуса.

Люди вернулись, и Надежда Град вновь почувствовала себя человеком: экзопсихологом, женщиной, арианкой, любовницей «сумасшедшего гения» Льва Глюка. Который, когда перед его глазами предстала загоревшая дочерня «русалка», почти не удивился, а только заметил вскользь:

— Ну, Надька, ты даешь! За одну ночь из арианки сумеешь превратиться в африканку — нужен большой талант! Или наши биохимики изобрели какой-нибудь особенно быстродействующий крем для загара? И ты всю ночь валялась под кварцевой лампой? А знаешь, — все мысли Льва вертелись вокруг только что проведенного, неудачного, как ему думалось, эксперимента, но все же «сумасшедшему гению» достало галантности сделать комплимент любимой женщине, — быть такой черненькой — тебе идет. Нет, правда...

Очутившись в объятиях Льва, женщина окончательно забыла, что еще двадцать минут назад она была саламандрой. Правда — ненадолго. Когда

остыл жар мужских поцелуев, Надежда Град вдруг почувствовала, что отныне она не приревнует Левушку ни к Ирме Кох и ни к какой другой из возможных в грядущем соперниц.

Если бы Лев Глюк не был всецело поглощен новыми идеями (а узнав от Надежды, что его рискованный эксперимент провалился не полностью, что вместо запланированного перемещения в пространстве случилось спонтанное перемещение во времени, ученый с жадностью ухватился за альтернативные возможности), то «сумасшедший гений» скоро заметил бы перемену, случившуюся с его возлюбленной, но лишь по прошествии года Лев Глюк узнал, что его любимая женщина — не человек!

Как-то вечером, смывая с себя усталость напряженного рабочего дня, Лев вместе с Надеждой и еще четырьмя сотрудниками Станции купался в Сиреновой лагуне. И вдруг в голове у Льва — не в ушах, а именно в голове! — заслышался голос: Надежда, тебе надо сделать окончательный выбор. Определиться — кто ты? Человек или саламандра? Да, мы понимаем: выбор для тебя не легкий, но сделать его необходимо.

«Нет, я не хочу ничего выбирать, я хочу, чтобы все оставалось, как есть! — мысленно воспротивилась женщина, — хочу быть и человеком, и саламандрой! Ведь я уже целый год такая — и все в порядке! Никакого раздвоения личности!»

«Погоди, Наденька, все не так просто, как тебе кажется, — в начале этого неслышимого диалога изумившись открывшимся у него телепатическим способностям, Лев Глюк быстро взял себя в руки и мысленно предостерег возлюбленную, — с тем, что творится в твоей голове, земная психиатрия до сих пор не сталкивалась. Саламандры правы: последствия для твоего разума могут быть самые катастрофические. Так что...»

«Левушка, ты что?! Тоже стал телепатом?! — уклонившись от сути, мысленно воскликнула Надежда, — можешь слышать мой разговор с саламандрами? Но — каким образом? Ведь ты никогда не был эмпатиком. И вдруг...»

«Вдруг не вдруг — сейчас не главное, — Лев мысленно обратился сразу и к любимой женщине, и к плавающим вокруг саламандрам, — главное — насколько для тебя опасно существовать в двух ипостасях: человека и иного разумного существа? Воистину — чудны дела Твои, Господи! Я, как дурак с писаной торбой, ношусь с дешевой идейкой мгновенного перемещения в пространстве, а тут, под боком, творится самое натуральное чудо! Человек обретает способность существовать в двух ипостасях! И я целый год ничего не замечаю! И только, когда на тебя — на мою любимую — наваливается тяжелейший выбор, у меня открываются глаза. Верней, не глаза — мозги...»

«Лев, а теперь и перед тобой стал тот же выбор, что и перед Надеждой, — протелепатировал подплывший к любовникам Поль, — обретя дар непосредственного обмена мыслями, ты перестал быть человеком. Верней, оказался в переходном состоянии — между человеком и саламандрой. А поскольку в таком состоянии долго находиться нельзя, то, чтобы полностью не лишиться разума, тебе в течение трех, четырех месяцев необходимо определиться — кто ты? Человек или саламандра?»

«Какой выбор? Я не хочу ничего выбирать!»

Совсем как несколькими минутами ранее его возлюбленная, автоматически воспротивился Лев Глюк, но сразу же понял: детское неприятие ситуации — не решение проблемы. Ни ему, ни Надежде не уйти от нелегкого выбора. Взявшись за руки, в сопровождении стаи саламандр Лев и Надежда поплыли в открытое море. Вслед за ними, чего поначалу не заметили сделавшие свой выбор любовники, потянулись купавшиеся в Сиреновой лагуне исследователи — три женщины и один мужчина.

Когда звездолет класса «Галактика» доставил на Хронос-2 очередную смену ученых, то командир корабля не обнаружил на Южной Станции ни одного человека, а на Северной — небольшую, ушедшую вглубь острова группу из двадцати семи наиболее консервативных представителей вида *Homo sapiens*, которые поведали вновь прибывшим о Великом Исходе. По их словам, соблазн слияния своей индивидуальности с коллективным разумом аборигенов оказался настолько неодолимым, что ни о каком продолжении исследований на Хроносе-2 не могло быть и речи: вон они — наши «исследователи»! Поглядите, с каким удовольствием резвятся в море! Еще бы! У людей, присоединившихся к саламандрам, в течение двух лет вырастают жабры...

Об авторе

Родился в 1947 году в Крыму в селе Красный Мак. В 1968 году закончил Ростовское-на-Дону художественное училище. Живописец, участник многих художественных выставок. Стихи и прозу пишет с юности. Публиковался в журналах «Смена» (№ 6, 1990 г.), «Искатель» (№ 9, 2006 г., № 8, 2007 г., № 9, 2011 г.), «Порог», Украина (№№ 5, 11, 2007 г.), «Я», США (август 2007 г.), «Свет» (№ 11, 2007 г.), в альманахе «Порог-АК», Украина (выпуски 1, 2, 5 за 2008 г., 15 за 2011 г.).

Виталий Мальков

Лежебоки

На планету мы наткнулись случайно, когда уже закончили основное свое задание — облет самых крупных звезд скопления Плеяды. Просто решили поближе познакомиться с одним из коричневых карликов, составляющих большинство объектов нашей Галактики. Это был самый обычный научный интерес, и, конечно же, никто из нас не мог предположить, что темная субзвезда преподнесет сюрприз. Но, видимо, из таких вот случайностей и состоит познание мира и движение вперед человечества. Многие научные открытия совершаются благодаря случаю. Так произошло и в этот раз...

В общем, бортовые телескопы «Коперника» зафиксировали единственную небольшую планету у бурого карлика, который и сам-то был невелик.

Наш бравый командир и начальник экспедиции Костя Лиходей собрал экипаж в кают-компания и сообщил всем новость.

— Ну, что скажут ученые умы? — Он улыбнулся. — Курс менять будем?

В шутку все мы называли его капитаном, на что Костя совсем не обижался и, как мне кажется, даже гордился своим прозвищем. Он свято чтит и соблюдал принцип демократичности при принятии важных решений, всегда прислушиваясь к мнениям других и считаясь с более опытными внеземельщиками.

Понятное дело, вопрос этот Лиходей задал неспроста. Видимо, его терзали сильные сомнения — затевать обследование планеты или нет. Шансы на обнаружение там чего-либо интересного были ничтожны, а терять попусту время никому из нас не хотелось. Мы и так проторчали в Плеядах добрых полгода и уже порядком соскучились по родной Земле. Всем хотелось поскорее добраться домой, где нас ждали родные и любимые, и капитан прекрасно это понимал. Поэтому после вопроса в кают-компания возникла длительная звуковая пауза. Каждый обдумывал ответ, от которого зависела дальнейшая судьба экспедиции.

А Костя спокойно сидел в кресле, потягивал из пластиковой банки свежий кофе и ждал. По его взгляду можно было догадаться, что в голове капитана созревает нечто не совсем приятное для нас. Я очень хорошо знал этот задумчивый взгляд, потому что имел возможность наблюдать его в прошлой экспедиции, когда мы с Лиходеем летали к Эпсилону Эридана.

Первым не выдержал ксенобиолог Валера Черников, самый молодой в экипаже.

— А может, ну ее к лешему? Сомневаюсь, что в вечной полутьме может развиваться высокоорганизованная жизнь.

Костя рассеянно взглянул в обзорный иллюминатор и неопределенно хмыкнул.

Черников пожал плечами и вздохнул. Я понял, что Валера думает сейчас о своей Маринке, ждущей его в далеком Питере.

— Нет, ну, жизнь-то, конечно, теоретически возможна...

— А что, малыш вполне теплый и, судя по наличию метана в спектре, уже не молод, — высказал свое мнение астрофизик Сергей Скворцов. — Так что, чем черт не шутит. У планеты было достаточно времени... Меня не смущает даже тот факт, что она не вращается вокруг своей оси. Конечно, обратная сторона слишком уж холодна для образования жизни, но вот более светлая вполне сгодится.

Лиходей почесал подбородок и весело оглядел нас, как бы давая понять, что все мы сейчас выйдем, словно студенты на экзамене. Да, этот человек по праву стал командиром звездолета. Несмотря на свою молодость, он вел себя как умудренный опытом ветеран космоса. Скорее всего, это было заложено в нем с рождения — отец Кости почти полвека осваивал Солнечную систему.

— А я так обеими руками за высадку. — Планетолог Артур Бергман поднял вверх две руки. — Если даже ничего интересного мы не обнаружим, то хотя бы просто погуляем по настоящей почве и полюбуемся на местные пейзажи. Думаю, они стоят того.

— Во-во, и снимемся на память о Плеядах, — добавил космогеолог Роман Сторожев. — Будет о чем в старости вспомнить и внукам рассказать.

— Какие еще будут мнения? — Лиходей немного оживился. — Что думает разведка?

Это уже было адресовано мне. Во время всего полета я чувствовал себя лишним человеком на борту «Коперника», поскольку моими функциями являлась первая высадка на интересующий планетоид и постройка временной базы. И вот, наконец, представлялся шанс показать себя в настоящем деле. Надоело быть «запасным игроком» и заниматься разными хозяйственными работами, хотелось сделать что-нибудь важное и полезное.

— Я думаю, что не худо бы посетить планету. Иначе, зачем вообще меня включили в экипаж? Не для того ведь, чтобы вести занятия по физкультуре.

Костя усмехнулся. В его карих глазах отразился отблеск окружающих светил.

— Что скажут остальные?

Возражений никто не высказал, несмотря на всеобщую моральную и физическую усталость. Каждый понимал важность факта обнаружения планеты. Все семь самых крупных звезд Плеяд были нами тщательно изучены, и, увы, ни у одной из них не оказалось планетных систем. Обследовать же скопление полностью мы бы не смогли до конца своей жизни. А тут — бурый карлик с сюрпризом!

Капитан победно сложил на груди руки.

— Ну что ж, господа космоплаватели, тогда готовьте челнок и технику. Берем курс на планету. У меня какое-то смутное предчувствие...

Я уже имел представление о сенситивных способностях Лиходея. Его необычайная интуиция пару раз спасла нас в предыдущем полете. В своих

«предчувствиях» он почти никогда не ошибался, и мне порой начинало казаться, что этот человек достиг состояния высшего духовного просветления. Уж не сама ли Вселенная помогает ему принимать единственно верные решения в критических ситуациях? Я надеялся, что так будет и в этот раз...

На обзорном экране главной рубки теперь были отлично видны бурый карлик и его единственный планетоид, который своими размерами намного уступал Луне. Наш звездный рейдер резко изменил курс и начал совершать маневр, чтобы точно выйти на стационарную орбиту незнакомца.

Полторы дюжины мужчин готовились к новой работе и к новым свершениям...

— — — — —

Вскоре предчувствие капитана начало сбываться — у планеты имелась атмосфера. После этого ни у кого из нас уже не осталось сомнений в необходимости высадки на поверхность. Все как-то даже приободрились, ощутив прилив душевных и физических сил. В принципе, так оно и было на самом деле, ведь одно открытие мы уже сделали.

Оставив на борту звездолета только штурмана и бортинженера, мы погрузились в посадочный модуль и отчалили от брюха «Прометей». Я ощущал все возрастающее нервное возбуждение и любопытство. Мне не терпелось взглянуть на мир вечной полутьмы, в котором вполне могла зародиться жизнь. По крайней мере, наличие атмосферы у планеты указывало на подобную возможность. К тому же, хотелось примерить на себя лавры первооткрывателя.

Челнок сделал пару витков, чтобы мы смогли выбрать подходящее место для посадки, и начал медленно снижаться. А затем произошло еще одно чудо — наш газовый хроматограф обнаружил в атмосфере кислород. Это уже походило на какую-то мистику. Видимо, Костя Лиходей действительно родился в рубашке. Отыскать среди сотен звезд одну такую, у которой есть родственник Земли! Тут необходимо чертовски невероятное везение! Но нам повезло...

Капитан теперь выглядел самым счастливым человеком. Он старался скрывать свои эмоции, но у него это плохо получалось.

Признаков цивилизации нигде не было заметно, но планета явно не являлась мертвой. Инфракрасные приборы зафиксировали множество островков растительности и водоемы. Важную роль в освещении играла близость Альционы, одной из ярчайших звезд Плеяд. По сути, она заменила здешнее солнце, поскольку сам бурый карлик не мог нормально освещать планету, а лишь согревал ее своим теплом. В здешнем небе он выглядел всего лишь раскаленным до красна огромным диском.

Лиходей вызвал меня в пилотажную рубку и указал на лобовой иллюминатор.

— Прыгай в катер и разведай вон ту местность. Мне кажется, там можно есть.

— Есть, шеф! — Я шутливо козырнул и побежал в транспортный отсек челнока, где занял место пилота в одном из малых атмосферников.

После проверки всех систем аппарата, компьютер доложил о готовности к вылету, и челнок открыл створки отсека, выпуская меня в небо чужой планеты. Бурное ликование охватило мою душу, когда скайтер выскользнул из стального чрева посадочного модуля и устремился вниз. Бело-голубое сияние Альционы позволяло худо-бедно ориентироваться в пространстве, но я включил инфракрасный сканер и вел наблюдение через него.

Равнина, выбранная Лиходеем для приземления, в самом деле, оказалась удобной. Я быстро пронесся над ней вдоль и поперек и нигде не заметил никаких опасных форм рельефа и тектонических ловушек.

— Шеф, вроде бы, все чисто! — Доложил я командиру. — Сейчас опробую местную почву на твердость. Если что, не поминайте лихом...

— Смотри там, поосторожней, — раздался в наушниках заботливый голос Кости. — Не лезь на рожон.

— Это моя работа, капитан.

Я пытался бодриться и играл роль бывалого космодесантника, хотя это была моя вторая высадка на неисследованную планету. Конечно, приходилось раньше бывать на соседях по Солнечной системе, но то совсем другое дело — они уже более-менее обустроены и обжиты. Хотя и там никогда нельзя чувствовать себя в безопасности. Немало полегло и сгнуло бесследно отличных ребят на Юпитере и Нептуне, Венере и Марсе. Космос есть космос! Несмотря ни на что он всегда остается для человека чужеродной средой и в любой момент может жестоко наказать за разгильдяйство и неуважение к себе. В космосе никогда нельзя расслабляться!

Скайтер завис на одном месте и, мягко опустившись на почву, замер на стабилизаторах. Вокруг простиралась пустынная равнина, на которой кое-где виднелись какие-то подобию лишайника, слабо светящегося белым на общем сером фоне местности.

— Посадку произвел успешно, — сообщил я на челнок. — Выхожу.

— Не вздумай снимать шлем, — на всякий случай предупредил меня Лиходей, хотя я и сам прекрасно помнил инструкцию десантника.

В воздухе чужой планеты могли содержаться смертельно опасные для человека микроорганизмы, и до проведения полного анализа строго запрещалось снимать весь защитный костюм либо какую-то его деталь. И все же, невзирая на все меры безопасности, периодически ту или иную колонию поражали страшные эпидемии. Вселенная не желала сдаваться человечеству без боя.

Я открыл блистер кабины и выбрался на борт, постоял так несколько секунд и спрыгнул на грунт. Сделал свои первые шаги по поверхности планетоида, ощущая необыкновенный восторг и нечто вроде умиления. Бурное ликование переполняло мою душу, вызывая детское желание побегать и покричать. Видимо, сказалось полугодичное заточение в ограниченном пространстве звездолета, где отсутствовали небесный простор и естественный природный ландшафт. После надоевших тесных кают и лабиринтов из коридоров хотелось нормально прогуляться.

Почва была твердой и визуально ничем не отличалась от почвы родной планеты. Сила тяжести здесь была заметно меньше земной, и поэтому ска-

фандр почти не мешал движениям. Помощь мышечных усилителей не требовалась.

— Капитан, порядок! — радостно крикнул я в эфир. — Даю добро на посадку! Конечно, не родная Земля, но приятно.

— Понял, садимся, — бодро ответил мне Костя. — Встречай.

Вскоре послышался нарастающий гул антигравов, и надо мной нависла громада челнока, похожего на украшенный праздничной иллюминацией остроносый тувель. Медленно и величаво он стал опускаться на равнину, заполняя ее безжизненный мрак светом и движением. А потом сразу все огни корабля устроили грандиозное светопредставление, в котором я не сразу угадал повторяющуюся на «морзянке» фразу ЗДРАВСТВУЙ, ПЛАНЕТА! Это, конечно же, наш капитан решил превратить приземление в настоящее яркое представление. Жаль только, зритель на этом шоу был всего лишь один.

Запоздало я включил на шлеме видеокамеру, записывая все происходящее. Как ни крути, это был исторический момент, достойный документирования. Покорители Вселенной высаживаются на поверхность чужого мира! Я попытался представить, как бы все это выглядело в глазах аборигенов. Скорее всего, подобное зрелище подействовало бы на них сильно.

И вот, корабль коснулся почвы своими стойками-стабилизаторами и, надрывно взыв, выключил двигатели. На несколько долгих секунд на равнине воцарилась мертвая тишина, после чего, издав змеиное шипение, открылась створка выходного шлюза, и в освещенном проеме показалась фигура в скафандре. Вышедший человек дружески помахал мне рукой, и я узнал в нем Лиходея — его движения трудно было спутать с кем-то другим.

— Идущие в бездну приветствуют тебя! — весело произнес командир, спускаясь по небольшому выдвижному трапу. — Эх, красота внеземная!

Вслед за ним из шлюза вышел долговязый Черников, а потом — еще четверо. Это была первая группа высадки, в задачу которой входила подготовка к постройке временной базы. Остальные члены экипажа находились внутри челнока, ожидая своей очереди. Они должны были вступить в дело позже, после того как мы возведем своды нашего нового жилища. Так гласила инструкция...

— — — — —

А дальше началась настоящая мужская работа — первичное освоение планеты. У каждого из нас был свой плотный план-график, и времени на отдых практически не оставалось. В кратчайшие сроки мы должны были выяснить как можно больше о планете и о том, что скрывается в ее недрах. Для этого у нас имелось достаточно техники: три миниатюрных ровер-поисковика, несколько универсальных киберов, пара грузопассажирских вездеходов, бурильное и прочее оборудование, в том числе и летательные аппараты. История освоения дальнего космоса показала, что звездную экспедицию следует хорошенько оснащать, чтобы экипаж был готов ко всему. Как говорится, на всякий случай. Ведь вдали от Земли никто не придет на помощь, и многое может зависеть от какой-то одной мелочи. Порой из-за

отсутствия под рукой самого примитивного молотка происходили страшные трагедии. И уж тем более, когда предполагается высадка на планету, экипировка должна быть на высоте...

Техники установили возле базы портативный термоядерный реактор, способный в течение одного земного месяца обеспечивать энергией две сотни колонистов, хотя нас было всего лишь около двух десятков. Наша база теперь представляла собой маленький форпост человечества в данном районе Галактики, который еще почти не был освоен. Чувство огромной ответственности и важности задачи переполняло меня, да и других тоже, и это придавало нам сил. Каждый делал то, что он умел, и никто не нуждался в дополнительном стимуле. Ведь уже никто из нас не сомневался в том, что Всемирный Совет родной Земли направит сюда крупную экспедицию для создания колонии. Потому что мы обнаружили на планете флору и фауну!..

Да, это открытие буквально потрясло нас, но больше всех ликовал Костя Лиходей, который даже изменился в лучшую сторону. Он подобрел и перестал замечать чужие мелкие недостатки, над коими раньше всегда подтрунивал. Он стал напоминать мне такого космического Колумба, случайно открывшего свою Америку. Впрочем, так оно и было на самом деле — нам, в сущности, помог его величество случай.

— Мужики, перед отлетом всем по сто граммов коньяку, — пообещал наш командир, и я в очередной раз испытал к нему уважение.

— Да здравствует всеумудрейший звездный капитан Лиходей! — весело воскликнул я, и мой клич тут же был подхвачен остальными...

Итак, кроме светящегося лишайника на планете отыскивались скопления странных грибовидных растений, достигающих в высоту до полутора метров. Эти «грибные рощи» произрастали только на той стороне, что была обращена к звезде, на обратной же им, видимо, не хватало для жизни света и тепла. Осмотрев одну из ближайших рощ, мы обнаружили в ней крупных улиток, очевидно, питающихся сочной мякотью грибов.

Водоемы оказались населены панцирными рыбами, тритонами и черепаками. Все эти здешние обитатели не отличались высокой скоростью передвижения, и виной тому, конечно же, были условия их существования. Вечный полумрак и прохлада, несомненно, повлияли на эволюцию местных существ, породив подобные их формы. Но, как сказали наши биологи, вполне вероятно, что когда-нибудь по поверхности планеты будут бродить какие-нибудь медлительные сапиенсы...

Мне работы тоже хватало. Приходилось постоянно проверять состояние техники, руководить монтажными работами, проводить детальную видеосъемку и разведку местности, а также помогать ученым в получении различных образцов для исследований. Я не замечал усталости, воодушевляемый тем, что был сейчас нужен везде и всюду. Активная деятельность и осознание собственной значимости всегда придает человеку жизненные силы и тонус. То же самое происходило и со мной.

В общем, первые двое суток (по условному бортовому времени) нас всецело захватила жажда познания нового, и мы с головой окунулись в исследовательскую рутину. А на третьи сутки произошло событие, ставшее поворотным в ходе нашей экспедиции.

- - - - -

Первым их обнаружил, конечно же, Черников.

— Мужики, дуйте скорее ко мне. Я встретил каких-то животных, — раздался в наушниках радостный голос Валеры. — Довольно-таки крупные.

— Спокойней! — пресек зарождающуюся суматоху Лиходей. — Всем оставаться на своих вахтах, а ты, — обратился он к ксенобиологу, — близко к ним не приближайся. Мы сейчас подъедем.

— Да они с виду совсем безобидные. Тихони. Похоже, я их не сильно интересую. — Мы услышали смех Черникова.

— Смотри, чтобы эти тихони тобой не пообедали. Так, со мной двое...

К моей радости, Костя включил в группу и меня. Третьим оказался Сторожев.

Мы погрузились в вездеход и понеслись на сигнал личного маячка Черникова, поднимая в воздух местную пыль. Машина пересекла большую долину и, обогнув пару крупных кратеров, подкатила к грибной роще, из которой шел сигнал. Здесь Костя остановил наш космический внедорожник.

— Все, приехали. Дальше пойдем пешком. — Он выбрался из вездехода и зашагал прямо в самую гущу грибовидных деревьев.

Мы с Романом последовали за нашим бесстрашным капитаном и вскоре заметили оранжевый скафандр Валеры. Осторожно приблизились к ксенобиологу, не сразу различив среди растений тех, о ком нам сообщил Черников. Но уже в следующую секунду моему взору во всей своей внеземной красоте предстали ОНИ!..

Это были существа, напоминающие своим видом земных гиппопотамов, только головы у них имели другую форму — более круглые, с сильно выпученными глазами и с небольшими, аккуратными ртами. Они двигались очень медленно, перекусывали ножки грибов и неторопливо поедали только шляпки, очевидно, находя их наиболее вкусными. Некоторые из этих странных животных, насытившись, ложились на бок и лежали так с открытыми глазами, словно пребывали в раздумье.

Наблюдать за ними было смешно и интересно, и мы долго простояли так, пока нас не оторвал от этого занятия встревоженный голос Скворцова, который остался на базе за старшего.

— Вы там живы? Почему молчите?

— Все в порядке, — ответил Костя. — Знакомились с лежебоками.

— С кем? — не понял астрофизик.

— Ну, с местными бегемотиками. Симпатяги.

Мы переглянулись.

— А что, неплохое название. — Черников улыбнулся. — Лежебоки, лежебоки... Наш капитан опять попал в самую точку. Bravo!

— Кстати, мы еще не придумали название планете, — напомнил Роман.

— И то верно, — согласился Лиходей. — Тогда объявляю конкурс на лучшее название планеты.

— А победителю приз — сто пятьдесят грамм настоящего коньяка, — поддержал я его.

Мы все дружно засмеялись и вновь обратили свое внимание на ленивцев. Они же, совершенно игнорируя наше присутствие, продолжали спокойно поедать грибные шляпки, причем, выбирая наиболее крупные и мясистые из них, а потом ложились на бок и, поджав под себя передние лапы, задумчиво разглядывали звездное небо.

Голубое сияние Альционы придавало всему этому действию феерический оттенок, пробуждая в душе самые противоречивые чувства. Я ощущал сильнейшую тоску по солнечному свету и, одновременно, испытывал непонятную радостную эйфорию, оттого что находился сейчас на планете вечного полумрака.

— Возвращаемся на базу, — с явной неохотой произнес Костя. — Успеем еще с ними пообщаться.

В этот момент Черников подошел к одному из животных и легонько дотронулся рукой в перчатке до гладкого, массивного тела, покрытого жировыми складками и морщинами. Ленивец никак не отреагировал на это прикосновение и лишь издал звук, похожий на отрыжку.

— Сомневаюсь, что у них имеется развитый мозг. — Валера присел на корточки перед ленивцем и поводит рукой перед его большими желтыми глазами. — Да, непохоже, — согласился Лиходей.

Мы побрели к вездеходу.

— — — — —

Наступил самый радостный момент нашей экспедиции — микробиологи закончили проверку местного воздуха и не обнаружили в нем опасных микробов. Отныне мы могли жить и трудиться без защитных скафандров и чувствовать себя комфортней.

— Ну что, мужики, попробуем подышать. — С этими словами Лиходей расстегнул крепления своего шлема и снял его с головы. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, он блаженно закрыл глаза и улыбнулся. — Терпимо. Но все же, родной воздух лучше.

Мы все последовали его примеру и через несколько секунд уже наслаждались запахами чужого мира. Мне показалось, будто я нахожусь в земном осеннем лесу после дождя, но к этому запаху примешивалось что-то закисшее. Видимо, эти ароматы выделяли грибные деревья и мох.

Я ощутил легкое дуновение ветерка и опять вспомнил Землю, которая находилась сейчас примерно в ста сорока парсеках от нас. С трудом верилось, что это так. Но, тем не менее, сотни световых лет разделяли нас и все остальное человечество. При мысли об этом сердце начинало биться учащенно, и в душе возникал хаос чувств.

— Эх, домой бы, — с грустью произнес Скворцов, — а то здесь как-то мрачновато.

— Ничего, скоро полетим, — задумчиво сказал капитан. — Вот только работу закончим.

— Кстати, лично я никуда не спешу, — заявил Черников, и было непонятно, шутит он или нет. — Особенно теперь, когда можно с лежебоками пообщаться без помех.

— Слушай, командир, а давай мы его здесь оставим, — с усмешкой предложил Роман Сторожев, — а следующая экспедиция его заберет.

— А что, идея неплохая, — с самым серьезным видом сказал Костя. — Пусть только мне расписку даст, что остается по собственному желанию, а то никто не поверит.

Мы дружно рассмеялись, и этот наш смех впервые прозвучал на планете не в наушниках, а живую, гулко разнесшись по утопающей во мраке равнине.

— Ладно, Валера, не теряй времени. — Лиходей подмигнул ксенобиологу. — Иди к своим лежебокам, а то они, наверно, уже заскучили без тебя.

— Есть, командир! — Черников дурашливо козырнул и бодро зашагал к одному из вездеходов...

К тому времени мы уже выяснили, что ленивцы передвигаются от одной грибной рощи к другой группами по десять-двенадцать особей и занимаются в основном поеданием грибных шляпок или возлежанием. Пару раз наблюдали случаи вялого спаривания самцов с самками, и выглядело это довольно-таки комично. Они совсем не походили на высокоразвитых в отношении мозговой деятельности существ, в их поведении отсутствовали необходимые признаки — любопытство и упорство. Так ведут себя земные животные вроде коров и овец.

Мы пробовали угощать их некоторыми земными продуктами, но лежебоки все отвергли, смешно выплевывая непонравившиеся овощи и фрукты. Каждый раз эти милые создания рассеянно смотрели на нас, словно размышляя, откуда мы вообще тут взялись и почему не занимаемся тем же, чем и они...

— А теперь, коллеги, поведем предварительные итоги конкурса на лучшее название планеты, — хитровато прищурившись, сказал Костя. — Итак, пока лидирует Роман Сторожев, предложивший название Эфиопа, сиречь темноликая. Сдается мне, он попал в точку. Или есть протесты?

— А что, вполне подходящее название, — задумчиво произнес Бергман. — Полностью поддерживаю.

— Кстати, я взял на анализ несколько грибных шляпок, — сообщил микробиолог Олег Бурун. — Если эти грибы окажутся съедобны для нас, то это значительно упростит колонизацию Эфиопы.

— Да, не планета, а прямо какой-то райский уголок. — Лиходей почесал лоб. — Уж как-то слишком хорошо все складывается.

Буквально несколько часов спустя фраза капитана стала пророческой, но тогда мы лишь посмеялись над его словами...

— — — — —

Я обнаружил Черникова первым, когда, возвращаясь после планового облета буровых установок, решил навестить ксенобиолога, а заодно и проведать лежебок.

Его личный маячок находился довольно-таки далеко от базы и был неподвижен. Решив, что Валера занят наблюдениями, я направил скайтер к источнику сигнала и вскоре заметил внизу оранжевое пятно вездехода, стоящего у одной из грибных рощ.

Посадил аппарат рядом и привычно выпрыгнул из кабины на каменистую почву. За время пребывания на планете зрение немного привыкло к постоянной нехватке света, и дискомфорт от этого уже почти пропал. Я представил, как будет выглядеть поверхность Эфиопы через два-три десятка лет, когда переселенцы с Земли возведут здесь красивые города. Несомненно, осветительные башни и спутники заменят местным растениям и животным их неполноценное солнце и навсегда уже изгонят сумрак из этого мира. Ведь нечто подобное произошло и на нашем Плутоне, приютившемся на самом краю Солнечной системы. Только Плутон, в отличие от Эфиопы, остался всего лишь небольшой колонией технического назначения. А здесь же человечество обретет для себя почти что второй дом, пусть даже и не такой яркий и теплый, как тот, родной...

Сняв шлем, я позвал Черникова, но он почему-то не отозвался на мои крики, хотя по показаниям пеленгатора находился неподалеку, где-то посреди грибной роши, и должен был услышать меня.

Неужели Валера притомился и уснул? В принципе, такое вполне могло случиться, так как нагрузки у каждого из нас были немалые, но я не исключал и более худших вариантов. Все же, мы находились не в городском парке земного города.

Я пошел быстрым шагом на сигнал маячка, осматривая местность и заглядывая под широкие шляпки крупных грибодеревьев.

Как и следовало ожидать, в роще оказались ленивцы, мирно пережевывающие свою пищу или отдыхающие после насыщения. Их слегка фосфоресцирующие тела были хорошо заметны среди растений, но сейчас мне было не до них.

— Валера! — в очередной раз позвал я и тут заметил его серебристый скафандр.

Черников неподвижно лежал на грунте в позе ленивца, словно пытался скопировать ее. От взгляда на него мне стало не по себе, и я бросился к товарищу. К счастью, он был жив, но, видимо, находился в каком-то ступоре — застывшее выражение лица, глупая улыбка блаженного, широко открытые, немигающие глаза. Его шлем валялся рядом.

— Ну, ты чего, а? — Я схватил ксенобиолога за плечи и несколько раз встряхнул его, пытаясь привести в чувства. — Ты меня слышишь?

Черников не ответил, продолжая излучать идиотскую улыбку. Он сейчас очень сильно походил на лежебок, лежащих в нескольких шагах от нас, и я ощутил в душе нечто похожее на зарождающийся страх.

Сделав пару глубоких, успокаивающих вдохов-выдохов, я быстро вскрыл аптечку экстренной помощи и вколол Валере сильный транквилизатор. Этот препарат давал человеку мозговую встряску и оказывал общее психостимулирующее действие. Но, к моему удивлению, ничего не произошло — Черников продолжал оставаться в своем непонятном состоянии. Его нужно было срочно везти на базу, где имелись более эффективные средства.

Взвалив ксенобиолога на плечо, я понес его к скайтеру и запихнул в кабину, на место второго пилота. Машина стремительно взмыла в воздух и понеслась почти над самой поверхностью, развив предельную скорость. По пути я вызвал на связь Костю и вкратце сообщил ему о случившемся.

— Ясно, готовим встречу, — хладнокровно ответил капитан. — Что-то подобное рано или поздно должно было случиться, хотя я и надеялся на обратное.

— Знать бы еще причину, — пробурчал я, поглядывая через плечо на Валеру, который с умилением смотрел сквозь лобовое стекло куда-то в известную одному лишь ему точку.

У него было лицо человека, достигшего нирваны, состояния высшего духовного просветления. Казалось, Черников сейчас испытывает безмерное счастье или пребывает в сильнейшей эйфории. Но что могло вызвать такой ступор? Я терялся в догадках.

До самой базы Валера не приходил в себя. Мы сразу же поместили его в герметичную медицинскую капсулу, внутри которой строго поддерживался земной микроклимат. Медиколог Василий Васильевич, самый старший в нашем экипаже, начал колдовать над Черниковым, воздействуя на его психику всеми имеющимися у нас средствами.

Лиходей постоянно находился рядом, озабоченно наблюдая за происходящим. Остальные же продолжали заниматься своей работой, втайне надеясь, что происшествие с ксенобиологом — всего лишь какая-то случайность. Но буквально спустя два часа, когда на связь не вышел Скворцов, мы вдруг почувствовали присутствие рядом с нами неведомой опасности...

— — — — —

Маяк Сергея попискивал где-то в нескольких сотнях метров от базы, и мы с Костей, запрыгнув вдвоем в вездеход, помчались к астрофизику, терзаемые самыми мрачными предчувствиями.

Машина уперлась в одну из грибных рощ, из которой и исходил сигнал, и мы, включив нашлемные осветители, отправились пешком на поиски. Вскоре увидели Скворцова — он лежал в той же позе, что и Черников, и выражение его лица было таким же. Мне стало жутковато от этого безумного взгляда и застывшей маски блаженного дурачка. Неужели нас начала поражать эпидемия психического расстройства? Но отчего и насколько это опасно?

— Что он тут вообще делал? — спросил вслух Костя, осматривая астрофизика. — Почему оказался не там, где должен был находиться?

— Да, вопрос интересный.

Я оглядел все вокруг и заметил рядом пару лежебок, равнодушно наблюдавших за нашей суетой. Какое-то смутное предположение промелькнуло в моей голове, но из-за спешки оно не успело оформиться во что-то более менее разумное.

Мы отнесли Скворцова к машине и, погрузив его в десантный отсек, повезли на базу, по дороге вколов ему транквилизатор. В отличие от Черникова Сергей после инъекции зашевелился и что-то неразборчиво забормотал, часто моргая глазами. Видимо, у него оказался более крепкий организм.

Я прислушался и сумел разобрать несколько отдельных слов.

— Ведь это же... все что-то пыжимся... убогие... гармония...

Затем он опять замолчал и уснул.

— Что он сказал? — Лиходей переводил взгляд с меня на спящего.

Я пожал плечами.

— Скорее всего, это был просто бред. Про какую-то гармонию и убогих.

— Про убогих?

— Ну да, он сказал «убогие».

— Кто убогие? Мы?

— Откуда я знаю...

Через несколько минут астрофизик уже находился в точно такой же капсуле, что и ксенобиолог. Оба они теперь напоминали пациентов психиатрической клиники, и их вид действовал на меня удручающе. В моей голове вдруг возникла паническая мысль, что всех нас ждет на этой планете то же самое — один за другим, мы превратимся в безмозглых лежебок и будем дружной компанией радостно тарашиться на звезды, ни о чем на свете не беспокоясь. И никто на родной планете никогда не узнает о нашей печальной участи. Но такая «радужная» перспектива меня ни в коей мере не устраивала, потому что у меня еще имелись кое-какие планы на эту жизнь.

— Что с ними? — спросил Лиходей медиколога, суетящегося у аппаратуры.

— Пока не могу сказать ничего определенного. Требуется время для их полного обследования. Но... — Василий Васильевич неуверенно посмотрел на командира. — Мне кажется, это напоминает что-то вроде наркотического опьянения.

— Ну, это видно и без всяких анализов. Нужно установить причину.

Костя задумчиво разглядывал лежащих в капсулах. На лбу командира прорисовалась глубокая морщина, отчего он выглядел намного старше. Я представил, что сейчас может испытывать этот молодой человек, несущий ответственность за жизни подчиненных.

Когда мы вышли из медицинского отсека, большинство наших товарищей собралось внутри базы. Все были заметно взволнованы и смотрели на нас вопросительно.

— Капитан, а может, свалим с этой планеты, пока не поздно? — высказался Сторожев.

— Работаем в прежнем режиме, — хмуро отрезал Лиходей. — Пока что я не вижу повода для паники.

Да, в тот момент повода для паники действительно не было. Но буквально час спустя такой повод появился — на связь не вышел биохимик Вадим Зырянов. Мы быстро засекли его личный маячок и, вместе с Костей, спешно выдвинулись к нему на скайтере. Мы уже, естественно, не сомневались в том, что обнаружим на месте, а, кроме того, моя интуиция подсказывала мне, что рядом с Вадимом обязательно должны быть лежебоки. И я не ошибся в своем предположении.

— — — — —

Но в этот раз перед нашими взорами предстала несколько иная картина. В отличие от Черникова и Скворцова Зырянов не спал, и мы сначала обра-

довались, увидев его сидящим на четвереньках возле грибодерева, спиной к нам.

— Ты почему не отвечал? — крикнул биохимику Лиходей.

Но уже в следующий момент мы оба поняли, что с Вадимом что-то не ладное. Он никак не прореагировал на слова командира и продолжал чем-то там заниматься.

Мы с Костей медленно подошли к нему и только тут с ужасом поняли, чем он так занят.

Вадим, словно он был местным ленивцем, объедал шляпку одного из грибодеревьев, причем, делал это, судя по выражению его лица, с огромным удовольствием. Биохимик откусывал кусочки грибной шляпки и жевал их точно так же, как это делали лежебоки.

Мне сделалось по-настоящему страшно от такого нелепого зрелища. Неужели всех нас на этой ненормальной планете ждет нечто подобное? Надо немедленно покинуть ее, пока это не произошло...

Мы бросились к Зырянову и оттащили его от грибодерева.

— Что с тобой, Вадим? Ты меня слышишь? — Костя затряс его за плечи, пытаясь привести в чувства. — Скажи хоть что-нибудь!

Но, похоже, биохимик сейчас не слышал и не видел нас, пребывая сознанием в какой-то другой реальности. Его взгляд походил на взгляд человека, впавшего в наркотический транс или больного аутизмом. Из рта Вадима текли слюни и торчали кусочки водянистой грибной массы.

— Похоже, дело плохо, — попытожил я все происходящее. — Скорее всего, у каждого из нас своя, определенная реакция на это...

— На что? — воскликнул Лиходей, и я впервые услышал в его голосе растерянность.

— Если бы знать...

Зырянов неожиданно затрясся и тихонько захихикал, и от этого жуткого хихиканья по моей спине пробежали космические мурашки. Мы схватили его и понесли к вездеходу, а он не переставал хихикать, словно все время слышал что-то очень смешное.

Краем глаза я заметил в стороне блестящее тело и, повернув голову, увидел одного из лежебок, лежащего под грибодеревом и безразлично наблюдающего за нашей возней. И вновь в моей голове возникла мысль о возможной причине сумасшествия наших товарищей.

— — — — —

Примерно через час все собрались в кают-компанию базы.

— Итак, на данный момент мы имеем троих пораженных неизвестным вирусом... либо мозговым нарушением неясной пока этиологии. — Лиходей хмуро оглядел нас. — Врач сейчас пытается выяснить степень поражения и установить причину. Точно известно, что последний из пострадавших пробовал грибную массу. Возможно, именно в этом и кроется суть дела. Но тогда непонятно, почему Зырянов решил попробовать местные грибы. Впрочем, есть и другая версия. — Он посмотрел на меня. — Павел Дивов считает, что во всем виноваты ленивцы, которые каким-то образом воздей-

ствуют на мозг человека. Образцы грибной массы уже изучает микробиолог, а вот по поводу лежебок... Какие будут мнения и идеи?

Пару минут все молчали, обдумывая услышанное.

— Если ленивцы действительно могут воздействовать на наш мозг, то выходит, что они обладают высоким уровнем интеллекта. Так? — высказался Слава Седых, специалист по робототехнике.

— Предположительно. — Костя кивнул. — Но более точно на это может ответить один только Черников... когда выйдет из состояния транса.

Если вообще выйдет, подумал я и тут же решил гнать от себя подобные мысли. Надо всегда верить в хорошее.

— Ну, а если лежебоки разумны? — Роман Сторожев встал и подошел к командиру. — Мы же не можем улететь отсюда, не попытавшись разобраться. Это просто глупо!

Костя усмехнулся и похлопал космогеолога по плечу.

— Конечно, не можем. Но я так же не могу подвергать всех нас необоснованному риску. Еще неизвестно, насколько опасно поражение. Придут в себя те трое или нет... Или ты хочешь присоединиться к ним? А может, кто-то другой хочет?

В кают-компании вновь повисла тишина. Я вспомнил странное бормотание Скворцова и безумное хихиканье Зырянова, блаженную улыбку Черникова. Судя по симптоматике, все они явно пребывали в мире каких-то прекрасных грез и испытывали что-то очень приятное. Неужели это лежебоки вызвали в мозгу человека некие неимоверно сильные видения, следствием которых явилось состояние крайней эйфории, нечто сродни nirване? В таком случае, нужна попытка контакта. Кому-то из нас надо сознательно подвергнуть себя этому воздействию и передавать все свои ощущения до тех пор, пока сознание будет в норме. Другого решения тут нет...

Все это я и высказал Лиходею. Он внимательно выслушал мои умозаключения и, после короткой паузы, согласно кивнул.

— Что ж, видимо, это самый оптимальный вариант. Остается лишь уточнить детали.

— На контакт пойду я, — ни секунды не сомневаясь, заявил я. — Как автор идеи. К тому же, в отличие от ученых и инженеров, у меня более богатый опыт рискованных предприятий. Мой организм более привыкший к экстремальным ситуациям. Это моя работа.

По взгляду Лиходея я догадался, что он думает примерно то же самое, и моя версия тут же подтвердилась.

— Значит так, коллеги. — Голос капитана звучал уверенно, как прежде. — К лежебокам отправимся мы с Дивовым. Но первым номером буду работать я, как руководитель. Все свои ощущения буду передавать в эфир. Если Павел заметит, что я нуждаюсь в помощи, он окажет ее мне. Вы же сразу высылайте к нам катер. Всем находиться на базе. Все работы на планете сворачиваются до выяснения...

Он обвел нас строгим взглядом начальника.

— Но мы же не можем лишиться командира звездолета даже на время, — робко возразил я.

— В случае чего меня заменит в полете штурман. Я полностью доверяю его мастерству. Так что, все возражения отклоняю. Решение принято.

Опять Костя Лиходей доказал свое право быть первым среди нас. Такие сильные духом люди не могут не быть лидерами.

— — — — —

Вездеход остановился и затих, словно решил немного вздремнуть. Бурый карлик был отлично виден в безоблачном небе Эфиопы, а с противоположной стороны на местность проливала свой свет голубая звезда Альциона. В нескольких метрах от нас начиналась крупная грибная роща, в которой наверняка приютилось одно из семейств ленивцев. Такие высокие грибодеревья не могли не привлечь их внимание — отдельные из растений превышали человеческий рост.

— Ну что. Паша, ни пуха, ни пера? — Лиходей был серьезен как перед опасной затеей.

— К черту, капитан! — Я прижался своим лбом к его. — Помнишь Эпсилон Эридана? Там было намного жарче. Прорвемся и здесь.

Мы оба грустно усмехнулись, вспомнив, как едва не погибли в прошлой экспедиции.

— В худшем случае превращусь в счастливого идиотика. — Костя подмигнул мне. — Это не самое страшное.

— Ты только не тяни до последнего. Почувствуешь себя плохо, сразу кричи.

— Крикну, крикну... — Он вздохнул. — Ну все, я пошел.

Лиходей упруго выпрыгнул из вездехода и, сняв с головы и держа в руках шлем, уверенно зашагал в глубь рощи. Его оранжевый скафандр какое-то время маячил среди грибодеревьев, затем потерялся из виду.

Я пошел в ту же сторону, внимательно оглядываясь по сторонам, чтобы не прозевать лежебок. В моих руках был портативный радар, на экране которого пунктиром отмечалось передвижение Лиходея. Он находился примерно в тридцати метрах впереди меня, и я старался сохранять эту дистанцию, чтобы оставаться незамеченным.

Вскоре Костя остановился, и внутри моего шлема раздался его голос.

— Вижу пару ленивцев. Отдыхают на берегу пруда. Подхожу..

Я продолжал осторожно продвигаться вперед и через несколько метров увидел перед собой темную гладь небольшого озерца. Присмотрев удобный бугорок, я спрятался за ним, не выпуская командира из поля зрения. Из своего укрытия я отлично обозревал и Лиходея, и окружающий пейзаж.

Костя сделал еще несколько шагов и наклонился к большому светлomu предмету. Я понял, что это крупный ленивец. Рядом виднелся еще один.

— Не обращают на меня внимания. Буду ждать.

Командир присел на корточки рядом с лежебоками и несколько минут молчал, после чего опять заговорил.

— Не пойму... какие-то странные ощущения.

— Уточни, — попросил я его. — Какие именно?

— Такое впечатление, будто в мою голову кто-то пытается влезть.

— Что?! — Я напрягся. — Как это проявляется?

— Как бы обрывки чужих мыслей. Да, вроде того... А теперь вижу разные картинки...

Лиходей засмеялся.

— Здорово! Похоже на мультики. Родные места... фрагменты детства... я маленький...

Он молчал около минуты, и я уже начал испытывать тревогу.

— Костя, ты в порядке? Как себя чувствуешь?

— Все нормально. Вижу нашу Землю с высоты птичьего полета. Поднимаюсь все выше и выше. — Его голос стал взволнованным. — Паша, это потрясающе! Откуда они все знают? Вокруг космос... Планеты и звезды... Млечный Путь! Боже мой!.. Паша, они мне это показывают...

Он вдруг опять замолчал, и я, ощутив наступление критического момента, бросился к Лиходею.

— Там есть цивилизации! Их много... Ты должен это видеть! Им не нужны звездолеты...

До Кости оставалось всего несколько шагов, когда он рухнул на спину, выпустив из руки свой шлем. Я прыгнул к шлему и быстро водрузил его на голову командира, который хлопал широко открытыми глазами и смотрел мимо меня, прямо в звездное небо.

— Мы все слышали, — сообщил мне Сторожев, оставшийся на базе за старшего. — К вам вылетел катер. Прибудет минуты через три. Держитесь!

Я взглянул на лежебок и поежился — они пристально разглядывали меня, словно впервые заметили мое присутствие на этой планете. Их большие желтые глаза смотрели не мигая.

Лиходей пошевелил рукой и коснулся моего колена.

— Паша, такое не каждый выдержит, — слабо произнес он. — Это ошеломляет.

Я понял, что успел вовремя. Сознание Кости осталось по эту сторону реальности. Возможно, сыграла роль необычайная сила воли этого человека.

— Они сканируют мозгом космос. Представляешь?..

Я вновь взглянул на лежебок и интуитивно почувствовал, что эти существа ждут от меня какого-то поступка. И тогда, отбросив всякие сомнения и собрав в кулак всю свою силу воли, я совершил этот самый поступок. Я снял шлем...

Мне показалось, что сразу вся Вселенная стремительно ворвалась в мой крошечный человеческий мозг, переполнив его бесконечным объемом информации. Все ее миллиарды звезд и планет, все обитаемые миры, все цивилизации!.. Теперь я был вместе с ними, среди них, одним из них...

Краешком угасающего сознания я услышал гул двигателей катера и увидел фигуры бегущих ко мне людей...

— — — — —

В обзорном экране главной рубки звездолета виднелась Эфиопа, удивительная планета, познакомившая нас с лежебоками. Я представлял, как эти невероятные существа пасутся сейчас где-то там, на ее сумрачной поверх-

ности, и провожают нас своими мысленными взорами, способными пронзять космическую бездну. Как могло получиться, что на этой небольшой планете, не избалованной солнечным светом и теплом, появились они, наши милые ленивцы? А впрочем, как случилось, что на Земле появились мы, люди? И как вообще могло произойти, что мы обнаружили в космосе Эфиопу и высадились на ней?

Никто из людей пока что не может ответить на эти вопросы, но, благодаря лежебокам, наш экипаж заглянул в великие тайны мироздания. Да, после меня все остальные тоже по очереди подвергли себя воздействию разума ленивцев и обрели частичку вселенской мудрости. Все мы теперь стали совсем другими людьми и единодушно решили, что посвятим остаток своей жизни просвещению человечества...

Я мысленно прощался с Эфиопой и лежебоками, втайне надеясь, что побываю здесь хотя бы еще раз. Ведь такая планета, несомненно, заинтересует наших ученых, и сюда рано или поздно прилетит другая экспедиция.

Мы возвращались домой. «Коперник» держал курс на Землю.

Об авторе

Родился 9 июля 1972 года в Украине, в городе Артёмовске Донецкой области. Затем жил в Якутии, в Новосибирске, сейчас проживает в Белгороде. Окончил Сибирскую государственную геодезическую академию. Прослужил 15 лет в Уголовно-исполнительной системе, капитан внутренней службы в отставке, но продолжает работать в колонии строгого режима мастером производства. Публиковался в журналах: «Наш современник» (Москва), «Подъём» (Воронеж), «Звонница» (Белгород); в альманахе писателей Югры «Эринтур» (Ханты-Мансийск), в сборнике произведений о космосе «Звёзды ВнеЗемелья-2010» (Москва) и в белгородских сборниках «Солнце чужого мира» и «Слово — «Слову». Автор сборника прозы «Продавец книг» (Курск, 2011).

Анатолий Радов

Идущие на смерть

Они посадили корабль возле громадной стены, окружавшей город серым кольцом. Стена была высокой, из тщательно обработанного и подогнанного друг к другу камня, и на вид просуществовала уже не одну тысячу лет. Местами поросшая темно-зеленым мхом, местами выщербленная здешними ветрами, она представляла величественное и в тоже время жутковатое зрелище. Когда люк открылся, и они сошли на поверхность планеты, обозначенной в астрономических каталогах бездушной цифрой 289, стена показалась им еще более жуткой и величественной.

— Капитан, — радостно заговорил самый высокий из них, — это же сенсация! Люди побывали на сорока планетах, но ни на одной не обнаружили даже признаков разумной жизни. А здесь целый город!

— Чак, а представь, если в нем еще и люди живут. Ну, не люди, а местные какие-нибудь, — поправил себя капитан и посмотрел на третьего члена экипажа. — Дюк, по-моему, мы станем известными. Только представь, первые астронавты, которые открыли внеземную цивилизацию.

Дюк мечтательно разувался, но через пару секунд улыбка исчезла с его лица.

— Если за то время, пока мы летали, кто-нибудь не сделал этого, — сказал он немного разочарованным голосом. — Мы же сюда восемь лет летели, черт их дерь, эти парсеки.

— За триста лет никто этого не сделал, — с уверенностью в голосе проговорил капитан.

— Ну, мало ли.

— Вечно ты со своим скептицизмом, — не выдержал Чак. — Все время что-то придумывает, что-то обламывает своими дурацкими опасениями.

— Успокойся, — капитан бросил взгляд на второго пилота. — Дюк прав. Мало ли. Постараемся сделать тут все быстрее и галопом назад. На Землю. Если мы упустим такой шанс...

— Смотри, капитан! — не дослушав его, вдруг заорал Чак. — Стена под землю проваливается!

Но капитан и Дюк уже и сами заморожено смотрели на часть стены, бесшумно проваливающуюся словно в бездну.

— Это ворота, — наконец, выдохнул капитан и пожал плечами.

— Вот только странно они открываются, — настороженно проговорил Дюк. — Не по-земному как-то.

— Так мы и не на Земле! — усмехнувшись, крикнул Чак. — Это же чертова экзопланета!

— Да не ори ты, — вновь осадил второго пилота капитан. — Поспокойней, поспокойней, дружище.

Когда ворота полностью исчезли в местной почве, перед глазами трех землян предстала толпа двуногих существ, облаченных в длинные до пят цветастые халаты. Складывалось такое ощущение, что все они только что наскоро вылезли из своих ванн и поспешили встретить гостей, едва завидели спускающийся с неба космический челнок. Толпа приближалась, и на слегка уродливых лягушачьих мордах аборигенов светились широкие улыбки. Земляне напряженно ожидали.

В трех шагах от астронавтов местные остановились. Чак успел насчитать сорок штук лягушачьепоподобных, и в этот самый момент один из толпы что-то проквакал и указал на голову капитана.

— Чего они хотят? — шепотом спросил Дюк, зачаровано глядя на квакающего.

— Не знаю, — прошептал в ответ капитан. — Сейчас разберемся.

Он сделал шаг вперед и оказался лицом к лицу с квакнувшим. Тот в свою очередь поднял обе руки и осторожно положил их на голову землянину.

— Он что его, крестит что ли? — усмехнулся Чак.

— Помолчи, — цыкнул на него Дюк. — Стой молча, парсек тебя дери, а то не дай бог еще спровоцируешь.

— Да ладно. Если что, применим оружие, — с бессмысленным озорством бросил Чак.

— Не глупи. Оружие может быть и у них. А по количеству счет явно не в нашу пользу.

— Да фигня, перебьем. У меня подготовка на высшем уровне, — невозмутимо выдал Чак и с глупым вызовом оглядел стоявших вблизи аборигенов.

Дюк недовольно покачал головой:

— Тебя дурака сейчас со стены продырявят из какой-нибудь лазерохрени, тогда поглядим на твою подготовку, — в его шепоте было столько злости, что Чак не решился спорить дальше, а лишь прищурясь, стал разглядывать верх стены. В это время, квакавший отвел руки от головы капитана, сделал шаг вперед и фамильярно взял его под руку. От толпы отделились еще двое и также панибратски, но с большой осторожностью, взяли под руки Чака и Дюка. Чак от неожиданности едва не оттолкнул аборигена, а Дюк лишь пожал плечами, предпочтя особо не дергаться. Толпа развернулась и неспеша, словно самое главное было уже сделано, и остались сушие пустыки, потянулась к воротам. Когда проем остались позади, и они прошли всего метров десять — за спинами послышался шум. Ворота закрывались.

— Что-то мне не по себе, — обернувшись, проворчал Чак, но тут же отвлекся на диковинный вид города.

А город был и великолепен и несуразен одновременно. Каждый следующий дом совершенно непохож на предыдущий, словно строили их разные архитекторы. Удивительное и непривычное зрелище. Дома были круглыми и прямоугольными, возносящиеся к небесам и стелящиеся по земле в один этаж, усеянные окнами разных форм и совсем безоконные. Цветовая гамма тоже представлена во всей своей полноте, от ядовито красных, до абсолютно черных... Все это походило на коллаж из рисунков детей, которым пода-

рили много больших коробок карандашей и фломастеров. Помимо домов то тут, то там виделись монументы, стелы, памятники, а иногда и просто непонятные конструкции. Черный куб, стоящий на одной из граней, зеленого цвета плита, из которой торчало несколько десятков тонких красных штырей, согнутых в виде знаков вопроса, стеклянная бочка, набитая внутри белыми перьями... Земляне, широко распахнув глаза, разглядывали все это нагромождение с неподдельным интересом.

Флора вокруг зданий, а иногда и прямо на них, не уступала своим многообразием архитектуре. Здесь были деревья с листьями самых разных форм и цветов, здесь были цветы размером с деревья.

— С ума сойти, — только и прошептал капитан, глупо усмехнувшись и помотав головой.

Наконец, процессия остановилась возле высокого зеленого здания, крышей которому служила стеклянная пирамида, наполненная голубоватой жидкостью. Большая часть толпы мгновенно разбрелась, видимо, чтобы вернуться в спешно покинутые ванны, и возле астронавтов осталось только трое державших их под руки. Они повели их в дом, о чем-то оживленно квая между собой и время от времени почесывая свои лягушачьи затылки.

В доме ожидало еще пятеро местных, одетых в длинные черные платья. Они молча усадили астронавтов в большие фиолетовые кресла, и надели им на головы металлические шлемы, очень похожие на тот тазик, который таскал на своей голове небезызвестный рыцарь печального образа. Из шлемов во все стороны торчали тонкие антеннки.

— Сейчас будут мозг исследовать, — понял Дюк. — Капитан, нужно им как-то объяснить, что мы не собираемся у них долго засиживаться.

— Да подожди ты немного, — пробурчал капитан, разглядывая суесящихся аборигенов. — Наверное, это их ученые, или что-то в этом роде.

— Ага, — недовольно выпалил Чак. — Или это они нас на электрический стул сажают.

— Не говори ерунды, — капитан зло поглядел на Чака. — И, главное, не дергайся, я тебя умоляю.

— Да ладно, — обижено просипел Чак.

Капитан отвел взгляд от не в меру напрягающегося второго пилота и стал разглядывать помещение. Голые, серые стены, без узоров, без украшений. Все по-спартански сурово и просто.

Через полчаса с землян шлемы сняли, и облаченные в черные платья аборигены, быстро покинули комнату. Вместе с астронавтами остались все те же трое, что привели их сюда. Они молча стояли посреди комнаты, продолжая доброжелательно улыбаться.

— Мы с Земли, — громко, чеканя слова, проговорил капитан. — Мы астронавты.

Один из троих что-то проквакал в ответ.

— Да уж, — Чак улыбнулся во весь рот. — Если бы сюда прилетели французы, вот бы им радости было.

— Чего это? — спросил Дюк.

— Столько лягушачьих лапок, — прыснул Чак.

— Откуда ты знаешь, что у них там лягушачьи лапы? — едва сдерживаясь от смеха, спросил Дюк. — У них же платья эти их до самого пола.

— Судя по их мордам, должны быть, — Чак громко рассмеялся, а за ним не сдержавшись, заржал и Дюк.

— Тихо вы! — прищипнул на них капитан, сам с большим трудом не давая смеху вырваться наружу.

В это время в комнату вернулись аборигены в черных платьях. Они довольно квакали между собой, бросая на землян приветливые взгляды.

— Добро пожаловать, земляне, — хрипло произнес один из ученых. — Мы изучили ваш мозг и теперь знаем ваш язык. Добро пожаловать на планету Танг.

— Мы тоже рады вас приветствовать, — произнес капитан, выправляя осанку и поднимаясь с кресла. — Я Виктор, капитан космического челнока, это Дюк и Чак, пилоты, — он указал рукою на два других кресла. — Мы астронавты-исследователи. Мы пришли с миром.

— Вы у нас в гостях, — кивнув, прохрипел абориген. — Мы думаем, что вы немного устали, и поэтому все церемонии оставим до завтра. Отдыхайте. Ешьте.

Прохрипев последнее слово, он развернулся и быстро удалился прочь. Вслед за ним заспешили и остальные. Астронавты остались в одиночестве, заворожено наблюдая за произошедшим чудесным событием. Из пола в мгновение ока вырос черный овальный столик, на котором лежал целый, запеченный поросенок и по комнате поплыл сводящий с ума запах.

— Ух ты! — во всю глотку воскликнул Чак. — Они изучили не только наш язык, но и нашу кухню. Интересно, где это они поросенка взяли?

— Да не гони ты, — глотая слюни, проворчал Дюк. — Сто процентов поросенок искусственный.

Быстро поднявшись, он подошел к столику, оторвал от тушки большой кусок и жадно впился в него зубами. По его подбородку потек жирный сок.

— Даа, бвин, — пробурчал он, усердно двигая челюстями, — А по фкуфу фамый нафтояфий.

Плотно поев, астронавты решили хорошенько отдохнуть. Кроватей вокруг они не обнаружили и потому повалились прямо на пол.

— Вот это я понимаю, встреча, — оловело пролепетал Чак, ковыряясь в зубах языком. — Давненько я вот так не объедался. Все тьюбики, тьюбики... — он закрыл глаза и тут же захрапел. Капитан с Дюком еще несколько минут поговорили о происходящем, пока сытый сон не сморил и их.

Утром землян разбудил хриплый голос.

— Вставайте. Пора идти.

Астронавты открыли глаза. Перед ними стоял всего один абориген в черном платье, вежливо улыбаясь.

— Куда? — спросонья спросил Чак и быстро заморгал, стряхивая сладкую дремоту.

— Следуйте за мной, — коротко бросил абориген и выжидаяще замер.

А едва астронавты поднялись, он тут же развернулся и торопливо зашагал вперед. Капитан поспешил за ним. Чак и Дюк переглянувшись, двинулись следом, вразвалочку, потирая на ходу заспанные глаза.

— Куда это он нас? — зевая, спросил Дюк.

— А черт его знает, — незамысловато ответил Чак.

Абориген подойдя к проему в стене, стал спускаться вниз по ступеням, постоянно оборачиваясь и пялясь на астронавтов с той же вежливой благодушной улыбкой. Капитан улыбался в ответ, от нечего делать, считая ступеньки. Через пару минут и ровно двадцать две ступеньки они оказались в узком, слабо освещаемом коридоре. У стены справа стояла металлическая скамейка на которой ворохом лежала одежда и три коротких меча.

— Пожалуйста, переоденьтесь в это, — прохрипел абориген, и прислонившись к стене, стал ждать.

— Зачем? — непонимающе, разом спросили астронавты.

— В вашем мозгу мы отыскиали образы этих одеяний, — без особого желания стал объяснять лягушачьеподобный. — И мы подумали, что они наиболее отражают суть вашей расы. То, в чем вы сейчас, это слишком банально и совсем не характеризует вас. Все путешественники в космосе одеты примерно так же.

— А вы что видели других путешественников? — удивленно спросил Дюк и обернулся капитану. — По-моему нас опередили, кэп. Вот тебе и первые кто открыл эту цивилизацию, — он недовольно цыкнул языком.

— Не бойтесь, они были не с Земли, — отреагировал на слова землянина абориген, снова одарив астронавтов широкой лягушачьей улыбкой.

— Так значит, есть еще цивилизации?! — воскликнул Чак. — Ну надо же! Вы нам обязательно дайте их координаты, если знаете, конечно. Капитан! Нет, ты представляешь, если мы вернемся на Землю с координатами сразу нескольких цивилизаций! Да мы же... — он не закончил фразу, задохнувшись от нахлынувшего волнения.

— Давайте об этом чуть попозже, — попросил абориген. — Одевайтесь, пожалуйста, вас уже ждут.

— Ладно, — капитан улыбнулся. — Раз уж ваши правители хотят видеть землян так, то мы, конечно, выкажем уважение. Переодеваемся, парни.

Они стащили с себя комбинезоны, помогая друг другу, и надели доспехи из толстой кожи. Потом, вертя их и разглядывая, взяли в руки мечи.

— Идите вдоль по коридору, земляне, — пафосно проговорил абориген и поклонился.

— Видал какое уважение, — бросил довольный Чак, и они втроем двинулись вперед, шурясь и пытаясь разглядеть, что там впереди. Но освещение по мере продвижения становилось все слабее и слабее, и уже почти в полной темноте они наткнулись на стену. Раздался громкий треск и стена начала проваливаться вниз, так же как и ворота города. Астронавты молча стояли, вглядываясь в полосу яркого света, становящуюся все шире по мере опускания стены. Когда же та полностью исчезла, они ослепленные, ничего не видя перед собой, сделали несколько шагов вперед. Чак закрыв глаза, тер по ним ладонью.

— Че ж так слепить, — бурчал он при этом, кривя губы, и едва сдерживаясь, чтобы не выругаться.

Наконец, их глаза привыкли к яркому освещению, и они принялись торопливо озираться. Оказалось, что подземный коридор привел их к боль-

шой круглой арене, вокруг которой возвышались трибуны. А на трибунах сидели тысячи лягушачьеподобных в своих длинных цветастых халатах, не сводя взглядов с трех озирающихся землян.

— О, лучезарные жители прекрасной планеты Танг! — захрипел в этот момент над ареной громopodobный голос, и астронавты от неожиданности вздрогнули. — Наконец-то мы дождались! Мы изучили еще один язык, мы увидели в мозгах этих пришельцев новые прекрасные архитектурные сооружения, новые виды искусств, и самое главное, мы узнали новое развлечение. Хлеба и зрелищ! — кричали их предки, когда-то очень давно. Хлеба и зрелищ! — кричим мы сегодня, потому что мы счастливы. Вот уже четырнадцать лет ни один корабль не опускался на нашу планету, и нам успели надоест развлечения последних пришельцев. Нам надоели развлечения Аурелян!

— Надоели! — громом рявкнула толпа на трибунах.

— Но свершилось! Нас посетила новая раса — Земляне! Их мозги просто набиты разными развлечениями, которых нам хватит надолго. Наши роботы отловили самого кровожадного хищника этой планеты, наши роботы воздвигли за одну ночь этот Колизей. А сейчас, о, возрадуйтесь лучезарные жители планеты Танг, они строят Американские горки. Но сначала это! Гладиаторские бои! Выпускайте же Гарла! О, наисчастливейшие жители планеты Танг! Сейчас мы увидим, как трое землян будут сражаться с нашим самым кровожадным хищником. Хлеба и зрелищ!

— Хлеба и зрелищ! — мощным эхом подхватили трибуны.

— Черт возьми, что за хрень?! — испуганно закричал Чак, затравленно озираясь по сторонам.

— Что-что, — глухо проговорил Дюк, — Попали мы по самое не хочу.

— Да какого хрена? Что здесь происходит? — в голосе Чака проступил испуг, и он сделал несколько шагов назад, уперевшись спиной в успешную вернуться на место стену.

— Вот значит как? Ну-ну...

Понявший все капитан стиснул зубы, и подняв голову, презрительно окинул взглядом замершие трибуны. Медленно вдохнул воздух, наполнив легкие до предела, и закричал, напрягая все тело:

— Идущие на смерть не приветствуют вас, уроды!

Его голова вновь опустилась, в глазах мелькнула злоба. И медленно подняв короткий гладиаторский меч, он мрачно двинулся на выскочившего на арену огромного Тангского хищника.

Об авторе

Родился в г. Невинномысск), закончил Невинномысский энерготехникум. Писатель, работает в жанре нереалистической прозы. Печатался в газете «Массаракиш! Мир наизнанку», фэнзине «Шалтай-Болтай», журналах «Полдень 21 век», «Наука и Жизнь», «Порог», «Искатель (Москва)», «Искатель (Чикаго)», «Магия ПК», «Супертриллер», «Веси», «Тьма», «Техника Молодёжи», «Уральский следопыт», «Чудеса и приключения», «Очевидное и невероятное», «Мир Фантастики». Книги издаются в издательстве «Альфа-Книга».

Максим Фримен

Боги спустились к нам

Смерть может явить себя в облике излишне темпераментного аборигена, хищного животного, неудачного стечения обстоятельств или, на худой конец, банальной халатности, небрежения к технике безопасности исследователем. Как уже стало понятно из вышесказанного, открытие новых миров всегда сопровождается Его Величеством Риском, способным прервать человеческую жизнь в доли секунды, независимо от желаний и жизнелюбия самого человека. Именно во избежание потерь и стали проводиться ознакомительные мероприятия перед прямым контактом с новым Миром, так как цена пропущенной секунды — жизнь, и цена ошибки — жизнь...

На околопланетную орбиту вышел продолговатый космический крейсер типа «Пилигрим-VI» и завис там, остановленный по приказу старшего офицера (если быть точным, то он недавно получил повышение за выслугу лет: ему дали звание майора), вступившего на вахту вместо командора. Вскоре из основного гаража-ангара вылетели несколько искусственных зондов, отправленных для проведения анализов. Спустя некоторое время на главный компьютер стали поступать данные: атмосфера более плотная, из-за чего давление у поверхности выше, чем на Земле; флора и фауна не представляли для людей серьезной угрозы, а химический и биологический анализ воздуха не выявили наличие вредоносных бактерий, с которыми не смогла бы справиться медицина. Также был проведен спектральный анализ самой поверхности планеты.

Особое внимание уделили и светилу этой планеты: звезда относилась к классу «желтый карлик» и была полностью идентична основной звезде Солнечной системы...

Штурманская рубка — по проекту главного инженера и конструктора — была вынесена за пределы корпуса крейсера и напоминала своей формой железный наконечник древнеримского пилума, приготовленного к броску в стан врага. В это время в ее апартаментах находилась путевая вахта, молча любовавшаяся панорамой безымянного мира, опоясанного серебристыми облаками, похожими на моток пряжи люрекса. Видимая картина была просто великолепна: на фоне космической черноты и падающих на планету лучей здешнего светила, она отливала металлическим блеском и была похожа на зеркальный искристый шар, используемый людьми на культурно-развлекательных мероприятиях.

— Красиво, — сказал майор. Из всей вахты только он один стоял у огромного панорамного иллюминатора, диаметр которого был около полу-

тора метров, и, засунув пальцы за ремень, смотрел на планету; остальные сидели на своих местах, косясь на новый неизведанный мир. На своем веку дежурный офицер много перевидал, но то, что стояло прямо перед глазами, абсолютно отличалось от ранее видимого. Можно сказать, он был приятно удивлен, но не показывал этого, потому что привык все контролировать: от ручного пилотирования своих кораблей, на которых ему доводилось отправляться в полет, до банальных эмоций.

— Интересно, есть ли там разумная жизнь? — спросил техник. Его полувопрос-полупредположение были сродни наивному удивлению ребенка, тому, когда тот видел перед собой непонятный объект и пытался, с помощью различных догадок, сделать определенные для себя выводы о его полезности. Сидя за приборной панелью, отображающей техническое состояние всей электроники корабля, техник пощипывал кончик своих усов, задумчиво скосив взгляд на переносицу. Его мысли ушли далеко.

— Жизнь должна там присутствовать, — безапелляционным тоном заявила девушка-ксенолог. — Ее там просто не может не быть, — припечатала она напоследок и обвела своих коллег победным взглядом. Среди всех членов экипажа она была новенькой и еще не избавилась от подросткового максимализма и глубокой веры в правоту ксенологических теорий о наличии жизни там, где есть хоть что-то отдаленно напоминающее Солнце. Она вышла из-за круглого стола, стоявшего посередине рубки, и стала за спиной майора. Высокая, стройная, в обтягивающей ее точеную фигурку синей униформе, она пристально вглядывалась в отражение дежурного офицера, который ей безумно нравился своей выдержкой и хладнокровием. Аура силы, исходившая от него, заставляла ее тело покрываться мурашками, а сердце учащенно биться, иногда даже замирать, если он находился слишком близко от нее или обращался с какой-нибудь пустяковой просьбой.

В рубке присутствовали еще два человека, но они не принадлежали к «вперед смотрящим», как прозвали тех, кто заступал на вахту. Эти двое были из отделения внутренней охраны. В момент вступления на вахту старшего офицера, они несли охрану коридора. Он заметил их скучающие молодые лица, и предложил пройти в рубку понаблюдать за работой «мозга» космического разведывательного крейсера.

— Значит так, — развернулся на пятках офицер. — Судя по тому, что зонды не обнаружили никакой опасности, мы можем спокойно десантироваться на это космическое тело. Компьютер! — позвал он.

— Слушаю вас, Юрий Владимирович, — в ту же секунду раздался искусственный женский голос.

— Просканируй местность и выбери оптимальный район для высадки разведгруппы и экипажа корабля.

— Сию минуту, — ответил компьютер и замолк...

«Пилигрим-VI» на средней скорости полетел к планете. На сигнальной мачте заморгал зеленый маячок. Это по приказу дежурного офицера на Землю отсылалось сообщение об обнаружении нового мира, включившего в себя название Галактики и сектора, и начинающейся исследовательской экспедиции. Проникнув в верхние слои атмосферы, крейсер осветился

лимонно-оранжевым пламенем, которое приобрело такой цвет из-за специального химического состава, покрывавшего сегментные теплозащитные панели. Но никто из вахты, как и остальные члены экипажа, отдыхающие в криогенных капсулах, не знали, что корабль потерпит крушение...

На мониторе, где отображалась информация о состоянии машинного отсека, на долю секунды вспыхнула в рамке красная тревожная надпись «Угроза взрыва. Требуется охлаждение ядерных батарей» и тут же потухла — перегорела сигнальная система. Она вполне красноречиво предупредила об опасности, но этого было недостаточно, чтобы ее заметил техник, отвлекшийся на секунду, всего на одну секунду, в сторону панорамного иллюминатора.

Когда он вновь повернулся к своим приборам, уже было поздно. Необратимый процесс начался. В начале по полу прошла слабая вибрация, удивившая людей, а затем раздался взрыв, сотрясший корабль.

Потухла и вновь заработала сенсорная панель управления кораблем. Следом завывла сирена, потом заработала аварийная система для повышения выживаемости экипажа корабля.

* * *

Вот чувствовало мое сердце, что открытое высказывание старейшины против богов навлечет беду на наше племя. Стоило этому щедедушному старцу с длинной седой бородой и свисавшими, как сухая трава с обрыва, бровями, спрятавшими его непонятного цвета блеклые старческие глаза, взбунтовать население против всевышних, как они наслали Тучу. Это было страшно. Она появилась на горизонте в конце дня. Багровая по краям, в некоторых местах лиловая и фиолетовая, она медленно ползла в сторону нашего поселения, словно саранча на посевы. Я никогда не был трусом, но тогда меня пронзил страх. При приближении к поселению туча почернела. Ее цвет был настолько густым, что мне казалось, будто я смотрю в пустоту. Тень от тучи, ползшую по земле и наваливающуюся всей своей массой на деревья, кусты, холмы и поля, можно было сравнить с подминавшей все под себя снежной лавиной, несущейся с крутых гор. И в этой тяжелой тени умолкала природа — она пряталась и выжидала того момента, когда ей вновь будет позволено выйти на сцену.

И вот туча нависла над нашим поселением. Бугристая, переливающаяся различными цветами, она готовилась нанести удар. В деревне все жители затихли и, задрав до ломоты в шее головы, смотрели вверх. Ожидание неизбежного заставляло всех нас посылать тихие мольбы разгневанным богам, чтобы они сменили ярость на милость. Однако у распорядителей судеб на этот счет было другое мнение: «Те, кто не будут чтить нас, да наказаны будут!» — так говорилось в древнем пророчестве.

Я стоял на пороге своей полуземлянки и бессмысленно озирался по сторонам. Всюду преобладали темные тона. Прежнее буйство красок исчезло, явив окружающему миру серость и несовершенство без солнечного тепла. Такое ощущение, что все вокруг сбросило маску и показало свое настоящее лицо.

Удар грома вспорол тишину, будто это был быстрый и точный удар хлыста пастуха, чтобы стадо скученно шло и никуда не разбрелось, заставив вздрогнуть и помянуть недобрым словом старейшину. Сверкнула молния, вонзившаяся своим жалом в землю. Следом еще раз раздался раскатистый грохот, сотрясший земную твердь. И начался дождь. Его сплошная свинцовая стена окончательно погрузила все вокруг во мрак. Сначала я думал, что он вскоре пройдет, но по прошествии нескольких часов стало понятно, что этого не будет и даже не стоит надеяться. Воды с неба лилось много, и удары капель об крышу напоминали чем-то, если вслушаться и отбросить все лишнее, шелест листвы во время сильного ветра. Я не переживал, что нас подтопит: со строительством нового жилища мне помог Юркос, а он считался у нас лучшим ремесленником. Да и деревья, которые пошли на строительство, считались по нашим поверьям хорошо защищающими от непогоды и излишней влаги, ну и, само собой разумеется, от болезней. Ель, сосна, лиственница, все они являются благородными деревьями.

— Папа, — раздался испуганный шепот.

— Что? — я поворачиваюсь к Суахину. Мальчонка осторожно выглядывает из-за двери и смотрит на меня испуганными глазами. — Ты почему не спишь?

— Страшно, — говорит он, судорожно сжимая в руках выструганного мной когда-то из сухой олешины коня.

— Иди ложись, — я с улыбкой ткнул пальцами ему в лоб. — Мама будет волноваться, если тебя не будет рядом.

— А ты? — от очередного громыхания он весь сжался и зажмурился.

— Скоро.

Кивнув головой, Суахин развернулся и зашлепал босыми пятками по ступенькам, спускаясь вниз. В глубине жилища затихли его шаги.

Чтобы из домашних никто не услышал, я как можно тише спустился вниз и осторожно прошел в кладовую, где снял со стены колчан со стрелами, лук, сделанный из различных материалов, повышающих его прочность, и копье. Помолившись богу охотников-следопытов Волкину перед очагом, стоявшим в углу, я ступил под открытое небо и, не обращая никакого внимания на разгулявшуюся непогоду, побежал в сторону еле-еле видневшейся стены леса.

Дорога превратилась в непролазное месиво из чавкающей под ногами грязи, замедлявшей ход, но тут ничего не поделаешь. Я пересилил свой страх перед богами — семью нужно кормить — и бежал напрямик через поле.

Лес приближался.

И вот я уже под кронами его деревьев. Пахло грибами и лесными ягодами. Было немного прохладно. Но это ничего. Охотники привычны к такому.

Во время охоты дождь плохой помощник: он сбивает со следа, уничтожает запахи, мешает слушать. Двигаясь между деревьями, приходилось по несколько минут стоять, вслушиваясь до ломоты в ушах, нет ли поблизости дичи. Порой тональность звука менялась, но все это было не то, что мне нужно.

К тому времени, когда это произошло, я уже стоял на пологой равнине, обвешанный тушками короткоухих саблезайцев и держал в руке клювокрыла. Равнина уходила далеко вперед и упиралась в лениво несшую свои воды широкую реку, чей берег густо зарос камышами. За рекой возвышалась еще одна стена леса, но туда дорога закрыта: там пролегла земля враждебного нам племени Жестковолосых.

Не знаю от чего, но меня вдруг продрал озноб. По обретенному опыту это предвещало только одно: БЕДУ. Я завертел головой в разные стороны в поисках опасности, но ничего подозрительного не видел. «Так», — насторожился я, услышав странный шипящий свист, чем-то напоминающий звук падающих стрел. Только поднимаю глаза к небу, как в ужасе пригибаюсь к земле и начинаю дрожать всем телом. Мной овладело одно единственное желание: спрятаться, вгрызться в землю, уползти червем в ее недра. Но от страха я даже не мог пошевелиться, и поэтому просто продолжал беспомощно сидеть на корточках, обхватив себя за голову, и смотреть ввысь.

Сверху падало что-то длинное и черное, как бескрылая хищная птица с длинным, прямым и на вид острейшим как бритва клювом. Это что-то оставляло позади себя жирный шлейф из дыма, с боков постоянно отваливались какие-то куски, и это летающее чудовище вот-вот рухнет на распростершуюся равнину перед моими глазами.

* * *

Оглушительный, резкий и мощный удар об землю переломал корпус космического корабля пополам, лопающаяся обшивка хрустела, будто переламывающиеся сухие ветки под ногами, а рваные обломки вдавленно-го от удара днища вонзились в несущий внутренний каркас и заскрежетали, переламывая и перемалывая нижние ярусы корабля. Эта хаотичная звуковая какофония была настолько невыносимой, что те, кому все-таки посчастливилось уцелеть под обломками рушащихся конструкций, металась по полу, схватившись за уши, лишь бы не слышать эту «музыкальную» смесь.

Длилось это недолго.

Внезапно наступила глухая тишина. А земляне, выжившие в этой катастрофе и потерявшие сознание, вскоре придут в себя...

* * *

Казалось, сама земля застонала от этого мощного удара и заходила ходуном от боли, пытаясь, таким образом, ее унять. Ввысь взметнулся огромный столб пламени, дыма и пыли вперемешку с поднятыми в воздух комьями земли.

Горячей волной меня сбilo с ног и приложило о дерево с такой силой, что из глаз брызнули искры, а тело изогнулось до хруста в позвоночнике. В глазах потемнело, во рту появился привкус крови, на одно мгновение мелькнула мысль, что я вот-вот умру, так и не обняв на прощание сына с женой. Не знаю от чего, но вдруг в душе поднялся вихрь озлобленности на весь

мир: «А вот черта с два вам всем. Все равно не схохну!» Сделав над собой усилие, я поднялся на ноги и стал во все глаза смотреть на полыхающее и чадающее чудовище. Оно лежало на боку и напоминало кита, выброшенного на берег.

Разглядывая лежащую «рыбу», я не сразу заметил как из нее вышли двуногие существа. Они блестели и напоминали изображенных нашим художником пришельцев, о которых рассказывало пророчество, что они придут с огнем и страхом с целью нашего освобождения и возвышения. От навалившейся радости у меня из глаз потекли слезы, а в горле застрял ком, не давая ни крикнуть, ни вдохнуть. Я без сил рухнул на колени и, подняв взгляд к небу, проговорил:

— Наконец-то боги спустились к нам.

Об авторе

Родился 15 апреля 1990 года в Беларуси, в городе Слоним. Сейчас заканчивает Белорусский Государственный Университет, факультет философии и социальных наук по специальности социология. В плане «сочинительства» писать начал недавно. Напечатанный выше рассказ является вторым. Первый — «Сбывшаяся мечта или сорвавшийся вниз» включен в третий номер альманаха «Фантаскоп» за 2012 год.

Олег Рудковский

Куст

повесть

Куст рос на этом месте и год назад, и в 1917 году. Наверное, нет в истории человечества эпохи, которая могла бы соперничать вечностью с кустом. Меняется мир, меняются люди. Даже время меняется: то оно как карусель, а то словно медлительная гусеница, задумавшая путешествие на соседнюю ветку. Вот и деревенька, что в начале века стояла меньше чем в километре от куста: всего за несколько лет она успела разрастись, окрепнуть, даже возмужать. Выросли новые дома, а очень скоро — и колхозы. А невысокое растение продолжало занимать облюбованное им местечко, и никакие перемены не касались его тщедушных листиков и слабосильных стебельков. Зимой, когда пожелтевшие нивы к югу от деревеньки заполнялись снежными хлопьями, куст продолжал топорщиться из снега, высывая голые ветви, моля о потерянном тепле зачахшее, мутное солнце. Но при ближайшем рассмотрении вдруг возникали ненормальные ассоциации: без труда верилось, что смена времен года не оставляет ни видимых, ни даже невидимых следов на странном, безвестном кусте. И даже сбрасывание в осенние месяцы всей зелени казалось само по себе неестественным. Будто бы живой организм, но бездушный.

В середине двадцатых деревня уже вплотную подбиралась к месту, крещеному самобытностью куста. Считалось, что коренных башкир проживало здесь около 20% от всех жителей деревни, однако их могло быть и меньше, ведь по скорой нужде и вполуха велась перепись населения в 17-м. В 1927 году человек по имени Бурангулов Минигали Хабибулович затеял постройку дома метрах в сорока от куста. Ориентируясь, впрочем, не на само растение, до которого Минигали Хабибуловичу дела не было, а на нэпмановские щедроты, дающие право любому сельчанину на личное имущество. Скрыть путающийся под ногами холмик для человека сельской выучки не представляло трудностей. Пока везде гремели пролетарские лозунги, а люди никак не могли нарадоваться на вырванную клещами революции свободу, Минигали Хабибулович лил пот в три ручья, усердно трудясь над возведением дома. Уже через год все большое семейство Бурангулова въехало в добротное жилище.

Новоселье справляли всей деревней. Люди искренне поздравляли соседа с новым домом, хотя при этом не упустили возможности посудачить о хмуром виде и странной немногословности хозяина. Казалось бы, счастливый и жизнерадостный, Минигали не проявлял должного радушия, и это

выглядело не совсем обычным, ведь ничего подобного раньше за ним не замечалось. Впрочем, умонастроение Минигали Хабибуловича все-таки объяснилось, когда стало несомненным, что все обещания большевиков на деле выдумка и бред сивой кобылицы. Короткий месяц отделял Бурангулова от того момента, когда деревня наводнится шпиками-обличителями, выявляющими заевшихся кулаков. Нет ничего удивительного, что Минигали предвидел будущие беды.

Отгуляли; а спустя две недели хозяин дома вышел во двор, взял в руки лопату, неспешно зашел жене со спины и со всего размаха обрушил лезвие на затылок женщине. Товарищ Бурангулова рухнула бездыханной, не успев издать ни звука. После этого, по совсем непонятным причинам, Минигали бросил лопату на траву, схватил топор и вернулся в дом. Он вырезал всех: собственных детей, родителей, тещу с тестем. Затем Минигали Хабибулович неспешно прошел в сарай, где без долгих приготовлений и повесился.

Все. Конец истории.

Куст занимал свое прежнее место. Дом Бурангулова нарекли проклятым и старались не приближаться к нему без надобности. Не удалось найти никаких причин, по которым могло бы стать яснее, почему Минигали Бурангулов вдруг в один прекрасный день стал убийцей и порубил всю свою семью. Время прошло, захолустье того уголка стало людям привычным, и, само собой разумеется, что дальше, к западу, деревня уже не росла. Куст продолжал меняться, а точнее, он не менялся вовсе — мир искажался вокруг него. Он лишь сбрасывал осенью листья, запасался терпением, дабы пережить нашествие демонов-вьюг, суровых, трескучих ухарей-морозов, а по весне вновь облачался в цветущий веселый наряд.

Весной 1935-го возле Проклятого Дома объявились пришлые люди. Напуская на себя таинственность, неизвестные гости ни с кем не вступали в разговоры из жителей деревни, и уже это порождало тьму домыслов и разнотолков. К тому же, как выяснилось вскоре, чужаки затеяли внутри дома какие-то работы, назначение которых никто не мог понять. Вспомнили позабытую тропку, что пролегалась рядом с домом и выводила в поле: жители деревеньки отчаянно пробирались мимо дома Бурангулова, при этом глаза их неотрывно зарились вправо, даже наводя на мысль о страшной эпидемии косоглазия, охватившей повально все население. На самом же деле это было обычное провинциальное любопытство, хотя по утрам интерес людей задышался на корню. Дом производил впечатление, уже успевшее стать его изнанкой и лицом: мертвый. Мрачная, злонакупившаяся крыша и наглухо закрытые ставни, казалось, только и ждут того момента, когда последний человек окажется в поле, подальше отсюда. Ни движения там, ни звука, точно мираж пронесся над селищем, но только люди твердо знали: те, кто пришел в их места неожиданно-негаданно, сейчас там, внутри. И никакая тишина не введет в обман.

И ближе к полудню — впрямь! — образ переворачивался. Вот уже дотошный, беспрестанный стук доносится из недр дома, словно было то монотонное забивание гвоздей всюду, куда только глаз прикажет гвоздить.

Стук казался тем более странным, что окутывала его молчаливая неизвестность, загадочность и даже некое таинство. Ходило много слухов, и по большей части — надуманных. Ведь думать всегда безопаснее. Так или иначе, интерес к неизведанному не угасал, а только подогревался. Деревенские мальчишки ватагами сновали окрест дома, время от времени пробуя бревенчатые стены земляным камнем. Ну, рядом-то с обычным жильем так не разгуляешься: взбешенный хозяин может и пальнуть чего доброго, а уж отборнейшей матершиной проберет до самых пяток. Здесь же такого не происходило. Если кто-то внутри и нервничал, то не подавал виду, и такая обособленность пуще прежнего накаляла страсти.

Развязка наступила угрожающим образом. В один из поздних вечеров, когда остатки ужина стыли в казанах, а на улице ни души, даже влюбленные парочки разбрелись по домам, и лишь собаки ворчливо брехали, мусоля многодневной давности кости, по деревне пронесся оглушительный грохот. Как будто бы еще мираж, если бы не такая реальная, впечатляющая подробность. Охваченные смутным беспокойством, сельчане выглядывали из окон домов, силясь распознать в сумерках причину столь странных и даже страшных звуков, вызывающих тревожный звон стекол, что могло оказаться и ревом машин, и началом новой гражданской войны. Кто-то оказался удачливее прочих — в основном те, чьи дома располагались в близости с Проклятым Домом. От них новость и разошлась по всей деревне с такой быстротой, как если бы в каждом доме имелся свой гонец.

Итак, выпало добро, и это действительно оказались машины, а не налет анархистов. Три автомобиля с плотно закрытыми окнами и даже как будто со шторами внутри пересекли всю деревню из одного конца в другой. Они были черные, как сама ночь, и даже более того — глубоко чернильные механизмы, исторгающие трубный рев. Путь их лежал к тому дому, который и во времена более тяжкие бередил некоторые умы. Из машин вылезли люди: одинаковые, как солдаты, только что не в военной форме, а в таких же чернильно-черных одеждах и по большей части в шляпах. Они суетились, как суки в период течки, и можно было заметить, что все они топчутся вокруг центральной фигуры, тоже вылезшей из машины. Группа загадочных пришельцев так быстро исчезла в доме, что ничего более разглядеть не удалось. Свет внутри не зажигали, шум быстро стих; оставалось сплошь непонятным, с какими намерениями «черные вороны» слетелись к Проклятому Дому накануне ночи.

Ничто не изменилось с тех пор, разве что две вещи. Первое: время от времени, как по отработанному шаблону, деревню пересекали знакомые машины, непременно скрытые сумерками, и останавливались рядом с жилищем Бурангулова. Только теперь его уже не связывали с именем Минигали, перестал он слыть даже Проклятым, — он стал дачей. Просто Дачей, без всяких приставок и жутких добавлений.

И второе: любые разговоры, выющиеся вокруг загадки старого дома, смолкли. Так, словно явился некто со стороны и выплеснул из стакана всю эту бурю раз и навсегда.

Персона, обосновавшаяся в доме, хранила инкогнито. Непонятные, но не становящиеся от этого бессмысленными, причины влекли человека-загадку из города в дом, и пусть бы иные божились, что не важный партработник скрывается за этими стенами. Люди-то знали правду. Словом да делом, загадка осталась, лишь только сменив интригующий камзол на тоталитарные латы. И то правда, что люди толком не знали, где в данный миг сидит хозяин дома: опустошенное подворье и отсутствие машин никак не вселяло уверенности, что дом пустует. Сельчане с великой радостью вернулись к обходному пути в поле, ведь неприятно и мерзко, проходя мимо мрачного дома, ощущать на затылке огневой, всепожирающий взгляд. *Уж не сам ли товарищ Быкин, секретарь обкома*, родилось благоговейно предположение, словно всплеск неосторожной лягушки, нарушившей гладь омута молчания. Благодать снизошла на беднягу Паномаря, Сергея Иваныча, тракториста, умудрившегося выпустить на волю свой глупый язык, после чего тракторист улетел в тартарары, правда, без трактора, а на его место заступил более серьезный работник.

Подозрительные люди, приехавшие раньше хозяина для перестроечных работ внутри дома, весьма скоро дали о себе знать. Это были угрюмые, землистые личности, больше всего походящие на подземных рабов, и появлялись они в деревне в разное время и внезапно. Покупали мясо, молоко — все то, что естся и пьется. В беседы не вступали. Впрочем, никто их и не провоцировал. Как только мрачные типы убирались назад в свое темное логово, жители деревушки облегченно переводили дух.

Так, быть может, все бы и тянулось — темное, неразгаданное, злоещее подозрение, — аж до самого 41-го. Но вдруг, немногим больше года спустя, произошло куда более странное приключение.

Жила-была в деревне старая бабка. Звали ее не совсем по-человечьи — Мяскяй. Что в переводе с башкирского значит «Ведьма-Людоедка». Из рода казахов, старая ведьма вовсе не считалась коренным жителем уральского края, но прозвищу не противилась и настоящее имя напоминать не спешила. Стало быть, по душе ей пришелся местный фольклор — все-таки не сыскать политически безвреднее карги, чем баба-яга. Людская молва ей приписывала заговоры — на урожай или наоборот, — а потому каждый в деревне считал за несчастье прейти ей дорогу.

В одну из ночей дверь хижины бабки Мяскяй сотряслась от ударов. То был уверенный стук, от такого не отмахнуться задаром. Старая женщина, уже почивавшая на печи, нехотя сползла с нагретой лежанки и поплелась открывать.

Силуэт «землистого» человека высветился на пороге дома, и ночью он больше всего напоминал призрак или пещерное существо, истомившееся по свету и крови. Гость без церемоний ввалился в дом, не дождавшись надлежащего приглашения. А бабка Мяскяй подумала о том, что этого человека не запугать никакими приворотами и мяскяйями. Гость сказал всего несколько слов, после чего он исчез, так же внезапно и чуждо, как и нагрелся. Однако перед уходом он заручился согласием бабки Мяскяй, сказать точнее, проявил особую напористость. И так уж не хотелось пожилой жен-

щине связывать себя услугами с тем, кому требовалась ее помощь, но перечить она не стала, даже слово протеста приберегла на ум. Когда в дом приходят такие вот гости, становится не до кривляний.

Девчушка Настена была из числа тех тихонь и скромняг, что скрывают за невинными личиками бурный вулкан любознательности. Семилетнюю сиротку пригрела Мяскай в своем доме больше трех лет назад. Смолоду девочка тесно соприкасалась с ритуальными заклинаниями хозяйки-колдуньи. Бытовало суждение, что отнюдь не бескорыстием проникнуто милосердие бабки Мяскай, и уж точно не жалость пробудила в ее мутной душе желание удочерить сироту. Но — наследие. Не скупясь на вопросы, Настена не могла не заметить, как в эти минуты довольно кряхтит ее приемная мать. В вопросах ученица-колдунья касалась и загадки исчезновения из деревни юных девушек: их сгнуло трое за минувший год. Мяскай отвечала, но путано, сложно, на самом деле она полагала, что эту правду Настеньке рановато еще пока знать. Она и сама-то, грешная и убогая, не стремилась к ней приблизиться меньше чем на версту.

Девчушка Настена стала единственным и тайным свидетелем разговора, произошедшего в доме Мяскай назавтра после прихода «землистого» порученца. Крепко-накрепко было велено ей сидеть себе тихо в укромном местечке и не высовываться, даже если надвинется страх и замутит глаза тенью. Поначалу старуха Мяскай подумывала отправить девчушку к соседям в злосчастную ночь, но потом решила, что пусть ей уготована погибель, Настена будет знать, как именно это случится.

И вот на дворе стемнело, и самые поздние жители деревушки заснули в кроватях, и легкий, испуганный скрип торопливой возни под одеялом затих, — вновь к порогу старухи подступили черные тени. Ловцы человеков со знанием дела перевернули всю хату; их волчьи, землистые ноздри чуяли каждый запах, но колдовской знак лежал на убежище перепуганной сиротки Настены; и просмотрели ее. Вдруг все как один выметнулись из дома, потому что подоспел черед главного, и тут уже не должно было оставаться посторонних.

Бабка Мяскай стояла посреди едва освещенной комнаты и спокойно разглядывала нового гостя, теперешнего хозяина Проклятого Дома. Он был невысоким и плотным человеком в пенсне и с непроницаемым взглядом, от которого не жди хорошего. Лицо гораздо живее, чем у бледных прислужников, разве что глаза чуточку шальные. Ну, быть может, то от испуга. Старуха предложила человеку сесть, и сама уселась поодаль.

Настена слышала не очень четко, но достаточно и для семилетней девчушки, собирающей картины по отдельным кусочкам. Для поддержания страха, наверное, гость, прежде всяких других вопросов, задал один, не подслушивают ли их, и сердечко девчушки стремительно заколотилось: сейчас ее схватят и сварят заживо! Но бабка Мяскай проронила «а то!», не моргнув даже глазом, а человек этот был слишком напуган, чтобы заподозрить какой-то подвох.

Он что-то добавил о помощи, и Настя вмиг представила его строгий взгляд, но ответом ему было лишь кряхтение осмотрительной и мудрой бабки Мяскай. Гость снова заговорил: весь месяц провел он в муках, ноч-

ные кошмары вконец его одолели, а ведь раньше такого не замечалось, и вот незадача! Он выразил мысль о порче, надеясь на трезвый ответ, но бабка сказала «Кхм», и воцарилось молчание. Настена добавила к невнятному отклику Мяскай какой-нибудь жест — кивок или еще что, — и теперь они, наверное, смотрят друг на друга, как два врага. Ночной визитер задал вопрос, очень тихо, — тот словно прошелестел по полу и не достиг ушей девочки. Но вот слова хозяйки прозвучали отчетливо. НЕХОРОШИЙ, ЧЕРНЫЙ ДОМ. Голос мужчины напрягся, он спросил, что это значит. УБИЙСТВО, изрекла Мяскай. УБИЙСТВО ДО СИХ ПОР В ВОЗДУХЕ. Малютка Настена уже сотрясалась всем телом.

Что же делать, тихо спросил гость. Девчушка вновь услышала кряхтение и скрип натруженного стула, на котором сидела старуха Мяскай. Она что-то прошамкала нечленораздельно, и Настена ничего не разобрала, но гость-то понял. Сон, проговорил он таким тоном, как говорят о чем-то неприятном и пугающем. Сон...

Дальше Настя ничего не могла слышать, как ни старалась, потому что говорил посетитель тихо, и часто останавливался, чтобы глотнуть воздуха. Девочке удалось разобрать лишь несколько слов. *Стрекозы...Огромные, как корабли...Большая площадка... Туннель... Что-то тянет под землю... Каждую ночь...*

Потом очень долго молчали, и в этой притаившейся тишине сердце Настены отыскивало покой. Потому что не было дела этому человеку ни до нее, ни до ее мачехи — он гиб, и испуган весьма! Прозвучал одинокий вопрос. Снова голос бабки зазвенел на всю комнату, и только сейчас девчушка задумалась, что это может быть подстроено специально для нее. ЗЛЫЕ ДУХИ. ТАМ, ГДЕ УБИЙСТВО, ДУХИ ЖИВУТ МНОГО ЛЕТ. НУЖНО ДРЕВНЕЕ ЗАКЛИНАНИЕ, ЧТОБЫ ИЗГНАТЬ ИХ ИЗ ДОМА.

Ее обязали подписать бумагу, запрещающую болтать о том, что встретилось ей в Проклятом Доме, и о своем участии в деле, связанном с его темным хозяином. Напрасно Настена осаждала старуху с вопросами — рот колдуньи был скован тайной. В деревне и не прознали даже, что Мяскай довелось проникнуть в самое сердце Проклятого Дома, и это избавило ее от расспросов людей, для которых любопытство превыше жизни. А вот поведать она могла многое. И куда на самом деле подевалась Любка Митрофанова, вторая дочь Степана Митрофанова, однажды вечером просто исчезнувшая бесследно и не найденная донныне.

Теперь на бабку Мяскай свалилась забота труднее, чем тяжесть тайны. Никаких демонов в доме не оказалось, как и предполагала колдунья, а весь ритуал изгнания был напоказ, только чтобы умерить беспокойство хозяина и запутать «землистых». Этот странный рассказ... Да, Мяскай знала, что же такое близится к хозяину дома, что нависает над ним. Но не хватало старухе умения постигнуть эту страшную силу. Теперь, если сны начнут повторяться, за ее жизнь не дадут и понюшки табаку. Старуха накрепко запомнила безумный, затравленный взгляд Любки, которую в первую минуту она даже не признала, переступив порог дома. Что могут сделать с ней, когда раскроется обман?

Но все вдруг переменялось. Мир не стоит на месте. Все в нем меняется, — быстро ли, медленно, — неважно. Одной ненастной ночью жителей деревни разбудил громкий шум. Спросонок люди приняли его за все тот же рев автомобилей, и потребовалась целая минута, чтобы понять всю непохожесть новых звуков.

Мало сказать звуков — это были человеческие крики. И Господи — снова пистолетные выстрелы, как тогда, в семнадцатом! Они раздавались со стороны Проклятого Дома, и люди поначалу подумали, что его обитатели в один момент сошли с ума и стали убивать друг друга. В глубочайшем ужасе сельчане замерли в комнатах, в прихожих, на полу и кроватях, отчаянно молясь и прислушиваясь к звукам, что доносил до них западный ветер. И чудилось, будто кто-то кричит в той стороне — жуткий, протяжный и мучительный крик, вызывающий содрогание. Быть может, то был ветер, что свистел за окнами в непогоду? Да только вряд ли. Слишком этот крик напоминал человеческий, разве что это был человек, потерявший разницу между жизнью и смертью.

Быстро все стихло. Шума моторов машин глупо было ждать, но он таки прозвучал! Уцелевшие (или вовсе посторонние товарищи) прогрохотали через всю деревню, а потом все окончательно смолкло.

Остаток ночи прошел без сна. Тела людей сотрясали предчувствия; прощались друг с другом мужчины, женщины и дети, — то была ночь, когда уже ни для кого не наступает завтра.

Но ничего не произошло. Ни на следующий день, ни в один из других дней. Вновь потянулось существование, не признающее унылым благодаря красным флагам и вдохновляющим гимнам. Только через неделю самые отчаянные смельчаки отважились на вылазку к Проклятому Дому Бурангулова. И что же они увидели? Все ту же картину: глухая заброшенность, безлюдный двор, немые окна. Даже самый недалекий человек теперь понимал, что нет живой души за этими стенами, и не скоро еще рядом с домом зазвучит веселый говор.

С той поры старухе Мяскяй можно было не опасаться за свою жизнь.

Куст рос... Не в прямом смысле, конечно: он не рос, как растут все другие кусты — кто вверх, кто вширь. Он рос в том смысле, что просто торчал из земли. Никто из людей не знал про куст. Но найдись такой человек, кто набрел бы вдруг на растение, и пусть бы он обладал еще каплей фантазии, — потрясение перед лицом новых форм переполнило бы его бедную душу. Куст не менялся. Менялись его формы. То он казался чучелом, воткнутым предусмотрительным огородником в землю. Но шаг правее — и зверь, пробирающийся на задних лапах, леденит сердце ужасом. Он сам Великий Тираннозавр, царь ископаемых животных, но дунет ветерок, и зверь оплавится, став скользким, уродливым. Он видит вас, и он уже знает, что победил...

Летом 1946 года над Башкирией разлилась Великая Засуха. Почти десять лет пройдет еще, прежде чем сельское хозяйство воспрянет былым духом, а пока послевоенная разруха, голод и нищета, очередное раскулачивание, а

еще — Засуха распугали едва ли не всех сельчан, заставив каждого второго с удесятеренным упорством рваться в город. Туда, где заводы, где магазины, — туда, где цивилизованный мир. Очень мало осталось людей, преданных унылому и как бы одряхлевшему колхозу; сгнула и старуха Мяская вместе с малолетней воспитанницей. После войны уже не нашлось бы человека, кто смог бы в точности повторить историю дома, построенного некогда Минигали Бурангуловым.

В конце сороковых один из последователей коллективного хозяйства — человек по имени Михал Михалыч Сибиряков — решил привести в порядок дом для личного проживания. Тем более что по наследству дом перешел в полную собственность колхоза, причем строго по закону (что бы вы ни подумали). И теперь уж вряд ли кто-то заявит на него право, даже если случится невероятное, и срубленное родовое древо Бурангулова вдруг обрстет молодыми побегами. Дом не пострадал за время войны. Фашистские бомбардировщики атаковали Москву и Киев, что им было до какой-то глухой деревеньки? Одно поразило Сибирякова внутри, когда он только-только приступал к очередному внутреннему ремонту: выведенный чем-то красным рисунок на полу спальни. Михал Михалычу не довелось поучаствовать в боях за родину, но свежо еще оставалось воспоминание о кровавой междоусобице после революции, поэтому он хорошо знал, как выглядит кровь, чтобы спутать ее с чем-то другим. Сам рисунок был жутким, дальше некуда. Круглое, надутое лицо с огромными выпученными глазами — демон, не иначе! Наверное, за бывшими жильцами дома водились какие-то грешки, предположил Михал Михалыч Сибиряков, тщательно затирая рисуночное послание.

Этой ночью Михал Михалычу приснился первый сон. Узкий подземный туннель уходит в невидимую глубину, теряясь во мраке; всюду пыль и песок, в волосах копошатся мелкие жучки, — он продирается вниз, туда, где нет света Божьего, в место, чуждое человеку, и ему уже не хочется лезть дальше, но что-то могучее подчиняет его себе, не оставляя никакой надежды...

Через год новый хозяин дома рыл ямы для столбов. Пришлось подумать о новом заборе, взамен почти сгнившего, изъеденного дrevоточцами, перекошенного старого. Михал Михалыч был занят делом уже четвертый час, когда что-то, чего он не замечал раньше, вдруг привлекло его внимание. Сибиряков вскинул голову, вздрогнул и непроизвольно отшатнулся.

Он сразу успокоился, так как понял ошибку. Нет, это не человек, подбирающийся со злым умыслом, — это всего-навсего дурацкий куст. Михал Михалыч зычно выругался, после чего озадаченно уставился на растение. Ну, точно! Если долго смотреть, растопыренные ветви и впрямь становятся руками, а верхушка напоминает малюсенькую башку. Чудеса! Клоун-урод, удравший из цирка. Хочет напасть на мирного труженика. Сибиряков отстегнул еще пару-тройку ругательств, уже доброжелательнее, после чего возобновил прерванное занятие.

Через минуту он с удивлением заметил, что работа застопорилась на одном месте и совсем не продвигается вперед. А причина самая простая: полное бездействие самого Михал Михалыча Сибирякова. Оказывается, он

и не копал все это время — тарашился на куст! Черт, и чего только не бывает! Ну, куст и куст, чего еще? Что ему сейчас следует сделать, так это взяться за лопату покрепче...

Еще через секунду Михал Михалыч медленно шел в сторону куста.

Он приблизился, обошел вокруг растения, осматривая его со всех сторон. Обычный куст, каких много. Дался он ему! Намереваясь ухватиться за ближайшую ветку, Михал Михалыч протянул руку. Ему оставалось сжать пальцы, чтобы убедиться, что куст — всего лишь куст, когда он внезапно одернул ладонь и непонятно почему подул на нее. Немного времени прошло в молчаливом удивлении. Чего он струсил? Что-то *обрезало* его, хотя крови не было... Товарищ Сибиряков институтов не кончал и книг прочитал в жизни мало, а потому его словарный запас отличался ветхой скудостью, и даже для себя самого он не смог объяснить причину испуга. Ну, ладно. Ему только и оставалось, что плюнуть с досады и вернуться в дом, где вздремнуть полчаса для восстановления сил.

Опять он стоит возле земляных лунок, сжимает в мозолистых руках рукоятку лопаты. Мокрый чернозем липнет к лезвию, превращая орудия труда в гигантскую булаву. Ветер свистит над головой и проносит запахи, но мимолетно, и нос не успевает их уловить. Ветер... Он сбивает с ног, конопатит лицо пылью, уводит лопату в сторону. Лезвие вонзается вовсе не в то место, куда нацеливается в начале разбега. Тянет нечто неведомое, неосознанное, тянет с такой силой, что ломается любое сопротивление...

Куст.

Михал Михалыч Сибиряков проснулся от собственного крика, который разлетелся на многие метры во все стороны, а также вверх и... вниз. Никого не оказалось поблизости, кто смог бы разоблачить скрытый ужас в этом сбивающем с ног крике, ведь Сибиряков жил один, и дом его торчал на отшибе, однако... кто знает... Порой мы не видим, что происходит рядом с нами, и чей взгляд изучает нас из скрытого убежища. Что-то стало с глазами Михал Михалыча, и покуда остатки сна туманили его разум, взгляд его отдавал опустошенностью. А чуть позже он увидел родные стены, но только не изнутри, как следовало ожидать, а снаружи. Он не лежал больше на своей старой скрипучей кровати. Он стоял лицом к дому, и в его правой руке, наподобие охотничьего ружья, была зажата лопата.

Подхватив свой инструмент, Михал Михалыч грузно затопал в сторону лунок.

Однако прошел мимо, даже не взглянув на них.

Его глаза, прикрытые мутной истерикой, смотрели на куст.

Не дойдя до растения, Михал Михалыч Сибиряков воткнул лопату в землю и плавно вдавил ногой лезвие целиком.

Стоял воскресный день, и все в деревне были заняты своими делами, а потому никто не приставал к Михал Михалычу с вопросом, чем же он таким занят. А что б он ответил? — вряд ли он сам это знал! Две капельки пустоты стояли в его зрачках, и его движения были движениями машины, не человека. Лопата легко вгрызалась в землю, пока шел слой мягкого

чернозема, и очень редко лезвие скрежетало о встреченный в земле голыш. Вскоре земля кончилась, под ней проходил глиняный пласт, и копать стало значительно сложнее.

Но Михал Михалыч совсем позабыл об усталости: он монотонно продолжал копать, повторяя тот же путь, проложенный «землистыми» чужаками, когда из его дома доносился похожий однообразный стук. Однажды он сильно дернулся, а его нервы, если бы они были подкожными иглами, пронзили бы плоть. Где-то под землей раздавался тихий стон. Он был скорбным и в то же время злым — то был плач погребенного заживо ребенка, который проснулся в душном и темном гробу и понял, что брошен родными на произвол судьбы. Лицо Михал Михалыча покрылось яростной бледностью. Стон повторился, но уже немного левее того места, где усилиями Сибирякова образовалась основательная яма. Последовав за подземным путеводящим голосом, Михал Михалыч продолжил рытье.

Пот застил ему глаза, ноги дрожали от усталости, мышцы ходили валунами. Нажим, поддев, отвал. Нажим, поддев отвал. Михал Михалыч ничего не чувствовал. Тихий стон продолжал звучать в его голове душераздирающей песней смерти. Минул час, потом второй. Лезвие лопаты во что-то уперлось. Что-то жестче, чем глина, но не настолько, чтобы быть камнем или... крышкой гроба. В нужные минуты Михал Михалыч умел призвать аккуратность, что он и сделал сейчас, принявшись осторожно разгребать глину. Еще минута, и он наклонился. Неясный блеск на дне ямы. Сибиряков руками расчистил предмет. Какое-то время разглядывал его, стоя на солнце и слегка наклонив голову, от чего пот со лба стекал по его правой щеке и заливал только один глаз. Потом выбрался из ямы и неторопливо зашагал к дому председателя.

Местных не подпускали. Из Уфы приехала специальная команда для продолжения раскопок, необъяснимо начатых хозяином дома, Михал Михалычем Сибиряковым. Эти, в противоположность некогда снующим здесь «землистым» людям, не отличались партийным молчанием, и за рюмку-другую водочки охотно шли навстречу беседе. Место раскопок обнесли заградительным забором, прилепнув на ворота понятную для каждого табличку «Проход воспрещен». Но какие-то крохи информации все равно просачивались за его пределы каждодневно, ведь никакая строжайшая секретность, помимо положенного забора, на работы не налагалась.

То, что Михал Михалыч, потеряв всякое разумение, обнаружил на дне ямы, оказалось тем, что может вывести любого из задумчивости и заставить кинуться за помощью к товарищам. Белый череп и кучка костей — вот и объяснение странному плачу, тайным образом распознанному Михал Михалычем. Дальнейшие находки подтвердили догадку, что на этом месте, под толщей земли, пряталось непомеченное никакими знаками кладбище. А уж если говорить всю правду: замороженному кустом Михал Михалычу Сибирякову посчастливилось наткнуться невдалеке от выкопанных им лунок на тайное захоронение.

То оказалась свалка, прямо сказать, потому что скелеты валялись как попало: вперемешку кости с остатками былой одежды, наползающие друг

на друга черепа, позвоночники, уложенные штабелями. Налицо свидетельство о страшной трагедии, и не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, какой. Захоронение начиналось как раз с того места, куда впервые воткнул лопату патриот Сибиряков, и тянулось аж до самого куста. Куст решили выкопать; однако когда кто-то попытался это сделать, обнаружилось, что это не так-то просто. Несносный корень уходил в землю, и имел длину большую, чем можно было предположить. Но лишнего времени на раздумья (с чего бы это?) уже не оставалось, а потому куст попросту спилили, хотя, собственно, можно было обойтись и без этого. Именно здесь работы заканчивались. Дальнейшие поиски ни к чему не привели, тем самым был положен конец раскопкам.

Те, кто занимался извлечением скелетов и погрузкой их на грузовики, не могли не заметить одинокого человека, праздно шатающегося вдоль ограждения. Напрасно рабочие насмеялись над его забавным видом и поношенной одеждой. Насмешки прекратились, когда в странном человеке признали зачинателя раскопок. Работая близ собственного дома, меньше всего ожидаешь наткнуться на кладбище, а потому любые смешки по этому поводу — больше чем преступление.

Находка требовала разъяснений, и очень скоро они нашлись. Изучение останков возвратило исследователей к двадцатому году — временам гражданской войны. Трупы, которые с миром покоились под землей в течение тридцати лет, были когда-то теми самыми народоизбранными предводителями, строившими в республике Советскую власть. Захваченные в плен кровожадными белогвардейцами, они были выведены в поле, где и расстреляны без долгих разбирательств. С тем и зарыты, дабы земля хранила чудовищное злодеяние во веки веков.

По большому счету очень тяжело установить по клочкам сгнившей одежды, к какому именно отряду принадлежат убитые, только рассуждения по этому поводу грозили неприятными последствиями. К тому же, ведь «красные командиры» никого не убивали, убивали «белые», «красные» всего лишь строили новый мир.

Поступили предложения воздвигнуть на месте раскопок скромный памятник, отметив братскую могилу. Предложения не нашли должного отклика, к тому же колхоз вдруг заартачился: либо люди знали о давней трагедии и темнили, либо это произошло по каким-то другим причинам. Как бы то ни было, найденные останки погребли на местном кладбище, яму вновь забросали землей и глиной, оградительный забор сняли. Но кому-то, видимо, крепко запала в голову мысль о памятнике. Иначе как еще объяснить, что спиленный недавно куст оказался на прежнем месте и торчал, подобно чучелу, на вершине рыхлого надмогильного холмика.

Возле дома, некогда известного под репутацией Проклятого, стало тихо. Сменившая шум и говор, суету раскопок, тишина казалась еще более безмолвной и давящей, чем была на самом деле. Настоящий хозяин, неприкаянный и немного отрешенный после всего пережитого Михал Михалыч, остался наедине с собой. После того, как последняя машина уехала в сторону города, выпустив на прощание тучу выхлопных газов и увозя с собой

рабочий инвентарь, Михал Михалыч вернулся в дом. Там он сел за стол, налил себе полный стакан водки, выпил, ничем не закусывая. Посидел немного, разглядывая пол подавленным взглядом, в котором не значилось ни одной свежей или разумной мысли. Потом выпил еще. Странные картины теснились в голове Сибирякова. Картины прошлого — войны и сражения, крики раненых и стоны отходящих в мир иной. Там, на поле, где сейчас выращивали пшеницу, и громадные комбайны каждую осень выезжали собирать урожай, — именно там проходили ожесточенные сечи карательных отрядов Екатерины и повстанцев Салавата Юлаева. Жалкая горстка костей, собранная за неделю — лишь малая толика тайн, сокрытых под землей, ожидающих своего часа.

Михал Михалыч Сибиряков вышел из-за стола и отправился туда, где велись раскопки.

Он не очень удивился, увидев куст на прежнем месте. Такие растения не исчезают просто так. Михал Михалыч оглядел куст — держался тот весьма прочно. Рука неуверенно потянулась к стеблям, чтобы прикоснуться к ним и погладить листья, но на полпути одернулась. Куст вновь обрел свои корни, это было несомненным. Постояв немного вблизи, Михал Михалыч опустил на землю, свернулся калачиком и заснул, укрытый неверной тенью властного над временем растения.

С той поры никто из жителей деревни не видел больше Михал Михалыча Сибирякова. Не видел ни живым, ни даже мертвым.

Еще четверть века пронеслась над деревней, люди рождались и умирали, восстановились колхозы, развязалась холодная война с западом, никак не сказывающаяся на местном населении. Росли города, заводы, страна добилась всего, к чему стремилась, и вот уже над миром нависла угроза, источаемая великой державой. И только куст оставался таким, как всегда. Все эти долгие и трудные годы были для него одним мгновением, и, вполне возможно, его мудрые листья не просто дрожали, когда налетал порыв внезапного ветра. То был тихий, неуловимый смех. Смех вечности над человеческой жизнью.

В 1976 году мальчик по имени Кирилка нашел настоящего друга. Его звали Рамиль, жил он за три дома от Кирилки и учился на класс старше. Разница в год была не помехой их мальчишеской дружбе, особенно в это лето — последнее спокойное лето в деревне.

В один из субботних дней, когда звонок в сельской школе уже давно отгремел, а все задания по хозяйству были перенесены на завтра (честно говоря, они и так никогда не кончались, эти задания, чтобы еще отказываться от возможности посвятить денек развлечениям и играм), Кирилка и его товарищ Рамиль отправились к своему заветному местечку. По смешному стечению обстоятельств (хватит зловещих эпитетов, мы же говорим о детях) место, приглянувшееся ребятам, находилось по соседству с пустовавшим домом, последний хозяин которого загадочным образом исчез. Но об этом мальчишкам ничего не было известно, да никто и не помнил уже в деревне человека, имя которого в пятидесятых связывалось людьми исключительно с его находкой.

Сегодня Кирилка и Рамиль строили крепость. Основание ими было заложено еще на прошлой неделе, и теперь, величественные и нерушимые, стены крепости стали расти к небесам. На самом деле, с высоты взгляда взрослого, великую крепость можно было разрушить одним ударом сапога: это были всего лишь камни, натасканные отовсюду и уложенные друг на друга. Но только Кирилке, да и Рамилю тоже, крепость казалась настоящим шедевром, — что еще взять с мальчишек в их-то возрасте.

Второй ряд кладки близился к концу, когда Рамиль наткнулся на камень, едва высовывающийся из земли. Он тут же позвал Кирилку; вдвоем они принялись извлекать камень из его темницы на поверхность, намереваясь привлечь его к остальным, вложенным в стену крепости. Камней поблизости было навалом, но ребятам требовался именно *этот* камень, никакой другой. Провозившись с ним около получаса, загваздавшись в земле по самые уши, друзья пришли к выводу, что без подручных средств им не справиться. Пока удалось отвоевать всего несколько сантиметров, а булыжник по-прежнему сидел крепко, как коренной зуб в десне.

Кирилка сгонял домой. Пришлось стерпеть от матери целый ушат упреков и нравоучений из-за вымазанной одежды и нерадивости, но потом мальчугану удалось тихонько стащить лопату для камня, и он, обрадованный, понесся назад. Там его уже нетерпеливо поджидал Рамиль. Попеременно беря лопату, они вдвоем с новым упорством налегли на камень. Пока один отдыхал, сидя на земле, поджав ноги и шурясь на солнышке, второй орудовал рядом с трофеем, обливаясь потом и сияя блаженной улыбкой.

Следующие полчаса усиленных трудов не дали ребятам никаких результатов. Камень уходил под землю. Даже прыгая на нем, они не замечали ни малейшего движения, которое позволило бы судить о конце работ. Вот уж камень так камень, дивились мальчишки, и упрямство булыжника, не желающего внести лепту в рост крепости, лишь вызывало новый прилив сил.

Неожиданно стало что-то вырисовываться. Первым это заметил Рамиль: он как раз отдыхал, передав лопату другу, и со стороны ему лучше была видна линия камня. Он привскочил на ноги и возбужденно подозвал Кирилку. Вдвоем они уставились на освобожденный от земли кусок камня в суеверном изумлении.

Ребята увидели, что не просто камень, лежащий в земле без дела, они откапывали столько времени. То, что выглядывало на поверхность, очень напоминало чью-то голову, — чью именно, ребята отказывались понимать. Но в одном их мысли совпали: ничего хорошего они уже не видят в этом камне, а то, что находится под землей, на самом деле не должно там быть.

Они посмотрели друг на друга, снова на камень. Развернулись и, подхватив лопату, бросились к дому Кирилки.

Отец Кирилки пришел, посмотрел, точь-в-точь изобразил сына: развернулся и задал деру. Потом пришли еще люди. К вечеру возле камня побывала вся деревня. Председатель колхоза побывал. А когда вернулся, набрал соответствующий номер и передал новость вышестоящим органам.

Группа археологов, приехавшая к месту находки, ничем не напоминала команду шабашников, разрывающую захоронение в конце сороковых. Новоприбывшие отличались сдержанностью и серьезностью. На все вопросы по поводу того, что это может быть, они отвечали односложным пожатием плеч. Осмотрев выступающий камень, археологи как по волшебству переменились. Охваченные необъяснимым возбуждением, они кинулись назад к машине и рванули к ближайшему телефону. Кажется, у них появились какие-то идеи.

Новые работы тоже отличались от тех, что велись четверть века назад. Цивилизация позволила людям обогатиться машинами и техникой для подобных работ, к тому же новое открытие, как выяснилось, требовало чего-то убедительнее лопат. Раскопки развернулись радиусом аж в триста метров. Не обошлось без осложнений: изыскания подвели людей прямо к крайним домам, не говоря уже о доме Бурангулова-Сибирякова. Но если с Проклятым Домом все сразу стало ясно, то в других домах исследователей ожидал холодный прием хозяев, которые и слышать ничего не хотели ни о каких находках и уж тем более о способах, ведущих к их извлечению. Потянулись ожесточенные споры, всего лишь задерживающие продолжение работ, но в конце концов победило наследие. Из столицы пришел указ освободить обжитые строения, чтобы не препятствовать раскопкам, папахивающим самой настоящей сенсацией. Очень много проклятий посыпалось на головы археологом, недобрым словом прошлись и по зачинщику Кирилке. Как бы то ни было, распоряжения на то и даны, чтобы их выполнять, а невыполнение приказа чревато значительными бедами. Только это уже другая история.

В дальнейшем ажиотаж от маячившей на горизонте сенсации сменился молчаливой настороженностью. Дело в том, что прогнозы частично оправдались, а частично нет. Ну, например то, что раскопки обнаруживали какую-то древнюю культуру — в этом сомнений не возникало ни у кого. И очередной снимаемый пласт высвобождал новое подтверждение этому. Однако если судить в целом, открытие более чем настораживало — оно потрясло. Понятно, что работы распространялись с той точки, где мальчик Кирилка с товарищем на пару наткнулись на памятник. Скоро этот памятник выступил из земли: фигура существа, человеческого в котором был лишь облик. Пузатое тело с короткими, толстыми, кривыми ногами и насаженная на него круглая башка. Беспокойство вызывала уже сама голова. Раскосые глаза и надутые щеки, на уши — один намек, о волосах оставалось догадываться. Все, как у человека, если бы не два «но».

Выражение лица. Оно дышало такой жуткой злобой, такой ненавистью, которую трудно встретить в обычной жизни. Даже встреча заклятых врагов не сопровождается похожими гримасами. И еще. В тот день, когда вся фигура целиком оказалась вызволенной из земного заточения, перед изумленными археологами предстало изваяние высотой в шесть с лишним метров, высеченное из куска цельного камня.

Работы постепенно продолжались. Спешить было некуда. Еще один каменный тип обнаружился метрах в ста пятидесяти от первого. В точности

такое же существо, совершенная копия первого. Та же личина ненависти на лице, та же грубая, нескладная фигура. По наитию родилась гипотеза, что непременно должна быть, по меньшей мере, еще одна фигура. Вероятно, каменные изваяния будут тянуться цепочкой, как истуканы на острове Пасхи (уже само это открытие обещало переворот в истории Уральского края). Однако последующие находки потрясли даже самых отъявленных «расхитителей могил», как злые языки называли адептов археологии.

Третий истукан действительно существовал. Пузатый человечище, высеченный из скальной породы. Правда, пришлось потрудиться, чтобы его найти, так как предположительное место далеко не совпало с реальным. Идол находился совсем в другой стороне, за Проклятым домом. Таким образом, три исполинские фигуры отмечали собой вершины равностороннего треугольника, и оставалось лишь восхищаться точностью их расположения. Уже по ходу работ было установлено, что идолы относятся к 9-10 векам нашей эры — той самой исторической вехе, когда Уральский край только-только начинал наводняться кочевыми племенами, впоследствии и составившими башкирскую народность. Оставался неразрешимый вопрос: как люди, ничего не знающие об элементах геометрии, смогли с таким совершенством расставить истуканов? Как их вообще можно было *расставить*? Культуру первых поселенцев не назовешь высокоразвитой, а чтобы отразить огонь эмоций на лице, требовалось недюжинное умение, помимо непосильного труда. Одно открытие противоречило другому. Но настоящее потрясение оставалось по-прежнему впереди.

По вершинам треугольника, обозначенным истуканами, смогли высчитать его точный центр. Куда же он пришелся? Да-да! Именно на то место, где давным-давно Бурангулов Минигали Хабибулович отстроил дом и где немногим позже порубил на кусочки всю свою семью. Понятно, что с домом не стали церемониться. Так кусту выпало быть свидетелем еще одному концу: теперь отходы бревенчатых стен использовались в качестве вспомогательных средств.

Когда надежда на то, что под фундаментом дома удастся что-либо обнаружить, почти исчезла, — вгрызание в толщу земли тянулось впустую, — люди наткнулись еще на что-то. Находкой оказалась плита прямоугольной формы около двадцати пяти метров длины и пятнадцати метров ширины. Как и истуканы, плита была цельным куском камня и имела на первый взгляд бесполезное значение: вся ее поверхность была ровной и голой, без надписей, знаков или рисунков. Однако странное совпадение — плита и середина треугольника, — побуждало к новым поискам. Очень скоро археологи получили подтверждение, что не зря они с такой настойчивостью возились у плиты. Плита эта оказалась не совсем плитой, в прямом смысле этого слова, а крышей помещения. Судя по уровню расположения истуканов, помещение было подземным, и поначалу загвоздка заключалась в том, что оставалось непонятным, как в это помещение получали доступ. После некоторых поисков обнаружился лаз, сбоку коробки из каменных плит. Первым внутрь проник помощник начальника археологической группы, товарищ Исаев, Владимир Владимирович. Остальные теснились позади, взволнованно заглядывая внутрь. Товарищ Исаев почему-то не предпри-

нимал попыток сдвинуться с места: он как застыл в дверях, так и стоял. Посыпались вопросы «что там?», «что видно?», «почему не входим?» и прочие. Владимир Владимирович шевельнулся, но как-то конвульсивно. И когда он выбрался на свежий воздух, людям удалось разглядеть его посеревшее лицо. Товарищ Исаев молча отошел от каменной темницы, уселся на бревно и свесил голову. Удивляясь необычному поведению сотрудника, люди по одному вошли в помещение, где их подстерегало то, что за минуту до них увидел Владимир Владимирович.

Зрелище, представшее перед участниками раскопок, могло по праву считаться самым жутким и пугающим, когда-либо встреченным людьми их профессии. Последние сомнения исчезли, как только с помощью фонарей удалось полностью осмотреть замкнутое пространство: комната предназначалась для пыток. Ну, а точнее — жертвоприношений.

Но каких! Положение скелетов свидетельствовало, что люди подвергались здесь жесточайшим истязаниям, способным посрамить саму Святую Инквизицию. Их было не очень много, скелетов, — гораздо меньше, чем даже в тайной могиле, на которую наткнулся Сибиряков, выкапывая ямы для забора. Но и этого оказалось бы достаточно, чтобы составлять летопись человеческих мук и стенаний. Не нашлось ни одного целого скелета. Все они были выкручены, словно над ними поработал разъяренный великан. И здесь, внутри, люди столкнулись с еще одной загадкой. Для того чтобы вот так покалечить жертвы, требовались хотя бы простейшие орудия пыток. Но ничего такого внутри не оказалось. Появлялась мысль, что те, кто находился внутри, сами истребили друг друга голыми руками. Либо... Но эта гипотеза была еще фантастичней.

Каменные шестиметровые идолы, темница мучеников, равносторонний треугольник — все это требовало научного подхода, причем без лишних промедлений. Появилась ориентировочная версия. Не секрет, что древние народы башкир славились тотемистическими культами. То были и род Медведя, и Волка, и Змеи, и Журавля, и других видов животных, каждый из которых одушевлял исток появления на свет того или иного племени. Ко всему прочему в преданиях сохранились легенды о племени шайтанов, полулюдей-полудемонов. И поскольку каменные изваяния ни под каким видом не подходили под тотемы, их отнесли к шайтанам. Тем более, что своим видом они оправдывали заключение. Шайтанскими нравами объяснилась и камера пыток, хотя по-прежнему оставался вопрос, каким же образом людей лишали в ней жизни.

Изучение человеческих останков подвело к неутешительному выводу: ни физическое, ни с помощью каких-либо приспособлений, насилие над ними не совершалось. И объяснение, так и не слетевшее с губ самых творческих людей в первые дни после проникновения в темницу, теперь звучало на устах всех.

Шайтан — иначе демон. Злой дух, жаждущий помимо панегириков исключительно крови. Судя по всему, в этой подземной, сырой комнатке и обитало нечто, могущественное и неподвластное, не имеющее

тела, но обладающее достаточной властью, чтобы поработить средневековых поселенцев. Время от времени в племени проводился обряд выбора жертв, которых и отправляли на заклание к шайтану. Гипотеза, несмотря на неправдоподобность, закрывала все бреши в загадке раскопок, однако официального подтверждения не снискала. Если и существовала в темнице неизвестная сила, то где доказательства? Перекрученные скелеты — это еще не аргумент. Потому предпочтение отдали первоначальной, более земной версии о доме пыток. А молчаливые каменюки — остратка для наиболее любопытных.

На этом, однако, изучение странного открытия не завершилось. Строго говоря, оно только началось. Ведь каждая новая находка являлась одновременно новым противоречием во всем этом сонмище загадок. Невдалеке от ритуального треугольника раскопали стоянку первых башкир. Остатки юрт располагались по кругу диаметром несколько десятков метров. Сосуществование каменных изваяний и незатейливых построек вылилось в еще один парадокс. Люди, мастерицы себе жилища из кошмы и шкур диких зверей, одновременно умудряются проделать циклопическую работу по установке каменных гигантов. Вынужденный, более детальный анализ показал, что первоначальный вывод был ошибочным. Каменные изваяния следовало относить не к 10-му, а к 3-му веку нашей эры. Почти сразу же стали проводиться аналогии с египетскими пирамидами, повидавшими за время своего существования не одну культуру. Гигантские статуи могли принадлежать более древней, более развитой цивилизации, исчезнувшей к тому времени, как сюда с юга перекочевали племена башкир. Быть может, местность отвечала всем требованиям людей. Или же загадочный треугольник каким-то образом овладел племенем. Сейчас уже невозможно было узнать. Могучие воины вполне могли быть стражами, стерегущими злую сущность в ее каменном заточении. Не исключено, что древние башкиры по незнанию освободили шайтана... В общем, гипотез хоть отбавляй.

Один момент поганил всю картину. Физиономии каменных истуканов имели все характерные черты башкирской народности. Спрашивается, откуда здесь взялись башкирам в 3 веке нашей эры, когда заселение осуществлялось лишь на стыке тысячелетий?

Два года подряд над деревней гудела сенсация. Со всех концов страны налетел ученый свет, везде сующий ученые носы, делающий какие-то пометки в блокнотах и благополучно отчаливающий восвояси. Раскопки посетили три иностранные делегации, непрерывно лопочущие на своем языке и для чего-то часто скрепляющие руки в знаке дружбы народов. Из Москвы приехала знаменитый археолог, доктор исторических наук, товарищ Селезнева Надежда Ивановна. Жителям многострадальной деревеньки пришлось выделить товарищу Селезневой целый дом в личное пользование. Похоже было, что осесть на месте находки она намеревалась надолго.

Вообще, такое соседство местного населения и археологической группы вызывало массу нареканий на головы последним. Какому сельскому труженнику понравится постоянная возня под боком далеких от деревенского быта людей? Коренные жители по понятным причинам опасались за свое

имущество: сейчас почти каждый ощущал птичьи права на свой дом и огород. Случись очередному выскочке наткнуться на какое-нибудь подозрительное рванье, намекающее на продолжение раскопок, и еще часть домов беспощадно пойдет под снос. В таком напряжении работа не ладилась, и колхоз стал сдавать позиции. Но люди не могли не признать свою полную беспомощность. Поневоле им приходилось мириться с новым укладом жизни.

Местоположение вымершей цивилизации не задевало тот маленький пригорок, на котором рос куст. Благодаря земляным работам пригорок тот перевоплотился в настоящий холм, и куст увенчивал его, торча на самой макушке. Никто не обратил внимания на угловое растение, у людей и без того хватало забот, и куст молча взирал с высоты на копошащихся внизу людшек, полагающих, что ничего более загадочного им в жизни не встретить.

К концу 79-го волнение улеглось. Дальнейшие разработки не принесли ничего нового, — слава Богу, работы хватало и без дополнительных открытий. Все так же зависшим оставался вопрос происхождения каменных истуканов. По-прежнему вызывало недоумение соседство двух культур. Не говоря уже о загадке каменной темницы — вот уж поистине «очевидное и невероятное»! Бум минул. Археологическая жара спала: каждый сделал свои выводы и вернулся к прежней жизни. Работать стало куда спокойнее, теперь можно было не переживать по поводу очередной делегации из какого-нибудь Амстердама. Первоначальная группа археологов сократилась вдвое. Многие посчитали, что основная работа выполнена, необходимый материал подобран, — впереди ждали новые открытия, ведь не сошелся же свет клином на этом клочке Башкирской республики.

Не сошелся...

На месте раскопок оставались те, кто не отчаялся найти разгадку всем тайнам, вызванным из подземного мира. Среди них была и товарищ Селезнева, продолжавшая кропотливое изучение каменных останков древней культуры. А так же несколько археологов под начальством товарища Исаева, оставшегося здесь за старшего. Применительно к тов. Исаеву казалось неясным, что же его больше радовало: археологические новинки или положение начальника. Раз или два в неделю Владимир Владимирович появлялся в деревне на своем личном автомобиле, щеголевато фырча мотором и раздувшейся грудью выпирая из стекол. С этим автомобилем связана следующая страничка истории башкирского уголка.

Небольшой участок дороги, по которой проезжался товарищ Исаев, выделялся неровностью. Неровность перешла в настоящую катастрофу после недели проливных дождей. Размытая земля обнажила осколки острых камней, торчащих словно зубы дракона. Терпение товарища Исаева лопнуло, когда один из наиболее здоровенных камней, провороненный им в бешеной тряске, угодил под правое колесо автомашины. Владимир Владимирович подпрыгнул, ударился головой о крышу, остановил машину и смекнул, что дальше так продолжаться не может.

Договориться с сельчанами удалось только после того, как товарищ Исаев посулил им денежное вознаграждение. Велеречивые воззвания к совести и патриотизму не нашли понимания (*пусть скажет спасибо, что еще не огрели лопатой!*). Помочь археологам вызвалось несколько человек. Всё одно! — окаянных ученых уже не отвадить. Приняв для порядку по сто грамм водки, новоиспеченные помощники хором взялись за дело. Четыре часа с гаком сельчане устранили засевшие у тов. Исаева в печенках булыжники, кантуя наиболее громоздкие в сторонку и ровняя ямы земель. В результате все камни оказались за пределами дороги, кроме одного. Этот вышел позаковыристее остальных — сидел в земле прочняком и не поддавался ни на какие ухищрения. К тому же он еще вздумал расширяться книзу, словно издеваясь над поддатыми «саперами». Какой-то остряк выдал шутку, что вот, мол, угораздило, еще на одно захоронение наткнулись. К тому времени привычное «сто» в граммах переросло едва ли не в «тысячу», и потому шутка была встречена общим смехом, сквозь который распознавалась легкая горечь о своей судьбине. Товарищ Исаев, крутившийся поблизости, поинтересовался, над чем смех. Услышав предположение, Владимир Владимирович мельком оглядел камень, презрительно фыркнул и отошел в сторону.

Камень нудно уползал под землю. Истуканом он быть не мог — положение не соответствовало, и уровень земли, а еще — верхняя часть ничуть не напоминала форму головы. Грубый булыжник вдруг сменил направление правой кромки, оборвавшей расширение и свернувшей влево. От веселья не осталось и тени. Проще было закопать торчащий конец, чем корчевать эту глыбу, которая могла оказаться подземной горой. Наверное, этим бы все и закончилось, если бы рядом с камнем не появилась товарищ Селезнева, Надежда Ивановна.

Средних лет женщина долго разглядывала непонятную загогулину, вокруг которой кипела работа, и взгляд ее почему-то мрачнел с каждой секундой. Потом она тихо ретировалась и поманила к себе Владимира Владимировича Исаева. Между двумя учеными состоялся короткий разговор, во время которого Селезнева сохраняла все ту же мрачную серьезность, а товарищ Исаев краснел и бледнел, как двоечник на родительском собрании.

Надежда Ивановна сказала все, что должна была сказать, после чего развернулась и двинулась в сторону дома, в котором временно проживала и где у нее имелся телефон. Товарищ Исаев подскочил к рабочим и затараторил им что-то о взрывчатке, которую ему якобы должны скоро подвезти, тогда он взорвет эту глыбу, так что копать дальше не нужно, всем спасибо, получите причитающиеся. Речь Исаева была далека от собранности, еще дальше от логичности, и еще дальше от здравого смысла. Но люди, после стольких трудов, поняли не более того, что дальше можно уже не копать. Отделавшись от местных жителей, товарищ Исаев со всех ног бросился вслед за Селезневой.

Он подоспел к ее дому, когда она уже заканчивала телефонный разговор. Сейчас Надежда Ивановна повторяла то, что двадцатью минутами раньше говорила Исаеву, только в более краткой форме. Она передала, что ей уда-

лось обнаружить. Именно то, чему не придавал значения Владимир Владимирович, мнящий себя исследователем мирового класса.

На бесформенной с виду глыбе неясно прослеживались следы ручной обработки.

Новое открытие ожидала ледяная встреча. История вновь повторялась: как люди оценили появление «землистых» типов в Проклятом Доме, точно так же археологи отнеслись к новому известию. С большой долей подозрительности и недоверия. Мнение товарища Селезневой выглядело абсурдным и многократно подвергалось сомнениям (сомнениям пытались подвергнуть и вменяемость гражданки Селезневой). По этому вопросу был созван консилиум ученых, проходящий в Москве, куда Надежда Ивановна приехала с кучей снимков и неопровержимыми доказательствами. В то же время, пока бюрократы рядили, стоит ли давать ход новым раскопкам (не легче ли просто закрыть на это глаза?), амбициозный товарищ Исаев с горсткой злоумышленников задумал аферу. Стоило лишь Надежде Ивановне выехать в Москву, как товарищ Исаев, хорошо знакомый с бюрократическими закорючками, самовольно приступил к раскопкам. Используя для этого самые примитивные орудия труда.

Что если попытка Селезневой завершится провалом? Где-нибудь в Америке такое выглядело бы возмутительным и невероятным, но не в СССР. Тогда на руках у Исаева окажутся единственные исчерпывающие факты, ведь чем глубже продвигался Владимир Владимирович в своей работе, тем более обретал уверенность, что Селезнева все-таки права. Только у Надежды Ивановны и без того куча заслуг. А доблестный тов. Исаев до сих пор ходит в помощниках. Судьба дала ему реальный шанс подняться, и, черт возьми, это его автомобиль врезался в камень, не Селезневой. Как он только мог прошляпить находку! Владимир Владимирович клял себя на чем свет стоит, и одно лишь это ожесточало и ускоряло его раскопки.

Работы велись тайно, а потому товарищу Исаеву не было времени задуматься над тем, что он, собственно, откапывает. Десяток метров уже высвободился из земли, а каменная глыба уходила все дальше, точно рождена была самым центром планеты. Меняя углы наклона, странное сооружение, тем не менее, продолжало неукоснительно расширяться, и вот оно уже занимает площадь более тридцати квадратных метров, а работе пока не видно ни конца, ни края. Изъеденный эрозией камень лишь в некоторых местах оставлял смутное ощущение человеческой руки. Вскоре оказалось, что, в отличие от идолов, находка состоит из многих глыб, подогнанных друг к другу так, что трудно разглядеть даже стыки. Вновь на ум пришли египетские пирамиды, однако никакой точности и графики здесь в помине не было. Торчащий из земли кусок каменной постройки казался невообразимым.

Тем временем, как и уповал Владимир Владимирович, Селезневой выпало столкнуться в Москве с административным восторгом. Консилиум результатов не дал. Доводы Селезневой признали туманными и безосновательными. Требовалось более веское подтверждение тому, что под обнару-

женными идолами и сакраментальным треугольником лежит древнейший пласт цивилизации. Надежда Ивановна носилась по инстанциям, не подзревая о том, что коварный Исаев хочет отобрать у нее приоритет в открытии. Но, определенно, Бог всегда помогает людям, положившим жизнь любимому делу. И не нашла бы Селезнева желаемого отклика на свои наблюдения, если бы ее открытием вдруг не заинтересовалось другое ведомство.

Как-то раз, когда Владимир Владимирович Исаев уже вдыхал запах лавров, заведомо поставив на Селезневой крест, у места раскопок появились новые люди. Не было ничего в их внешности от исследователей или ученых. Но если бы кому-то потребовался стандартный образ военного, эти люди подошли бы к нему точнее некуда. Товарищ Исаев пикнуть не успел, как оказался брошенным в автофургон вместе со своими поделщиками, и о его дальнейшей судьбе уже ничего не известно.

Прибывшие люди внимательно осмотрели каменную находку. Там же, на месте, и было принято окончательное решение.

Теперь проблем с сельчанами не возникало. Как и незадачливый Исаев, они не успели даже рта раскрыть. Потребовалось три дня, чтобы выселить из деревни всех жителей — без объяснений, без оправданий, без обязательств и заверений. Люди, избежавшие злой участи после страшных политических событий в Проклятом доме, оказались бессильными перед древними тайнами. Так куст пережил еще один конец. С этого дня о башкирской деревне можно было уже не вспоминать.

Всю местность радиусом в два километра обнесли высоченным забором с колючей проволокой. Шутки кончились, раз уж за дело взялось военное ведомство. Малейшие распространения о находке быстро пресекли, раскопки объявили закрытыми и на всю информацию об этом наложили гриф строгой секретности. Без специального пропуска на территорию раскопок невозможно было пробраться. Исключение составил один человек. Надежду Ивановну Селезневу пригласили присутствовать при дальнейших работах в качестве научного консультанта.

Около двух с половиной месяцев на месте бывшей деревни кипела работа. Современная техника и безраздельные права позволяли военным избегать проволочек, подобных тем, с которыми не так давно столкнулась Селезнева. Для примера можно заметить, что с каменными истуканами и подземной комнатой жертвоприношений обошлись самым безжалостным образом: никакие доводы Надежды Ивановны не повлияли на решение начальства снести идолов. Робкие попытки Селезневой уговорить военных хотя бы переправить находку в музей натолкнулись на стену отчуждения. Раскопки ведутся в строгой секретности, о каком музее может идти речь. Так отсутствие гласности в семидесятых в кратчайшие сроки сделало то, что оказалось не под силу векам. Идолы были снесены, раздроблены на мелкие куски и закопаны в поле. Трудно судить, к лучшему или худшему, памятуя о фантастических гипотезах в применении к каменным стражам.

По мере того, как продвигалась работа, у товарища Селезневой пропадало желание плакать по утерянным археологическим сокровищам. Новая

находка поглотила ее всецело. Теперь значительный треугольник шайтанов выглядел чем-то мизерным, жалким и поверхностным. То, что обнаружилось ниже, потрясало всякое воображение.

Глыба, зацепившая колесо исчезнувшего с лица земли товарища Исаева, оказалась верхушкой гигантской пирамиды, восьмидесяти метров в высоту. Можно представить, сколько земли пришлось вывезти за пределы секретной территории. Однако сам термин «пирамида» был всего-навсего ориентировочным — нечто привычное, чем люди именуют похожие предметы. Если взять за эталон пирамиду Хеопса, здешняя «пирамида» выглядела как размытая карикатура на нее. Представления о стройности форм у древней культуры настолько отличались от современных, что невольно наводили на мысль об инопланетной цивилизации. Прямоугольники, треугольники, квадраты — все это начисто отсутствовало. Не нашлось ни одного камня, вытесанного по примеру нашего кирпича. Это было нагромождение, похожее на те замки, что строят дети из мокрого песка на пляже. Форма камней постоянно менялась, причем версия о землетрясении отпадала. Слишком уж тщательно камни были подогнаны, чтобы предполагать катастрофу, изуродовавшую некогда четкое строение.

Гротескной формой и неповторимыми очертаниями «пирамида» притягивала к себе взгляды. Рядом с ней понятия о долге, чести, справедливости становились ненужными; хотелось часами стоять вдалеке, погружаясь в загадку древности, дошедшую до наших времен. Товарищ Селезнева хорошо понимала, какой уникальнейший шанс ей выпал: как ни печально, но результаты раскопок вряд ли когда-нибудь дойдут до широких масс.

А любопытно было бы увидеть всех этих людей, некогда живущих здесь, если бы они узнали, на чем стояла их деревня эти годы!

Цель и предназначение «пирамиды» оставались за гранью понимания. Одно было ясно: древнейшее сооружение использовалось для общения с субстанциями или силами, неподвластными человеку. По-видимому, именно это сыграло решающую роль в том, что на месте раскопок оказались военные. Возникал вопрос (хотя кроме Селезневой над ним некому было задуматься), откуда военное ведомство узнало, что именно вылезет на свет из-под земли. Гигантская, преломляющаяся со всех сторон «пирамида» не имела даже намека на вход, либо лаз, либо что-то подобное. Даже если предки — современники постройки — и отличались абстрактным образом мыслей, все равно, надо полагать, они имели какие-то осязаемые тела. Вряд ли камни сюда натаскали духи прошлого. А потому казалось логичным, что проем в «пирамиде» должен присутствовать. Исследование приборами выявило внутри «пирамиды» пустоты.

Надежда Ивановна Селезнева не торопилась с выводами насчет возраста каменного сооружения. На этот раз ее изучение было более детальным, невзирая на все понукания военных начальников. В конце концов, ею был установлен официальный возраст «пирамиды» — 70 тысяч лет.

В 83-м году, после трех лет работ, Надеждой Ивановной Селезневой был впервые обнаружен куст.

В последние месяцы ведущему археологу страны успел надоесть постоянный отрыв от мира, затворничество в исследовательской лаборатории, что была возведена военными в считанные недели на месте обнаружения памятника, а также общение исключительно с вымуштрованными, немногословными людьми. И с каждым днем Надежду Ивановну все сильнее и сильнее тянуло на свежий воздух, подальше от личной комнатки, подальше от лаборатории, подальше от всего. Частенько женщину замечали бесцельно бродящей по плато, на котором стояла загадочная «пирамида». Поначалу это вызывало недовольство руководителей, но поскольку на основной работе Селезневой ее прогулки не отражались, вменить в вину ей было нечего.

В один из таких дней ноги подвели Надежду Ивановну прямо к западному краю раскопок. Восточная сторона плато была тщательно расчищена: там располагался выезд из зоны. Западная же оконечность, смежная с простирющимся дальше полем, оставалась кое-как. Не исключено, что там, в поле, могли оказаться новые открытия, но пока, разумеется, было не до них. Достигнув конца площадки, путь круто уходил вверх, изобилуя уступами и валунами. Прыгая с кочки на кочку и рискуя оставить лабораторию без археолога-консультанта (кем Селезнева и являлась), Надежда Ивановна устремилась вверх, чтобы оттуда еще раз обозреть «пирамиду» как единое образование.

Она почти уже выбралась из громадной котловины, на дне которой торчало древнее сооружение, когда ее путь внезапно оборвался. Впереди возвышалась отвесная стена сухой, слоистой глины, высотой около трех метров. Селезневой была хорошо известна сыпучая порода глины, чтобы рисковать забираться дальше. Женщина задрала голову, и ее взгляд наткнулся на куст.

Бледно-зеленоватое растение ехидно поглядывало на нее с высоты трех метров, как бы подначивая человека попытаться влезть на стену. Нигде наверху, куда хватало взгляда, не замечалось другой растительности. Быть может, именно это в первую секунду привлекло внимание Селезневой. Вмиг ее воля была парализована, и теперь Надежда Ивановна уже просто не могла оторваться от куста.

Повидавшая на своем веку великое множество древних находок, Надежда Ивановна, запрокинув голову, благоговейно смотрела на куст расширенными от изумления глазами. Бесчисленные загадки этого уникального места вдруг померкли и сделались незатейливыми. Обладая воображением, Селезнева осознала всю тщетность попыток установить здесь истину. Формы куста менялись на ее глазах. И каким-то непостижимым образом растение вдруг стало передавать ей информацию.

Прошло очень много времени, прежде чем ей удалось прийти в себя. В тот же миг она заметила еще кое-что. На земляном срезе, образующем неприступную стену, отчетливой прожилкой выделялся извилистый корень куста. Слово было нанесено черной краской.

Он был абсолютно черным, но не это заставило Надежду Ивановну затрепетать от ужаса. У корня не существовало конца. Гладкий, напоминающий перегнутый в нескольких местах резиновый шланг, корень проходил

через всю стену и исчезал ниже того уступа, на котором стояла Селезнева. И пусть пожилой археолог не была сведуща в натуралистике, ей не составило труда догадаться, что такого корня не может существовать в природе.

Взбудораженная и потрясенная, испытывая бурю противоречащих чувств, она приблизилась к отвесной стене и положила ладонь на корень. Она испуганно одернула руку, почувствовав прикосновение чужеродной, странного свойства материи. Однако вновь повторила попытку, и теперь куст принял ее пожатие с благосклонностью.

Время замерло вокруг и внутри нее. Гудение машин внизу резко отдалилось, стало еле разборчивым, как жужжание мухи в соседней комнате. Чувство, охватившее Надежду Ивановну, не поддавалось описанию. То было состояние полнейшей отрешенности от мира, все мечты, все виды на будущее, все стремления предстали чем-то ничего не значащим, пустым и меланхоличным. А потом раздалось пение. В самом центре мозга Надежды Ивановны Селезневой. Оно завораживало, навевало покой и блаженство, — пение, слушая которое, прощаешься с жизнью.

Что ж, возраст культового сооружения удалось определить. Теперь дело оставалось за тем, чтобы докопаться до его назначения. Предложенный был способ «взять» загадку взрывчаткой нашли неподходящим. Кто мог поручиться, что внутри «пирамиды» не скрыто мощнейшее оружие, способное прийти от взрыва в действие и прокатить уничтожающую волну по всей планете? Было найдено более изящное решение — ручное. Выбрав точку, наиболее приближенную к внутренней полости, военные эксперты принялись за дело, продалбливая проход сквозь камни.

В то же время на место раскопок прибыл новый человек. Засекреченный сотрудник КГБ, психолог и экстрасенс высокого класса, товарищ Тамара. Комитет Безопасности привлекал Тамару лишь в особо запутанных ситуациях. Сейчас в ее задачу входило попытаться понять, что же все-таки таит древний памятник за своими гротескными формами.

Начальник секретной зоны и его заместитель, сопровождавшие женщину, мрачно наблюдали за ее действиями, которые состояли единственно из блужданий вокруг «пирамиды» и пассов руками в воздухе. Около часа им пришлось всюду следовать за Тамарой, пока экстрасенс вторглась в энергетику древней культуры. После продолжительного изучения местности товарищ Тамара сказала всего лишь одну фразу. И ожидая от нее всего, что угодно, двое военных оказались напрочь не готовы к услышанному, и неосознанно ощутили мимолетный укол страха в самое сердце.

— Там внизу есть что-то еще.

В 1991 году на место древнейшей находки, огороженной военным ведомством, из Москвы прилетел глава секретного военного отдела, генерал-полковник Сытин Сергей Романович, имеющий партийное прозвище ССР. Одновременно с ним из Уфы выехал известный ученый-этнограф, товарищ Прокопенко Василий Дмитриевич. Встреча двух влиятельных людей состоялась на территории секретной зоны по заранее условленной договоренности.

— Все бесполезно, — делился Сергей Романович новостями, прихлебывая кофе из фарфоровой чашки. Они расположились в кабинете начальника зоны, устроившись друг напротив друга. — Обнаружить ничего не удалось. Месяцы жутких перегрузок — все псу под хвост. Ребята до сих пор бьются над загадкой, обнюхивают каждый сантиметр. Ничего.

— И все-таки полость есть, — негромко проговорил Василий Дмитриевич Прокопенко.

— Есть! Есть, но толку с нее...

— По-видимому, наш разум еще не настолько развит, чтобы постигнуть предназначение комнаты в «пирамиде».

— Если она есть. Пока мы имеем одно пустое помещение непонятной формы. Никаких предметов, никаких рычагов или второстепенных каналов.

Они немного помолчали; каждый задумчиво прихлебывал свой кофе. Потом Прокопенко задал вопрос, ради которого, собственно, и приехал на эту встречу.

— Что вы решили? Словам вашего человека, судя по всему, нет смысла не верить. Да и выглядит это логичным: сначала истуканы, потом «пирамида», теперь вот что-то новое.

Сергей Романович поморщился.

— Порадовать вас нечем. Вопрос пока все еще на рассмотрении, но, судя по всему, будем копать дальше.

Прокопенко вздохнул.

— Я так и думал...

— А чего вы ожидали? — удивился Сытин. — И мне непонятен ваш протест. Ведь там, внизу, мы можем найти настоящее объяснение всем здешним открытиям.

— Может, и так. Но вы не задумывались, как это отразится на населении республики?

— То есть? — Сытин нахмурился.

— Я полагаю, новое открытие будет гораздо масштабнее предыдущих. Но что это может быть, вот в чем вся беда. Вспомните деревню, что стояла с начала века на этом месте. Где она теперь? Ее нет ни на одной современной карте. А подумайте, что произойдет, если мы начнем копать и выкопаем нечто вроде инопланетного аэродрома? Или еще что-то более чудовищное? Что станет с людьми, что станет с республикой?

— Республикой... — произнес Сытин с неприязнью. — Слишком уж громкое слово для Башкирии. Что они вообще за нация? Откуда они взялись? И чем живут? У них есть культура, они имеют такую сильную религию. И, тем не менее, тяготеют к русским обычаям, к русской традиции, к русским именам, в конце концов! Где их самобытность?

— Стоит учитывать историческую общность, — возразил Прокопенко. — Еще во времена царизма башкиры подвергались ожесточенной русификации. А смешанные браки? А малочисленность коренного населения? Наоборот, беря в расчет все эти факторы, стоит лишь восхищаться их упорством в борьбе за независимость, за возрождение культуры. Башкирия — центр мира! Неужели вы не задумывались, почему именно здесь мы столкнулись с такой великой загадкой, охватывающей едва ли не все время

существование Земли? Возраст «пирамиды» 70 тысяч лет. На восточном склоне уральских гор есть стоянка Мысовая, которая заселялась первобытными людьми четыре раза. И второй период заселения — около 50 тысяч лет назад! Первобытные люди и эта уникальная «пирамида»! И все здесь, на башкирской земле! Задумайтесь о последствиях новых раскопок. Даже не говоря о башкирах — как это может отразиться на всей стране? Сейчас время перемен, страна обретает надежду. Не получится ли так, что это открытие ввергнет СССР в хаос?

— Я не знаю, — нахмурившись, ответил Сергей Романович. — Я даже не уверен, что знаю, что именно сейчас творится в стране.

Теперь молчание тянулось много дольше. Кофе кончилось, перед двумя людьми стояли пустые чашки. В кабинете было тихо.

Внезапно Прокопенко спросил:

— А как Надя?

Сергей Романович быстро взглянул на него и сразу же опустил взгляд.

— Приятного мало. В больнице ей обеспечен хороший уход. Это специальная клиника, там современное оборудование и первоклассные врачи. Но боюсь, что ей уже не выбраться из ее состояния. — Он помолчал и добавил, уже словно для себя: — Она точно спит с открытыми глазами.

— Первая жертва «пирамиды», — обронил Прокопенко. — Что дальше?

Сергей Романович Сытин долго разглядывал собеседника. Казалось, он хочет что-то ему сообщить, но никак не может решиться на это. Однако Прокопенко приехал сюда не для того, чтобы читать нотации. Он искренне желал помочь, и потому Сытин принял решение.

— Это не «пирамида».

— Что?

— Сумасшествие Селезневой вызвано не «пирамидой». Пойдемте со мной, я вам кое-что покажу.

Они вышли из комнаты, прошли мимо двух сержантов, безмолвно стоящих у входа, и выбрались из исследовательской лаборатории на свежий воздух. Уже стоял поздний вечер, и силуэт невообразимой «пирамиды» выделялся на фоне неба зловещим предупреждением. Пешком они пересекли всю площадку и вышли к западному краю. Дальнейший путь лежал наверх — по кочкам и валунам. Осторожно пробираясь в сумерках, Сытин и Прокопенко забрались по уступам и остановились у глухой стены из глины.

— Вот. — Сергей Романович кивнул наверх. Прокопенко проследил за его кивком, но ничего не увидел в темноте. Лишь ночное небо да какой то кусок, выступающий над обрывом.

— Что там? — растерянно спросил он.

— Куст.

— Куст?

— Именно. Куст. Здесь мы ее нашли. Надежда Ивановна сошла с ума не в «пирамиде». Она лежала на этом месте, где мы сейчас стоим.

— Но что же произошло?

— Я не знаю, — печально сказал Сытин. — Она нашла этот куст, когда гуляла одна. После этого она каждый день приходила сюда и проводила здесь часы.

Никто ничего не подозревал: все думали, она просто ищет свободы. Думали, ей надоело сидеть взаперти в лаборатории. А потом было уже поздно.

— Что же такого особенного здесь?

— Ничего, — пожал плечами Сытин. — Абсолютно. Есть куст — вот он, выше нас, на самом краю. Есть корень этого куста, и никто не знает, какой он длины. Он просто уходит под землю и нигде не кончается. Толстый шлангообразный корень. Пытались исследовать его приборами — они ничего не показали. Пытались перерубить корень — к утру разрыв исчезал, словно его и не было. Вот и все. Просто куст. Рядом с которым женщина-археолог просто ушла из жизни, хотя продолжает существовать.

Через какое-то время Прокопенко сказал:

— Я слышал о таких вещах. Легендах. Древнегреческие мифы рассказывают, что где-то существуют ворота. Ворота в царство мертвых. Это иносказание, но оно встречается слишком часто, чтобы не вызвать подозрений. Вероятно, древние люди что-то знали о связи. Связи верхнего мира с миром подземным. С адом.

— И что же получается? Это растение и есть связь? Выходит, его корни опускаются в самую преисподнюю?

Василий Дмитриевич только пожал плечами. Они стояли, задрав головы, пытаясь в темноте рассмотреть куст.

— Я сам что-то чувствую рядом с ним, — сказал Сытин, и его голос вышел каким-то жалким, как у ребенка. — Меня мучают предчувствия. Не могу сказать, хорошие или плохие, сам не пойму. Должно что-то произойти. Что-то грандиозное. Я согласен с вами: мы не знаем о том, что откроется нам под землей. Но мое беспокойство связано не с этим.

— Куст? — тихо спросил Прокопенко.

— Куст, — согласно кивнул Сытин.

Василий Прокопенко проснулся посреди ночи. Разбудил его собственный сон. Точнее, не совсем сон, а сон-воспоминание. В этом странном сне он вновь был молодым, и вновь знакомился с Надей на очередном симпозиуме. И все было просто замечательно, прекрасно и волшебно. Они встречались каждый день, когда могли, а стоило работе разбросать их в разные концы мира, то они буквально осаждали телеграфы, поддерживая, усиливая, лелея эту свою связь. А потом дело, как и принято, дошло до близости... и все рухнуло. Надя ничего не чувствовала. Он попытался убедить ее, что это мелочь по сравнению с душевной близостью, с общей идеей, с ощущением родства. Но где-то он все же сфальшивил. И Надя ушла.

Можно ли было это предотвратить? Быть может, этот его сон — один из многих, — просто попытка найти тот рубеж, который они не смогли пройти рука об руку. А потом? Потом уже стало невозможным. Они отдалились... Но Василий любил ее до сих пор. Любил и ненавидел себя за то, что не смог удержать.

Василий Прокопенко поднялся с постели и вышел из здания. Ему не потребовалось много времени, чтобы раздобыть лопату. Территория сама по себе не контролировалась, поскольку главные кордоны отличались усиленной охраной, и вряд ли сюда мог проникнуть посторонний. Василий

Прокопенко пробирался в темноте к тому месту, куда накануне его водил Сытин.

Он остановился на том же пяточке и какое-то время взирал на куст. Куст равнодушно возвращал ему взгляд. Сейчас Прокопенко вспомнил еще кое-что. Как раз в то время, когда Надя уже отчаялась добиться от бюрократов признания ценности находки, они пересеклись. Случайно. Надя рассказала ему о том, что предположительно хранит в себе эта земля. А еще она сказала, что, если она добьется своего, это станет величайшим делом всей ее жизни.

А в конце ее подждал обычный куст. От этой мысли Василий Прокопенко даже сдавленно хохотнул, одновременно вытирая слезы. Он вскинул лопату и со всего размаху обрушил лезвие на толстый, похожий на шланг, корень...

По прибытии в Москву генерал-полковник Сытин Сергей Романович отдал распоряжение закрыть раскопки. Громадные машины завалили неразгаданную «пирамиду» землей вместе с секретной лабораторией. Забор с колючей проволокой сняли. Не осталось ни малейшего следа, что когда-то на этом месте кипела работа.

А едва последняя машина покинула место зачистки, случилось грандиозное: великая держава распалась. В стране случился переворот, власть взяли в руки совсем другие люди, которым ничего не было известно об открытиях, некогда совершенных в Башкирии. Все переменялось. Материальная и духовная культура, законы, конституция, даже души людей — все стало другим. Семидесятипятилетний строй завершил свое существование. Сытин скончался от инфаркта. Он был последним, кто мог бы выдвинуть гипотезу, что глубочайшей причиной всего произошедшего мог стать душевный срыв человека, потерявшего любовь.

Куст был вечностью. Его не касались перемены. Он оставался самим собой даже после того, как по нему много раз прошлась тяжелая техника. Он не был раздавлен, не был зарыт. Он так же торчал из земли, простирая ветви к солнцу, и лишь непрерывно менял свои формы.

Велик куст! Вечное напоминание живым, что все в этом мире имеет свой конец. И рано или поздно даже самому великому и неизбежному предстоит разрушиться.

Об авторе

Родился на Украине 5 февраля 1976 года, через полгода переехал с родителями в Башкирию. Закончил Уфимский Государственный Нефтяной Технический Университет. До 30 лет мыкался в башкирской глубинке по разным профессиям, начиная от продавца и заканчивая таксистом. В 30 лет перебрался в Москву. Сейчас работает инженером-проектировщиком внутренних инженерных сетей. Параллельно пишет прозу. Публикации в журнале «День и Ночь», рассказ «Принцесса-лебедь», в журнале «Бельские просторы» (Уфа) рассказ «Рассказ», в газете «Истоки» (Уфа) эссе «Стена», в журнале «Социальное партнерство» рассказ «Собеседование», там же несколько статей, в т. ч. про Кузьминский лесопарк..

Оксана Царевская

Сувенир

С прошлого вечера наш пароход качало и подкидывало. Легкий ветерок, начавшийся, как только мы вышли из Бискайского залива, и поначалу так порадовавший пассажиров, изнемогающих от странной — не по весеннему сезону — жары, вдруг превратился в шторм, разогнав их всех по каютам. Таня, моя пятнадцатилетняя сестра, бледная и молчаливая, не вставала с кровати. А я, пережив первую волну дурноты, уже несколько часов сидел в стеклянном кафе на носу шлюпочной палубы и портил свой блокнот дорожными заметками.

Надо сказать, что с самого начала девять дней океанского путешествия казались мне испытанием. И дело здесь было не в превратностях погоды или особенностях кухни, предлагаемой английским коком. Меня даже не очень заботили немецкие подводные лодки, снующие у берегов Европы. То путешествие не было для меня приятной прогулкой просто потому, что я бежал — бежал в неизвестный мне Нью-Йорк, подгоняемый клятвой, собственным страхом и редкими, но катастрофическими, новостями из России, передаваемыми нам, русским пассажирам, корабельным радистом-армянином.

Да, мы с сестрой не были единственными русскими на этом ковчеге. В порту Бордо, где мы селились на пароход, русской речи я не слышал, а по озабоченным лицам дам и господ в одинаково скромных дорожных костюмах, я не смог прочесть ничего кроме тревоги, присущей любому путешественнику. Соотечественников, таких же беглецов, я, наконец, увидел на ужине, который дал в первый вечер в честь нас, «несчастливых русских братьев», капитан Дюваль.

Правда, в тот вечер я не заметил в глазах моих земляков «великой тоски по оставленной родине», которую разглядел капитан. Белое напудренное лицо престарелой баронессы фон Асмус, занимавшей вместе со своей горничной и целым выводком левреток единственный на пароходе трехкомнатный люкс, напоминало посмертную маску. Если какая-то эмоция и появлялась на ее холодном гипсе, то касалась она или слишком длинной речи капитана или недостаточно прожаренной лопатки ягненка. Физиономии же всего семейства Конюшковых, состоявшего из пожилой пары и двух перезрелых дочерей, выглядели испуганными. Как я узнал позже от сестры, подружившейся с девицами Конюшковыми, этот испуг был связан с одним очень важным для главы семейства обстоятельством. Являясь богатым уральским промышленником, господин Конюшков очень надеялся сохранить на время путешествия свое инкогнито. Он боялся деле-

гаций нуждающихся соотечественников, надеющихся получить из его рук легкую материальную помощь.

Тех, кто представлял для господина Конюшкова реальную в этом смысле опасность, на пароходе было не много. Инженер-путеец с женой и двумя веселыми близнецами — то ли мальчиками, то ли девочками, довольно навязчивый молодой человек по фамилии Стычкин, назвавшийся студентом, но, судя по военной выправке, походивший больше на поручика, и молодая коротко стриженная женщина с грудным ребенком. Все они ютились внизу в маленьких коробочках третьего класса рядом с машинным отделением, и их маршруты, как правило, не пересекались с курсом пассажиров первого сорта.

Я посмотрел на часы, стрелки показывали десять по Москве. «Десятый часок, минутка на чаек, две — на медок и сахарок», — так причитала Глаша, собирая на веранде нашей лопасненской дачи вечерний чай. Меня вновь охватила тревога — за Лизу, так и не поспевшую на Александровский вокзал, за маму, которая, приказав взять сестру дальше к отцу, осталась, больная, на руках тетки в Кракове. Надеюсь избавиться от навязчивых мыслей, я решил отвлечься. Попросив буфетчика принести еще одну чашку кофе, я взял с соседнего столика забытый кем-то из наших потрепанный номер «Нивы» — трехлетней давности, бесконечно далекий, и от этого какой-то уж совсем не реальный.

— Любуетесь?

Я поднял голову. Рядом со мной стоял незнакомый пожилой господин в бежевой бархатной куртке. Длинные седые волосы почти лежали на плечах, что казалось декадентским излишеством для человека его возраста. Левую половину лба и щеку незнакомца пересекала тонкая нежно-розовая полоска шрама, отчего глаз, наполовину прикрытый веком, иногда подергивался и подмигивал. Это придавало выражению его лица легкую игривость, тоже, в общем, странную и неуместную.

— Доктор Смородин, Николай Николаевич. Вы позволите составить вам компанию?

— Да, конечно, — я искренне обрадовался новому персонажу. — А я не видел вас на ужине землячества, да и потом тоже.

— Неважно себя чувствую. Три дня провалялся под присмотром местного эскулапа. Знаете, старые болячки особенно привередливы, когда меняешь среду обитания, — доктор, сложив на груди руки, теребил большую костяную пуговицу куртки. — Вы надолго из России?

— Не знаю. Надеюсь, что ненадолго. Но, боюсь, что навсегда.

— Как это точно. Всех нас терзает и надежда и страх. Уж лучше бы осталось одно что-нибудь.

Мне не хотелось тянуть разговор в этом мучительном русле. Впрочем, доктор Смородин не очень настаивал. Я заметил, что нас, бегущих от войны и революции, а за месяц я повидал таких немало, объединяла одна особенность: мы не говорили о настоящем и будущем. Только о прошлом — слишком далеком, чтобы представлять какую-либо опасность. Так и с доктором Смородиным, забывшись на удивление сносным канадским бурбоном, мы с упоением делились впечатлениями от старых новостей, вытаскивая из

памяти такую древность, как провалившиеся в 1913 году московские гастроли Розы К. и редко богатый урожай яблок в 1911.

О себе доктор говорил мало и с неохотой. Оставив пятнадцать лет назад медицинскую службу в армии, он много путешествовал. Посетил Тибет, Африку и Австралию и даже выпустил что-то вроде справочника для путешественников — с подробными маршрутами и объяснениями варварских обычаев туземцев. А потом осел в каком-то заштатном городке, завел частную практику и на грант одного прогрессивного, как выразился доктор, мецената организовал физико-химическую лабораторию. В общем, Смородин показался очень интересным и разносторонне образованным человеком, что позже я не преминул отметить в своем блокноте. Изрядно опьяневшие и вполне довольные друг другом, мы простились в начале двенадцатого по Гринвичу.

* * *

На следующее утро шторм немного затих, хотя временами и заставлял поверивших в свою стойкость путешественников отчаянно цепляться за латунные поручни, протянутые по всему периметру паровых переборок. Пассажиры, больше измученные голодом, чем качкой, потихоньку стеклись в ресторан.

Своего нового товарища я нашел за большим круглым столом, который занимали баронесса фон Асмус и семейство Конюшковых. Получив кивок от чопорной старухи, и более теплые приветствия от остальных, мы с сестрой присоединились к компании. Баронесса, охаживая вареное яйцо тоненькой серебряной ложечкой, возобновила прерванный, по-видимому, нашим появлением разговор.

— Доктор, вы, помнится, рассказывали что-то любопытное. О вашем знакомом, профессоре Сковородникове, кажется. Какая-то история с метемпсихозом.

— Прошу прощения, мадам, его имя Самородников. И потом, речь не шла о переселении душ.

— Странно, я не могла перепутать. У меня очень хорошая память.

— Вы не перепутали, мадам. Вы просто по-своему интерпретировали. Со свойственной аристократическим дамам образностью и эмоциональностью. Это, действительно похоже на переселение душ во времени.

— Как у господина Уэллса? — оживилась одна из девиц Конюшковых. Смородин вежливо улыбнулся.

— За одним исключением, мадемуазель. Господин Уэллс — писатель, то есть выдумщик. Кроме того, его «Машина времени» просто метафора. А профессор Самородников — ученый. Тридцать лет он напряженно работал в нескольких научных областях — географии, физике и медицине.

— Зачем же так расплываться, — отправив в рот яичную лужицу, баронесса осуждающе покачала головой. — Эдак ему никогда ничего стоящего не сделать.

Смородин растерянно улыбнулся. Судя по тому, как задергался его покалеченный глаз, было видно, что он задет. Мне захотелось поддержать доктора.

— Как-то в «Московском листке» я встретил мнение, что только всесторонне образование позволит ученым совершать серьезные открытия в будущем. Это основывалось на известном факте, что все основные законы мироздания, изучаемые классическими науками, уже открыты и описаны. И если и возможно что-то новое, то его стоит искать только на их границах.

— Не знаю, молодой человек, можно ли доверять так безоглядно «Московскому листку». На моей памяти они трижды допускали неточности в бюллетенях о самочувствии новорожденного дофина.

Одна из сестер прыснула, но красноречивый взгляд мадам Конюшковой привел ее в чувство. Смородин на свою беду тоже не сдержался и фыркнул. Заметив это, баронесса взяла тягучую педагогическую паузу, и лишь окончательно разделавшись с яйцом, продолжила.

— И что же изобрел этот ваш Сковородкин?

Доктор благоразумно не стал поправлять баронессу.

— Он открыл одну удивительную вещь. Представьте себе, дамы и господа, на Земле, есть несколько мест, в которых человеку возможно осуществить трансемпоральное перемещение. Размер этих точек «тэта», как он их называет, громадный — около 50 квадратных километров. И находятся они как на суше, так и на воде.

— Доктор, не могли бы вы изъясняться проще, здесь присутствуют молодые девицы. И потом, я, знаете ли, не признаю эту новомодную метрическую систему. Сколько это будет в наших десятинах?

— Простите, мадам. Это соответствует площади в 455 десятин.

— Надо же, почти как мое воронежское имение.

— Так вот, в этих точках «тэта» расположены временные шлюзы. В переносном смысле, конечно. Но, в общем, очень походят на настоящие речные. Это своего рода ворота в другое время. Уровень воды по эту сторону шлюза — наше настоящее. Уровень воды по ту сторону, в зависимости от того, ниже он или выше главной воды, является прошлым или будущим.

— И чтобы попасть в другое время, нужно опустить или поднять уровень воды в шлюзе? — догадалась любознательная девица Конюшкова. Доктор кивнул.

— И что за механизм управляет этим уровнем воды во временном, как вы выражаетесь, шлюзе? — господин Конюшков задал свой первый вопрос. Было видно, что тема ему любопытна, но он с самого начала сдерживался.

— Человек должен достичь определенного состояния психики.

— Так я думал, что закончится чем-то метафизическим. Духовные практики господина Штайнера?

— Не совсем так, господин Конюшков. Все гораздо проще — это возможно с помощью определенного химического вещества, вводимого в кровь транспортанту.

— Что-то из опиатов?

— Нет. Это новое вещество, которое до сих пор не было известно ни одному ученому в мире. Профессор Самородников собирается патентовать его формулу. Если вы не устали, могу вкратце описать механизм действия.

Баронесса нетерпеливо хлопнула ладонью по белоснежной скатерти.

— Ах, увольте от незначительных подробностей. И потом, господин Смородин, думайте что хотите, но я ни на йоту не верю этому вашему Сквордину.

— Позвольте узнать причину, мадам?

— Пожалуйста. Русские, а судя по фамилии, ваш профессор славянин, просто-напросто не способны на такие кунштюки. Прекрасно известно, что все приличные ученые были немцами, или на худой конец англичанами.

— Да, да, я поддерживаю вас, мадам, — вступился опять Конюшков. — Года три назад я случайно познакомился с одной работой философа Данилевского. Она называется «Европа и Россия», как-то так. Так вот, в ней приведена очень наглядная таблица. Она показывает, что чаще всего пожинали, так сказать, плоды на научной ниве немцы, французы и англичане. Я очень хорошо помню, славяне в этом списке находятся на предпоследнем месте.

— Не может быть, — баронесса нахмурилась, намазывая масло на корочку французской булки. — Кто же на последнем?

— Греки.

— А, ну, этих вообще не стоит считать. Вот вам и доказательство, господин доктор, — баронесса повернулась к Смородину. — Русские, как обычно, в самом низу лестницы мировой цивилизации. Да что там какой-то Данилевский! Умному человеку достаточно просто оглядеться вокруг. Одеколон, радио, корсет, пароход — все это не русские изобретения.

Девочки тихонько, в кулачок, захихикали, с опаской поглядывая на мадам Конюшкову. Тут за бедного доктора, а заодно и русскую науку вступилась Таня.

— А нам говорили, что радио изобрел Попов в 1895 году.

Баронесса снисходительно улыбнулась.

— Ох, уж эти женские гимназии. Деточка, забудьте эту чепуху. Я лично читала в «Русских ведомостях» большую заметку о господине Марконе, который и придумал это ваше радио. Он, конечно, итальянец и, значит, очень легкомысленный человек, но это лишь подтверждает мои слова: русские вообще ни на что не способны. Только воровать и бунтовать.

Баронесса раздраженно оглянулась. Горничная, сидевшая у окна в ожидании хозяйки, поймала ее взгляд и подошла. Госпожа Фон Асмус попрощалась и, укутавшись белым шерстяным пледом, удалилась. Повисло неловкое молчание. На доктора Смородина было больно смотреть. Ссутулившись, как студент, которого только что отчитали, он ковырял вилкой давно остывший омлет.

* * *

К вечеру буря сделалась совсем ужасной: пароход поскрипывал, что-то внутри стен стучало и позвякивало. Таня, приняв снотворное, спала, а я отправился на поиски доктора. Мне хотелось поддержать его после утренней экзекуции, а, кроме того, мучило любопытство. В каюте Смородина я не нашел, в кафе тоже. На всякий случай, я постучался к Конюшковым.

Дверь открыл глава семейства, и, не ответив на мой вопрос, то ли приказал, то ли попросил:

— Зайдите, сударь, мне нужно с вами серьезно поговорить.

Он был один, супруга, видимо, находилась у дочерей в соседней каюте. Предложив коньяк и лимон, господин Конюшков очень внимательно осмотрел меня, будто решая, способен ли я оценить то, что сейчас предстоит услышать.

— Ваш доктор был у меня час тому назад. Я, конечно, не врач, но у меня есть основания полагать, что он душевно болен.

— Что же он натворил?

— Нес околесицу и вздор, вроде того, чем кормил нас за завтраком. Напустился, конечно, на баронессу. Знаете, я и сам во многом не разделяю некоторых ее взглядов, но это не повод для проклятий.

Конюшков раскурил сигару и предложил мне.

— Кроме того, он еще требовал денег.

Было очень похоже, что именно это последнее обстоятельство стало решающим в вынесении доктору столь сурового диагноза.

— Для чего же ему деньги, он не говорил?

— Якобы на российскую науку, — Конюшков проговорил эти слова медленно, почти по слогам. — Это ли не бред, я вас спрашиваю? России нет, а он просит денег на ее науку. Видите ли, этому загадочному профессору Самородникову, ну, вы помните, необходимо продолжать свои опыты по перемещению во времени. Я вообще склонен считать, что этого профессора не существует. Так, просто ширма для авантюры.

— Ну, здесь стоит определиться. Если доктор авантюрист, то вряд ли душевнобольной. И наоборот.

— А чтобы разом — сумасшедший и авантюрист — не бывает, по-вашему? Ну, не знаю...

— Простите мое любопытство, много ли он просил?

— Очень много. Пять тысяч английских фунтов.

Сумма, действительно, была внушительной. Представить, зачем доктору нужны столь солидные деньги, я не мог.

— Как патриот и православный человек, я, безусловно, не смог отказать в помощи соотечественнику. Я предложил ему сто долларов, — Конюшков посмотрел на меня, ожидая, кажется, одобрения. Я послушно кивнул. — Но, представьте себе, он отказался. И даже почти нагрубил.

Видно было, что господин Конюшков колеблется, стоит ли продолжать дальше. Спустя минуту, понизив голос, он произнес:

— Вы знаете, он даже угрожал. Твердил, что если я не дам денег, на мою совесть ляжет смертный грех.

— Ну, наверное, он имел в виду грех перед российской наукой, — пошутил я неловко.

— Нет, он явно намекал на убийство.

— Я не думаю, что это так...

— В общем, мой друг, я считаю своим долгом предупредить вас. Я заметил, ваша сестра близко сошлась с моими дочерьми. Нам плыть еще трое суток, и мы должны держаться вместе. Присмотрите, пожалуйста, за ним.

Пообещав быть бдительным, я покинул господина Конюшкова и пошел к себе. У моей двери стоял посыльный с запиской от Стычкина, поручика Стычкина, так, по крайней мере, он подписался. Я спустился на палубу В, в курительный салон второго класса. Большая полутемная зала была почти пуста, только несколько американцев в пятне зеленого абажура дымили сигарами и потягивали запрещенный у них на родине виски. Вдруг из-за угла как черт из табакерки выпрыгнул Стычкин, и, потянув за локоть, буквально силой усадил рядом с собой. Он был немного пьян.

— Макаров, у меня к вам важное дело.

Это было неожиданно. Несколько незначащих фраз в курительной комнате и пара бокалов коньяка в баре составляли все наше знакомство. И оно никак не предполагало столь короткого обращения.

— Вы знакомы с доктором Смородинным?

— Да, а вы тоже? — удивился я.

— Еще с материка. Вместе коротали ночь в портовом кабаке перед отплытием. Вы знаете, чем он занимается?

— Он врач.

— Нет, я говорю про его пунктик с прыжками во времени?

— Он что-то рассказывал о профессоре Самородникове.

— Да-да, именно. А теперь я должен взять с вас слово, что все, что скажу вам дальше, останется между нами двоими.

— Если только вы не собираетесь признаться мне в убийстве или чем-то подобном.

— Успокойтесь, этого вы от меня не услышите, на вас рясы нет, — Стычкин как-то нехорошо засмеялся. — Доктор предложил мне эксперимент.

— Что это значит?

— Это значит фюить, — Стычкин шелкнул пальцами, — и 1918 год лишится своего современника.

— И куда же этот современник денется? В прошлое или будущее?

— Вот. Это самое слабое место в расчетах доктора, он сам не знает — куда я упаду. Там что-то связано со скоростью вращения Земли и пульсацией магнитных полей, не помню... Он гарантирует только, что меня будут разделять с настоящим почти 90 лет.

— И что же?

— Я решил, что меня устраивают обе даты. Согласитесь, 1828 год, не самое плохое время. Подпишусь в русско-турецкую кампанию или ...

— И на 2008 у вас тоже имеются планы?

— С этим сложнее. Покров неизвестности. Но тут как в рулетке, — попытожил Стычкин. — Хотя, если честно, Макаров, мне почему-то кажется, что хуже, чем сейчас, точно не будет.

— А вы подумали о месте? Где вы окажетесь?

— Доктор говорит, что как раз этим он управлять способен. Я даже могу выбирать. Ассортимент, правда, этих точек «тэта» невелик: Тибет, Антиподия, Атлантический океан — мы туда как раз войдем через несколько часов. И, не смейтесь, Калужская губерния.

— И что вы выбрали?

— Пока Калужскую губернию. Но вот взял в библиотеке книжечку, знакомлюсь с ландшафтом Австралии, — Стычкин вытянул из-под стола толстый том Британики и засмеялся. — Вы, кстати, не знаете приличного питейного заведения на пересечении 125 меридиана и тропика Козерога?

— Увы. А почему, поручик, вам все же не остаться? Времена меняются...

— Ах, Макаров, перестаньте. Я думаю, вы бы сами, если б не сковывающие вашу свободу обстоятельства, пустились в эту авантюру. Конечно, это не дешево — пять тысяч фунтов, но оно того стоит.

Меня немного удивило, что у поручика, пересекающего океан по самому дешевому классу имелись такие сбережения. Но после всего случившегося это было самое малое, чему бы следовало удивляться.

— Стычкин, а почему вы верите, что это чудо вообще возможно?

— Я не верю, я знаю это. Наверняка.

— Откуда же?

— Макаров, вы видели на лице доктора шрам? — Стычкин понизил голос. Я кивнул. — Так вот, я знаю, кто и при каких обстоятельствах нанес доктору это увечье.

— А каким образом это доказывает...

— Слушайте. Года два назад в нашем полку появился капитан Гореватых. Он много повидал и был, как рождественский гусь яблоками, нашпигован всяческими историями. Веры ему среди наших было мало, но меня он веселил. Среди прочих небылиц, рассказывал он и про доктора Смородина. Да-да, не про мифического профессора Самородникова, а про нашего с вами общего знакомого. Так вот, Гореватых утверждал, что побывал с его помощью в прошлом. Дело было так: их полк, где они оба служили, был расквартирован в Замойске, этаким дохлом городшке в Калужской губернии. Не знаю, на какой почве, но они сблизились. И в один прекрасный день Смородин ему рассказал о возможности перепрыгнуть в другое время. Гореватых, авантюрист по складу натуры, семьи не имел и, в общем-то, настоящим дорожил мало. Они ударили по рукам. Смородин, конечно, взял с него денег, кажется, рублей двести — все, что у капитана было припасено — и повез загород в лес, в маленькую сторожку. Там нацепил на него какие-то металлические прищепки и поставил укол. Гореватых потерял сознание и через какое-то время очнулся в версте от сторожки, простите, мордой в муравьиной куче. Что с ним происходило, Гореватых не помнил. Но обратную дорогу и сторожку нашел, а в ней доктора, собирающего свой саквояж. Тот, конечно, удивился, начал извиняться, то да се, ошибка в расчетах, непредвиденные обстоятельства. Гореватых, выше-лушавая муравьев из-под воротничка, потребовал, естественно, деньги назад, но доктор отказал, сославшись на то, что потратился на приборы и химическое вещество. В общем, завязалась потасовка, и в итоге капитан выхватывает саблю и как скальпелем ставит метку на лице доктора. Точно такую, как мы можем видеть на лице нашего Смородина... Как только доктор начал про игры со временем рассказывать, я эту историю сразу и вспомнил.

— Стычкин, все это любопытно. Но я не вижу ни одного доказательства. Скорее, наоборот...

— Не торопитесь, Макаров. Сейчас будет самое интересное. Гореватых возвращается в город, поднимается к себе на второй этаж, входит, злой и уставший, в свою комнату, отстегивает саблю, раздевается, в сердцах кидает на стул китель. И что вы думаете, выпадает из-под подкладки? — Стычкин откинулся на спинку дивана. — Тридцать золотых наполеондоров и брегет. С эмалью и дарственной надписью «Дорогому Луи от любящего сердца». Все это было завернуто в какую-то французскую газетенку, датированную июлем 1812 года. Часы и один наполеондор я сам видел, клянусь честью.

Поручик посмотрел на меня, оценивая впечатление, которое произвел его рассказ. Я молчал.

— То, что это подстроил доктор, исключено. Ему не было никакого резону подсовывать капитану доказательства ценностью, превышающей саму цену билета. А потом, спустя пару недель к Гореватых потихоньку начала возвращаться память, но не полностью, а такими яркими обрывками. В общем, скоро капитан окончательно поверил, что побывал в 1812 году и лишил какую-то наполеоновскую тыловую крысу имущества. Гореватых даже решил извиниться перед доктором. Приехал к нему на квартиру, но выяснилось, что тот уволился и отбыл из расположения полка в неизвестном направлении. Каково?

— Ну, что же, рад за вашего капитана. Только одно мне не понятно, чего вы хотите от меня? Денег?

— Ха, деньги — ерунда. Я прошу вас, Макаров, стать моим секундантом.

* * *

Ужасные последствия эксперимента, в который я ввязался, согласившись помочь Стычкину, я осознал позже. Теперь же мною двигало лишь природное любопытство и азарт репортера, который я приобрел, сотрудничая с московскими газетами. Спустя час после этого разговора ко мне зашел Смородин и посвятил в подробности грядущего эксперимента, процедура которого показалась мне довольно громоздкой. По его замыслу у Стычкина имелось право испытать то самое новое время, в котором ему предстояло остаться. «Это мое кредо, — сказал Смородин не без гордости. — Второй шанс не дает даже Господь».

— У поручика будет две ампулы и шприц. После первой инъекции он покинет настоящее и проживет там, — Смородин сделал неопределенный жест рукой, — около трех суток. Несмотря на то, что здесь пройдет не более часа. Когда действие первой ампулы закончится, поручик вернется и уже решит свою судьбу окончательно. Если его все устроит, он подпишет договор по форме «А», введет себе вторую ампулу и исчезнет с нашей карты уже навсегда.

— А если передумает? — спросил я, заморожено следя за шагающим по каюте Смородиным.

— Не думаю. Но даже если это случится, то, поставив свою подпись в договоре по форме «В», напишет для меня подробный отчет о путешествии, — засмеялся Смородин. Потом, будто спохватившись, остановился и сердито посмотрел на меня. — Но деньги вы передадите мне в любом случае.

Я это знал.

Стычкин явился ко мне в половине первого ночи, на удивление трезвый и спокойный.

— Пересчитывать не надо. Ровно пять тысяч в английских ценных бумагах на предъявителя, — сказал поручик, положив бумажный сверток на буфет, и направился обратно к двери. Потом оглянулся. — Выпил бы с вами на прощанье, Макаров, да некогда. Доктор торопит — пароход набрал скорость. Будьте у меня в два часа.

Как и обещал поручику, в условленное время я спустился вниз. Дверь каюты я отпер вторым ключом, который оставил мне поручик. В маленькой, без иллюминатора, комнатке, где Стычкин размещался один, было пусто. Я огляделся, возле кровати на столике лежали шприц, пара пузырьков и странного вида сверток. Он был из ярко желтой прорезиненной ткани, и весь исписан не известными мне, кажется, русскими словами. На нем — придавленный лупой, клочок бумаги — обещанная записка для меня. «Макаров, если вы это читаете и не видите моего трупа, значит, все получилось. Ваша миссия закончена. Благодарю вас. Передайте доктору деньги и листы договора (старый крючоктвор!) В свертке найдете сувенир для себя. Не поминайте лихом. P.S. Там, увы, не рай, но выбора у меня уже нет».

* * *

Ужасную ночь, оставшуюся мне после того, как я отдал доктору то, что просил в записке поручик, я не забуду никогда. К утру я, наконец, смог заснуть. Мой короткий сон оборвал настойчивый стук. Накинув халат, я открыл дверь каюты и увидел красное взволнованное лицо Конюшкова.

— Доброе утро, господин Макаров. Случилось кое-что неприятное. Я жду вас в библиотеке на главной палубе.

К нашему с сестрой приходу в библиотеке собрались почти все русские пассажиры парохода: семья Конюшковых, инженер-путеец с женой, коротко стриженная женщина с младенцем и доктор Смородин. Он сидел в дальнем кресле, между окном и шкафом с подборкой книг по истории средних веков. Вид у него был встревоженный — глаз дергался, а его пальцы нервно перебирали желтые страницы какой-то книги, лежащей на коленях. Из соотечественников не было только Стычкина и баронессы с горничной. Таня заняла свободное место рядом с сестрами Конюшковыми, я сел на стул неподалеку от инженера. Он тут же придвинулся ко мне и прошептал: «Вы слышали, собачки вылизали всю кровь с трупа?»

Господин Конюшков встал и оглядел присутствующих.

— Нет только господина Стычкина, я вижу. Стюард сообщил, что каюта пуста. Что ж, не будем его ждать. Полтора часа назад капитан Дюваль сообщил мне о смерти баронессы Эмилии фон Асмус. Она была убита. Вместе с ней убита ее горничная Зинаида Каплан.

Судя по реакции собравшихся, новостью это не было.

— Я избавлю наших дам от шокирующих подробностей. Скажу лишь, что, судя по беспорядку, который уполномоченные лица капитана застали

в люксе баронессы, речь идет об убийстве с целью ограбления. Возможно, украдены деньги и драгоценности. Я должен взять на себя соответствующие формальности и позаботиться, так сказать, о теле и имуществе убиенной.

Господин Конюшков сделал паузу, налил себе воды, и продолжил.

— Пригласил же вас здесь собраться я по просьбе капитана, очень хорошо относящегося к России. И только с одной единственной целью. Эта ужасная трагедия произошла с нашей соотечественницей. И мы все на этом пароходе, находящимся, как вы знаете в юрисдикции французской республики, представляем Россию, нашу многострадальную родину. Через полчаса начнутся допросы, и я со своей стороны прошу вас всех, дамы и господа, с пониманием отнестись к этим вынужденным мерам. Это, так сказать, наш долг.

— Будут ли обыски? — спросил инженер.

— Не знаю, но нужно быть готовым и к этому. А теперь, дамы и господа, прошу всех разойтись по каютам и не покидать их до особого распоряжения.

Я знал, кто убил баронессу. Да чего уж там, с прошлой ночи я обладал такими знаниями, что мне хотелось застрелиться. Но уже не мог. Теперь мне требовалось только одно — повидать Смородина. Вопреки указанию не покидать каюту, доктор сидел в кафе на шлюпочной палубе, там, где мы с ним и познакомились несколько дней назад. Увидев меня, он немного удивился.

— А я думал, вы даете показания.

— Нет, я их не дам. Даже если бы и захотел, мне никто бы не поверил, вы прекрасно это понимаете. Кроме того, к вечеру все успокоится, пропавшего Стычкина объявят убийцей и всех это устроит. А послезавтра, вы, целый и невредимый, с краденными деньгами сойдете в порту Нью-Йорка.

— В вас проснулся дар Кассандры? — доктор зло улыбнулся.

— Считайте, что так, — мне уже не хотелось казаться любезным.

— Чего же в таком случае вам от меня нужно?

Я ничего особенного не хотел, мне просто требовалось до конца отыграть свою роль в этой фантастической пьесе.

— Господин Смородин, вы же знали, каким образом Стычкин добудет для вас деньги.

— Конечно, — он ответил быстро и, как мне показалось, самодовольно.

— И я, между прочим, пытался предупредить трагедию. Если бы не жадность этого надутого Конюшкова, все бы сложилось иначе.

— Все бы сложилось иначе, если бы вы отказались от эксперимента.

— У меня есть цель, молодой человек. Миссия, если хотите. И я ей следую, — доктор говорил громко, не обращая внимания на французов, потягивавших сидр за соседним столиком. — А потом, господин Макаров, не жалеете о случайных жертвах. Все они ложатся на священный алтарь науки. Кроме того, баронесса получила, что заслуживала. Я был у нее за час до рокового визита поручика. И дал ей, между прочим, выбор...

Я бежал, не в силах дальше выслушивать эту исповедь бога.

Через сорок часов мы с Таней сходили по трапу в порту Нью-Йорка. Суета и радостное возбуждение, царившие вокруг, действовали на меня угнетающе. Таня, наполненная радостным ожиданием встречи с отцом, не понимала моего настроения и немного дулась. Но я не смел предъявить ей причину, ту, что находилось в моем чемодане. Завернутый в странную желтую ткань злосчастный сувенир от Стычкина.

Это было дешевое издание, выпущенное в 2008 году неизвестным мне Санкт-Петербургским издательством — сборник фантастических рассказов в серии «Забытые имена». Книга содержала довольно корявое предисловие и биографию автора — русского эмигранта и, в общем-то, посредственного писателя. Он скончался в 1963 году на руках сестры милосердия Бостонского хосписа. На ярко красной обложке было выдавлено его имя. Увы, мое имя.

Об авторе

Родилась в 1970 году в Москве. По образованию социолог (когда-то) и экономист (сейчас). Несколько лет занималась журналистикой, несколько месяцев служила в театре. Сейчас работает в инвестиционной компании. Рассказы пишет давно, хотя имеет всего три журнальные публикации: «Шелковая юбочка в ужасных розочках» (журнал Cosmopolitan, Москва, 2002), «Осколки» (журнал Golden Key, Пермь, 2007), «Митин спикер» (журнал «Свой», Москва, 2009).

Вадим Ечеистов

Украсть будущее

Монотонный, неодолимо усыпляющий стук колес на стыках рельс теплым фоном обволакивал дремлющий мозг пассажира. Путь на поезде от Хабаровска до Москвы требовал терпения и располагал к флегматично-созерцательному безделью. На третий день пути мелькающие за окном сопки и леса уже не привлекали внимания. Читать тоже особенно не хотелось, да и разговоры с попутчиком стали надоедать. Вот и приходилось предаваться дреме, с перерывами на еду.

К вечеру третьего дня из оцепенения пассажира вырвал топот множества ног, и восхищенные возгласы. Парень присел, и взглянул на соседа:

— Что там случилось?

Сорокалетний мужик с серым лицом не тронулся с места — видно было, что этот маршрут знаком ему, как путь от квартиры до почтового ящика. Он вяло махнул рукой:

— Иди, посмотри — надолго запомнишь.

Молодой человек вышел в коридор, и протолкнулся к одному из облепленных людьми окон. Потрясающий вид на бескрайнюю поверхность воды, сморщенную легкой волной с пляшущими солнечными зайчиками, действительно завораживал. Со всех сторон доносилось сухое клацанье фотоаппаратов, и возбужденное придыхание: «Байкал!».

Мужчина не мог противиться очарованию замечательных картин, порожденных слиянием стихии воды, камня берегов, и небесной тверди с белыми кляксами неподвижных облачков. Он недвижимо стоял у приоткрытого окна, принимая лицом прохладный влажный ветерок, и наслаждался волшебными видами, утратив связь с окружающим и счет минутам.

Спустя без малого час он вышел из этого блаженного состояния, когда глаза уже стали слезиться от ветра. Парень несколько раз моргнул, смахнув слезы, и вернулся в купе. Там за время его отсутствия стало на одного человека больше: невысокий, поджарый мужчина с обветренным лицом и темными, с проседью, волосами перебирал вещи в огромном рюкзаке. Услышав стук двери, он заинтересованно вскинул брови:

— Иван Андреич, а это, я так понимаю, и есть наш третий попутчик?

— Точно! Знакомьтесь Егор — Игорь Казимирович. Игорь Казимирович — это Георгий.

— Очень приятно, Георгий. Куда путь держишь?

— В Москву. Я тут два года в Хабаровске после института практику проходил, теперь в столицу вызывают, в центральный офис.

— А чего не на самолете?

— На самолет надо билеты пораньше заказывать, а сейчас уже дороговато будет. Велено экономить.

Егор сел рядом с новым соседом:

— Ну а вы-то, Игорь Казимирович, чем занимаетесь, если не секрет?

— Вот я видел, ты у окна стоял. Догадываюсь — Байкалом любовался. Вот этим я и занимаюсь: уже три года по сопкам, лесам и островам ноги сбиваю. Можно сказать, одичал уже. Эколог я — изучаю состояние уникальной экосистемы озера и окрестностей, — сказал новый знакомый, моргнув при этом, будто что попало в глаз.

Тут нетерпеливо подал голос Иван Андреич:

— Ну, вот и познакомились. Может, отметим по случаю, Игорь Казимирыч, а то Егорка не пьет, а одному — для здоровья вредно. Мне вот тут китайские партнеры подарили... — он порылся в одном из своих, забытых ширпотребом тюков, и достал широкую бутылку с прозрачной, коричневатой жидкостью. В этой жидкости плавали причудливой формы коренья, ящерица, и довольно большая змея, изогнувшаяся тугой спиралью.

— Ну что ж, такую вещь надо кусить хотя бы ради интереса, а уж за знакомство — сам бог велел. И, кстати, Иван, Егор, зовите меня просто по имени — я же понимаю, что отчество мое не так просто озвучить, да и по имени мне больше нравится.

— Ну и прекрасно, Игорь, так Игорь, — Андреич скovyрнул пробку из сургуча, и, подмигнув ящерице налил понемногу в два стакана. Егор взял руки остывший чай, чтобы хоть таким образом оказаться причастным к ритуалу дорожного знакомства.

Напиток оказался хоть и мягким на вкус, но замечательно крепким, и подогретое настроение пирующих способствовало живому разговору. Видимо, эколог довольно давно был лишен полноценного человеческого общения, поэтому без умолку рассказывал о своих походах в окрестностях Байкала.

Рассказчик он оказался хороший, поэтому его особенно никто и не перебивал. Однако, Егор трезвым глазом заметил, что Игорь Казимирович во время рассказа иногда осекался, словно не желая открывать какую-то тайну. При этом на лице его читались признаки внутренней борьбы с желанием поведать случайным, но таким хорошим, людям этот секрет.

Веселый треп собутыльников звучал все громче. Трезвый Егор тоже от души сдабривал беседу анекдотами на отвлеченные темы, коих знал великое множество. Однако, выпивающие похоже недооценили силу опьяняющего эффекта лечебного китайского бальзама на рептилиях и кореньях. Язык Ивана Андреевича уже катастрофически заплетался, а обветренное лицо нового попутчика приобрело густой свекольный оттенок. И лишь глаза на этом багряном лице сияли экстатическим светом.

Игорь Казимирович, резко подняв раскрытую ладонь, призвал попутчиков к вниманию:

— Ладно, мужики! Люди вы хорошие, я вас очень, просто исключительно, уважаю. Поэтому расскажу вам то, что никому здесь не должен бы рассказывать. Я думаю, вы достойны это узнать. Ну вот, как вы думаете, чем я тут три года занимался?

— Да ты же говорил — геолог, или что-то такое... — запинаясь, пробормотал Иван.

— Эколог, — поправил его Егор, — только я так особо и не знаю, чем экологи занимаются.

— Ну, теперь это неважно, потому что уже несколько лет я экологией не занимаюсь. Я трачу свои собственные, ранее накопленные деньги, и время исключительно ради спасения нашего будущего, — отчаянно жестикулируя, подобно баптистскому проповеднику, начал свой рассказ пожилой эколог.

Егор усмехнулся, и Игорь пристально взглянул на него:

— Думаешь, я пьяный, и несую всякий бред? Но, увы, то, что я сейчас расскажу — горькая правда.

Однажды, при заборе проб почвы в прибайкальском лесу, я случайно наткнулся на схрон-тайник, в котором во множестве лежало оружие, канистры с горючим, консервы. После возвращения, я взял отпуск за свой счет, и стал следить за тайником. Ждать пришлось две недели, прежде чем пришли пять человек, каждый из которых принес по автомату, и паре гранат. Я проследил за ними до ближайшего поселка, где их дружелюбно встретил начальник местной милиции. Было понятно, что он знает о существовании схрона. Но зачем им нужен такой тайник? Я еще сам не понимал, зачем мне все это нужно, но решил узнать все до конца. Пришлось, правда, уволиться с работы, благо денег за свою трудовую жизнь я успел немного скопить.

Я следил, фотографировал, собирал документы, я делал такое, чего и сам от себя раньше не мог ожидать. В итоге, я нашел еще несколько тайников в разных местах вокруг Байкала, и более сотни связанных с ними людей. На это у меня ушло целых три года. Собранный материал весит около четырех килограмм, — Игорь махнул рукой в сторону своего рюкзака.

— Но для чего они это делают? В такой-то глуши? — не мог скрыть удивления Егор.

— Я, признаться, тоже поначалу удивлялся, но не очень долго. Сопоставил некоторые факты с моими наблюдениями, и все понял. Очень сильно помогло мне в этом хорошее знание истории. Я, ведь всегда увлекался историей, еще со школы. Вот, почему войска Чингисхана завоевали огромные территории, как ты думаешь?

— Ну, вроде как, шли огромной ордой, сметая все на своем пути, — попытался вспомнить школьную программу Георгий.

— Распространенное мнение. На самом же деле, каждый поход долго и тщательно готовился. В страну, намеченную к захвату, засылались в огромных количествах шпионы, агенты влияния, которые не только узнавали всю подноготную, но и распускали слухи, возмущали бедные слои населения в городах. Кроме того, они вели работу и с людьми, близкими к власти: подкупали, шантажировали, внушали мысли, что при монголах жить будет намного лучше.

Под видом торговых караванов, или групп паломников, провозили оружие и фураж, которые закладывали в тайники. Таким образом, в нужный момент, могли в разных местах захватываемой территории ниоткуда появиться группы вооруженных людей, внезапно нападавших на обозы и вой-

ска. А внезапность в войне многое значит. Ну еще, конечно, в войсках Чингисхана была железобетонная дисциплина, и лучшая по тем временам боевая техника, созданная китайскими инженерами...

— Подожди-ка, подожди, Игорь. Так ты считаешь, что в районе Байкала, кто-то готовит вторжение? Но не бред ли это? Чего ради, что там такого уж ценного?

— Что ценного? Да сам Байкал! Я то знаю, как эколог, что вода, пригодная для питья, скоро будет стоить огромных денег. Уже сейчас стоит в некоторых местах. Ведь, несмотря на то, что на земле очень много воды, всего два процента ее пригодны к употреблению. Людей-то становится все больше, а пресной воды осталось столько же, что и тысячу лет назад. Не забудь и про загрязнение всякой дрянью... Так вот, а Байкал хранит в себе пятую часть мировых запасов пресной воды, причем чистойшей.

— Все равно не понимаю, — махнул рукой Егор, но это еще больше раздорило Игоря Казимировича.

— Вспомни войну в Ираке, Егор. Всем ведь понятно, что причина ее не в мифическом оружии Саддама, а в немалых запасах нефти. Но ведь мы состоим на восемьдесят процентов не из нефти, а из воды. Кончится нефть — пропадет комфорт, а кончится вода — угаснет жизнь.

Воды уже не всем хватает, а лет через пятьдесят за нее придется драться. Драться или мучительно погибать от обезвоживания. Байкальская вода — это огромное богатство, и кое-кто уже начал готовиться к тому, чтобы у нас его отобрать. Вернее не у нас, а у наших детей, или внуков.

— А кто эти кое-кто?

— Пока не разобрался, но, я думаю, что те, кому я хочу передать собранный материал, разберутся и сумеют предотвратить катастрофу, — когда Игорь произнес эту фразу, его загорелое лицо просто сияло от гордости. Он плеснул себе еще полстакана крепкого китайского пойла, выпил в три глотка, и заел куском печенья.

Было уже три часа ночи. Иван Андреевич давно уже спал, уткнувшись в стену. Егор тер слипающиеся глаза, но решил задать последний вопрос:

— Все равно не понимаю: ведь есть же милиция, пограничники, таможня — неужели эти мерзавцы им ни разу не попадались?

— Ты прав, Егор, есть и милиция, и таможня, но есть также и деньги, причем немалые. Есть коррупция и мздоимство. Как и в старину — ничего не меняется. Монгольская схема работает до сих пор. Вот так и едут курьеры с грузом под видом торговцев, групп экотуристов, охотников. И в нужное время вооруженные группы подготовят плацдарм для своей армии. И хлынут чужаки в образовавшуюся прореху подобно саранче или ветхозаветному народу Магог. И поглотят бесценные запасы озера... Ух, что-то меня понесло — похоже, перебрал я с непривычки.

— Да, есть над чем поразмыслить. Ну ладно, Игорь Казимирович, все это, конечно интересно, но я спать ложусь. Без сна, как и без воды, человек долго не протянет, — Георгий забрался на верхнюю полку, оставив пожилого эколога наедине со своими идеями и остатками крепкой настойки.

Какое-то время Егор слышал тихое бурчание Игоря, перемежаемое стуком стакана, но скоро все стихло, и лишь негромкое посапывание пооче-

редно доносилось с двух нижних полок. «Да, силен мужик выпить!» — усмехнулся про себя парень, и закрыл глаза.

Егор проснулся, и выглянул в окно: было пасмурно, и по стеклу рисовали кривые дорожки капли дождя. Он взглянул на часы. Два часа дня — вот это сон! Он свесил голову с полки. Иван Андреевич отложил бутерброд, и кивнул Георгию:

— Хорош спать, практикант, спускайся. Есть будешь?

— Пожалуй, попозже, а сейчас пойду в тамбур — покурю.

Будто услышав его слова, на нижней полке зашевелился Игорь Казимирович. Он сел, тяжело охая, откашлялся, и вымученно просипел:

— Я бы тоже покурил сейчас. Ох, ну и навалился я вчера на выпивку.

— Ну вот сейчас вместе в тамбур и сходите. Обожди, Егор. А для тебя, Казимирыч, у меня средство есть замечательнейшее. Тоже, кстати, маде ин чина, — Иван Андреевич вытащил из-под стола маленькую бутылочку из темного стекла, взболтал, и протянул соседу: сам принял, как проснулся. Ну и можно теперь, глядя на меня, сказать, что я пил полночи? Нет. Чудо-эликсир! Как раз тебе осталось.

Эколог схватил бутылочку, сделал осторожный глоток, и, слегка поморщившись, сказал:

— Станный вкус. Да мне сейчас хоть бензин дай, и скажи, что от похмелья избавит — выпью.

Игорь Казимирович в три глотка допил эликсир, посидел, собираясь с мыслями, и задал вопрос, судя по выражению лица, сильно занимавший его:

— Мужики, я это, вчера по пьяному делу, ничего странного не рассказывал? А то, что-то я не очень хорошо помню.

Иван махнул рукой:

— Ну, ты спросил, Игорь. Я сам ни черта не помню. Вон, Егорка, наверняка, знает.

— Да ничего странного: про работу свою рассказывал, анекдоты травил, потом снова про работу, про баб... Пошли уже, курить сильно хочется.

— Да-да, пошли,— облегченно вздохнул эколог.

Стук колес в прокуренном тамбуре звучал оглушительным набатом. Егор угостил попутчика сигаретой, прикурил сам, и подергал ручку двери. Дверь оказалась незапертой. Егор приоткрыл ее, впустив в душный тамбур приятную свежесть, насыщенную запахами леса, и мелкими брызгами дождя.

— Обожаю ездить в тамбуре с раскрытой дверью. Хорошо голову ветерком освежает, — довольный, Егор выдохнул облако сигаретного дыма.

— Да? Дай-ка и я под ветерком постою.

— Конечно, тебе-то это сейчас нужнее.

Игорь прошел к двери, высунул голову, ощутив приятный ветер в лицо, и освежающие потоки дождевой воды на лбу и щеках. Он полной грудью вдохнул этот живительный воздушный коктейль, и тут же ощутил сокрушительный удар ногой по ребрам. Дыхание остановилось, хрустнуло в боку, а

пол тамбура выскочил из-под ослабших ног. Человек по инерции пролетел несколько метров, и с размаху наткнулся головой на бетонный столб.

Иван Андреевич минуту пристально смотрел на вошедшего Егора, потом улыбнулся, и указал на место, напротив себя:

— Садись, практикант. Ну что, можно поздравить с боевым крещением?

— Да, все прошло как по маслу, — Георгий спрятал трясущиеся руки под столом.

Иван Андреевич протянул ему тяжелый сверток:

— Вот документы, которые он собрал. В Москве передашь своему координатору. Я выйду рано утром в Новосибирске. Его шмотки я сейчас по своим мешкам растолкаю. Если спросят, куда он делся, скажешь, что ушел в другой вагон к знакомому, и вещи с собой забрал.

— А если он вдруг выжил?

— Ну, так это ненадолго — ты думаешь, я его на самом деле средством от похмелья угощал? Отравка надежная — действует медленно, но наверняка.

Иван Андреевич еще минуту о чем-то думал, потом спросил:

— Слушай, а, допустим, он прав, и те, на кого мы работаем, возьмут, и лет через пятьдесят украдут наш Байкал? Как ты на это смотришь?

— Лет через пятьдесят я буду старый, лысый, больной, а может даже и мертвый. А наши «хозяева» платят хорошие деньги, на которые я смогу прекрасно жить уже сейчас. А, даже если они и в самом деле «оттяпают» озеро, так ведь у нас и помимо Байкала озер и рек огромное количество. Не обещаем.

— Молодец! Попрошу руководство, чтобы тебе дополнительную премию выдали. Может, пойдём в тамбур, покурим?

— Нет уж, я пока не хочу, — усмехнулся Егор.

Поезд, мерно стуча колесами, продолжал свой многодневный путь, оставляя за вагонными окнами густые леса, извилистые реки, сумрачные болота и прозрачные озера. Воды и в самом деле предостаточно. Пока — до поры, до времени.

Об авторе

Родился в декабре 1973 года в городе Кимры Тверской области. Окончил Республиканский заочный политехникум с красным дипломом по специальности «менеджмент». В данный момент занимается индивидуальной предпринимательской деятельностью в Москве. Пишет в жанре фантастики, хоррора, мистики. Публикации: журнал «Смена» (2008г.), альманах «Порог-АК» (2009), три рассказа вошли в сборник русскоязычных авторов «Десятка» («Умная книга», Харьков, 2009), газета «Тайная власть» (№10, 2010), журнал «Техника молодёжи» (№6, 2011) множество рассказов опубликовано в литературном приложении на DVD-дисках журнала «Мир фантастики» (2009, 2010, 2011, 2012 гг.).

Сергей Филипский

До грядущего

Прежде всего надо было убедиться в том, что в округе все протекает своим чередом. Главное — лишь бы ничего новенького. Не обрушилось бы невзначай.

Выйдя из своего палисадника, Леша Камешкин — самый обычный мужчина среднего возраста, небрежно небритый и небрежно же одетый — сделал несколько шагов к окраине города. Очутился возле фанерной ограды, за которой располагался чей-то коттедж, остановился.

Внимательно посмотрел за ограду. Оттуда иногда вылетали предметы, летать не предназначенные — швабры. Вылетали так, что на невероятной скорости скрывались в области неизвестности. Оставалось загадкой: по какой причине они вылетали. Камешкин никак не мог этого установить...

На сей раз швабр не было.

Очень прекрасно. Значит, на данном участке все спокойно. Раз швабры не проносятся стремительно, то, стало быть, данный феномен пока отсутствует. А если бы и присутствовал, то тоже ничего страшного не было б. Потому как он уже привычен. Уже ясно, что опасаться его не надо. Лишь бы новых аномалий не добавилось.

Камешкин задумался: с чего бы продолжить обход прилегающей к его дому территории? Можно, например, пойти к опушке ореховой рощи — к расположению другого периодически происходящего феномена. Либо же — к кривому переулку, ведущему к автобусной остановке. Туда, где тоже феномен.

Что выбрать?

Размышление неожиданно было прервано прибытием незнакомца. Он возник эдак уверенно: вышел деловито из переулка — плотный сосредоточенный человек в темном костюме и при галстук.

— Я представитель одной зарубежной организации, — туманно заметил незнакомец. — Научный сотрудник. По договоренности с вашими учеными участвую в экскурсии. Знакомлюсь со здешними представлениями об аномальных явлениях.

— А где же ваши сопровождающие? — сказал Камешкин.

— По ходу экскурсии я их, видите ли, потерял. Нечаянно.

Незнакомец вдруг pokrылся эдаким располагающим к беседе настроением:

— Меня вот что волнует. А если взять, да и ухватить феномен воображительного воздействия на окружающую действительность?

— Не слышал о таком, — пожал плечами Камешкин. Эдакого поворота в разговоре он ну никак не ожидал. — Что это за феномен?

— О! Весьма великолепный! Есть гипотеза, что при определенном стечении обстоятельств можно, придумав желаемый результат, тем самым направить события на его реализацию. — Зарубежный экскурсант подумал-подумал да и продолжил: — Сейчас вот возьму, да и подойду вон к тем корзинам. У меня такое впечатление, что именно оттуда надобно исследование начать.

— Да?

— Можете пойти со мной и убедиться, что я окажусь прав.

— Сходим, — сказал Камешкин.

Все равно он собирался туда. Лежащие у ореховой рощи корзины и были тем другим феноменом из трех, которые надо было проверить: не поднесут ли они какой-либо сюрприз?

Следуя вдоль фанерной ограды, они обогнули два ее угла и очутились возле рощи.

Зарубежный экскурсант покосился на округу и довольно кивнул:

— Вот эта валяющаяся коряга, наверное, подойдет для решительного подтверждения существования феномена воображительного воздействия! Я придумал, что почему бы этой заурядной, казалось бы, коряге, не стать объектом повышенного внимания — со стороны, скажем, неких похитителей коряг, которые, стало быть, не замедлят сюда прийти.

— Это кто такие? — удивленно произнес Камешкин.

— Не знаю, — развел руками зарубежный экскурсант. — Я просто предположил возможность их существования.

— А зачем им коряги похищать?

— А пусть это у них хобби такое. Предположим, ради развития искусства забираться туда, куда совсем не просто попасть. Да и прихватывать оттуда — в качестве сувениров — что-нибудь, коряги, например.

В небе все так же громоздились облака. Ветер все так же налетал суровыми порывами.

Эх, подумал Камешкин. Неких неведомых похитителей коряг тут, конечно, и не хватало. Как и этого незнакомца с его странным увлечением каким-то феноменом воображительного воздействия.

А незнакомец тем временем сказал:

— Где же похитители коряг? Что-то задерживаются... Ах, да! — спохватился он. — Чуть не забыл. Недостаточно всего лишь примыслить желаемый результат. Воздействие и должно быть воздействием. — Он погрозил пальцем, глядя вокруг. — То есть: надобно — после того как задумал, что хочется — произвести жест, которым данное воздействие осуществится. Скажем, возьму-ка я, да и стукну эту корягу.

— Тем самым окажете воображительное воздействие? — догадался Камешкин.

— Ну, да!

Зарубежный экскурсант сосредоточенно толкнул носком ботинка корягу:

— Ну, вот! Теперь осталось подождать.

Как вскоре выяснилось, ждать пришлось недолго.

Дверь коттеджа распахнулась. На крыльцо выскочила высокая девушка в синем платье. Со шваброй в руках:

— Нет! Эта швабра тоже совсем не подходящая для уборки!

Да как швырнет ее!

Швабра прошуршала над оградой и быстро исчезла вдали.

Похоже, тайна летающих швабр раскрыта, — понял Камешкин. Похоже, никакой это не феномен. Похоже, это всего лишь такая жизненная зарисовка.

Вот и прекрасно!..

Однако не следует особо радоваться. Потому как остались другие феномены!..

Причем не следует забывать и о том, что до сих пор еще не написан очередной рассказ про аномальные явления. А ведь надобно написать. И сдать во вторник в районную газету для литературной странички. И все, вроде бы, наготове — и чистые листки бумаги, и общий замысел произведения... Но хочется не подвести самого себя — сделать рассказ таким же хорошим, как свои ранее написанные рассказы.

Для того и пошел по округе феномены проверять. Впрочем, конечно, пошел не только ради получения соответствующего настроения на загадочность. Прежде всего — дабы удостовериться, что феноменов не прибавилось и тем самым остаться в спокойствии.

И что же получается?

Получается: одним феноменом меньше, но и одним же больше — феноменом воображительного воздействия... Впрочем, надо надеяться, что никакой это не новый феномен, а всего лишь ничем не подтверждаемые фантазии зарубежного экскурсанта, который, проводив взглядом умелькнувшую швабру, задумчиво произнес:

— Как я и предполагал.

— Вы предполагали появление не летающей швабры, а похитителей коряг, — уточнил Камешкин.

— Понаблюдаем за происходящим, — весело произнес незнакомец. — Я искренне надеюсь, что похитители коряг в итоге будут. Невзирая на совершенно, казалось бы, иное протекание событий...

Иное разворачивание событий было поистине ошеломительным.

По переулку подъехал автомобиль. У фанерной ограды шумно притормозил. Из автомобиля вывалились двое невысоких, но крепких, бросающихся в глаза своими замшевыми рубашками. Тот, который пошире, воскликнул:

— Никуда не убегайте! Пока мы будем до вас добираться! А уж мы-то до вас непременно доберемся! Потому как мы из международной полиции! Проводим спецрасследование!

— Вот-вот! — повеселел зарубежный экскурсант. — Кажется, дело налаживается!

— Хотите сказать, что пнули корягу, и тем самым вызвали появление полицейских? — уточнил Камешкин.

— Да не намеревался я вызывать полицию! Наверное, это такой событийный наворот, как видно, присущий феномену воображительного воздействия!..

Полицейские быстрым бегом приблизились. Тот, который пошире, бодро провозгласил:

— Так-так! Вот ты и попался!... Ты ведь тот самый Шустрик?

— Это который известный международный авантюрист? — небрежно буркнул незнакомец.

— Да.

— Ну, не буду отрицать очевидного.

— Вот и не отрицай! Пусть мы не можем еще уличить тебя в спекуляциях антиквариатом и других крупных делишках. Зато мы с успехом схватим тебя, когда ты допустишь промах в какой-нибудь мелочи. Возьмем, к примеру, вот эти валяющиеся корзины. А не те ли, к примеру, это корзины, которые в розыске?

— Странно. Зачем разыскивать корзины? — пренебрежительно поджал губы Шустрик.

— Так, к примеру, они представляют собой запрещенные к продаже предметы, — покачал головой полицейский. — Они, к примеру, изготовлены из редких сортов кустарника.

— Какого кустарника?

— Да какого-нибудь. Потом с этим определимся... Так вот: продавать-то их ну никак нельзя, а ты, неугомонный эдакий, на сей незаконно торговле-то и попался!

— Я к этим корзинам не имею никакого отношения!

— Наверное, именно так оно и обстоит. Но это не важно. Нам главное задержать тебя до выяснения обстоятельств. Тем самым будет обеспечено главное — то, что ты будешь отстранен от какого-нибудь своего дельца, которое ты, скорее всего, сейчас проворачиваешь. И, стало быть, в течение ближайшего будущего так и не сумеешь его повернуть.

Внезапно в роще послышались шаги. На опушку рощи вышел еще один в приметной замшевой рубашке. Впрочем, не такой крепкий на вид, как уже присутствующие международные полицейские — высокий, тонкий, с ноутбуком подмышкой.

— Ты похититель коряг? — торопливо спросил у него Шустрик.

— Нет, — спокойно прозвучало в ответ. — Скорее наоборот.

— Это как?

— Я не похищаю, а раздаю. Корзины. Мне ими зарплату выдают. Скопилось их у меня столько, что в квартире уже не помещаются. Потому как их не очень-то приобретают.

— И ты, значит, решил потихоньку их выбрасывать.

— Нет. Я просто сюда их складирую.

И этот феномен, связанный с таинственными корзинами, получил свое вполне прозаическое объяснение, — подумал Камешкин.

Это, конечно, прекрасно. Но как же быть с рассказом? Он, кстати, так и не написан!..

— Так вот, значит, кто, оказывается, владелец-то корзинок! — воскликнула девушка на крыльце. Затем она выскочила за калитку. Невесть откуда взявшейся у нее в руках шваброй она принялась расшвыривать ею корзины. Те так и разлетались в самых различных направлениях.

— Ну и как же теперь мы будем теперь его задерживать? — огорчился тот полицейский, что пошире. — Ведь наш вариант насчет незаконной торговли корзинами из редких сортов кустарника растаял.

— Тогда давайте применим мой вариант, — сказал вновь прибывший.

— Который?

— Будем ловить Шустрика в момент получения им секретной информации.

— Откуда такие сведения о Шустрике?

— Международная полиция в курсе того, что надо.

— Значит, ты тоже из международной полиции?

— Ну, да, — весело подтвердил человек с ноутбуком.

— Что же наши действия столь не скоординированы? Мы только-только собрались использовать эти корзины для задержания Шустрика. И вдруг свой же коллега свел этот наш ход на нет.

— Ничего страшного, — бойко подмигнул полицейский. — По самым свежайшим данным, Шустрик мечтает заполучить особую технологию из будущего. Тут-то мы его и схватим с поличным!

Все посмотрели туда, куда уставился Шустрик — на точку в небе, где стало наблюдаться необычное радужное мерцание в форме неровного облачка.

— Вот он какой, эдакий атмосферный проектор изображений во времени! С его-то помощью мы и увидим самолет, летящий где-то в грядущем, но, тем не менее, способный быть увиденным сейчас! — довел до всеобщего сведения Шустрик. — Вскоре он покажется!

— Не получится, — внезапно сказал Камешкин.

— Это кто тут что-то заявляет? Камешкин, что ли? Так он свою миссию уже выполнил: нашел место, где обитают феномены. Тем самым Камешкин позволил мне добиться-таки осуществления изобретенного мною феномена воображительного воздействия, с помощью которого я добуду изображение самолета из будущего, что позволит наладить производство подобных самолетов как необычайно козырной карты в политике.

— Не получится, — повторил Камешкин.

— Это почему? Очень даже получится. Вы только поглядите: уже получается!..

И впрямь. На фоне облачка начал вырисовываться какой-то расплывчатый пока что контур.

— Это значит, — снисходительно бросил Шустрик, — что у меня все прекрасно вышло.

— А где же похитители коряг? — напомнил Камешкин.

— Да где-нибудь поблизости. Причем наверняка. Ведь как я задумал? А задумал я вот так: появление похитителей коряг запустит появление атмосферного проектора изображений во времени. Согласен: все это слегка вычурно. Но согласитесь: работает же!

Камешкин подумал, что международная полиция, конечно, проводит свои мероприятия на должном уровне и справится с Шустриком. Но как же остаться в стороне, когда этот самый Шустрик так нагло проворачивает свои делишки?

Есть всего лишь несколько минут до того, как покажется самолет из будущего. За данное время необходимо найти способ это устранить.

Но как?

Шустрик приперся сюда потому, что узнал, что здесь происходят феномены. Он рассчитывает, что задуманный им феномен воображительного воздействия тоже сможет здесь провернуться. Но если Шустрик ошибается? Ведь уже выяснилось: два из имеющихся тут трех феноменов — никакие не феномены. Почему бы и всем остальным феноменам не перестать быть феноменами?

Из этого и надо исходить!

— Итак, — сказал Камешкин, — все движется к тому, что остается окончательная разгадка каких бы то ни было феноменов: феноменов нет.

— А что есть? — насторожился Шустрик.

— Разные случайные совпадения.

— Что-то не нравится мне, к чему ты клонишь...

Камешкин метнулся к автобусной остановке:

— Проверю-ка я срочно: может, последний из бывших здесь феноменов тоже вовсе не феномен!

— С чего бы это вдруг вы за это взялись? — удивился полицейский с ноутбуком.

— Я понял! — разозлился Шустрик. — Камешкин надеется тем самым помешать моему выдающемуся триумфу! Поясняю. Все дело в так называемой силе роли. Какое представление о себе составит человек и какую линию поведения в происходящих с ним событиях он изберет, такое и будет их развитие — в полном соответствии с данным мнением, которое и есть сила роли и которое обязательно будет приводить к появлению определенных ситуаций, которые являются присущими данной силе роли. Камешкин принялся своей силой роли противостоять моему феномену воображительного воздействия. Верно, Камешкин?

— Где-то так, — бросил на бегу Камешкин.

— Ну-ну!.. — Шустрик вынул из кармана клетчатый платок и потряс им в воздухе.

— Сигнал подаешь? — догадался полицейский с ноутбуком.

— А почему бы и нет? Да, сигнал! Моим сообщникам.

Издавая истошное тарыхтение, из соседнего переулка выскочило несколько мопедов, на которых восседали крепыши в коричневых плащах.

Камешкин побежал быстрее. Но неугомонные крепыши на мопедах рванулись ему наперерез. Камешкин попробовал прошмыгнуть мимо них. Не тут-то было! Мопеды принялись кружить по поляне так, что по ней невозможно стало пройти.

Однако вдруг на мопеды посыпался град корзин.

Девушка в синем платье довольно заметила:

— Эта швабра весьма пригодна для уборки территории.

И швабра замелькала! И отбрасываемые ею корзины полетели!

— Спасайся, кто может! — завопили, не выдержав массированного обстрела корзинами, крепыши на мопедах. Брызнули врассыпную, суматошно виляя...

Воспользовавшись тем, что теперь можно вновь проследовать к третьему феномену, Камешкин побежал дальше.

Внезапно откуда-то сбоку надменно выбрел еще один в коричневом плаще — здоровяк, непринужденно размахивающий огромной деревянной дубиной — загромоздил собой дорогу:

— Куда это ты идешь?

— Куда надо! — не испугался Камешкин.

— Я вот что хочу спросить! Как пройти в краеведческий музей?

— А зачем вам дубина? — вновь не испугался Камешкин.

— Нашел ее при прогулке по проселкам. Наверное, она представляет немалую археологическую ценность. Вот и несу ее в музей. Сдам ее ученым. Пусть изучают...

— Так вы не собираетесь на меня нападать? — еще раз не испугался Камешкин.

— Нет. Ведь и без этого можно, отвлекая тебя всякими разговорами, прекрасно помешать тебе достигнуть того, к чему ты стремишься... Продолжим беседу?

— Некогда! — Камешкин почти обогнул здоровяка... Но тот довольно ловко вновь преградил дорогу и отбил дубиной прилетевшую корзину:

— Я же захотел побеседовать. Вот, значит, и будем беседу продолжать! Про разные краеведческие музеи...

— То-то же! — заликовал Шустрик. — Этому моему сообщнику не так-то просто противостоять!

— Похоже, что бесполезно надеяться прогнать его корзинами, — огорчилась девушка со шваброй. — Придется тебе, Камешкин, самому справляться...

Камешкин быстро огляделся...

Должен, должен быть выход!

Что там говорил Шустрик о силе роли? Хоть данный термин был для Камешкина незнаком, тем не менее, как раз его Камешкин и намеревался использовать, когда бросился к третьему феномену: настроиться так, чтобы тем самым привлечь тенденцию событий протекать в нужном направлении.

То есть: надо доказать, что феноменов нет — по крайней мере, здесь, в данном уголке пространства.

Для этого требуется — прежде всего! — как-то обойти здоровяка.

Но как?..

Камешкин прыгнул вправо — к роще, искренне уповая на то, что загадочный самодвижущийся саквояж, который и был тем третьим феноменом, не замедлит нанести свой визит...

Здоровяк тоже прыгнул за Камешкиным. Но тому уже удачно подвернулась некая тропинка меж кустов. По ней он обошел здоровяка, который хоть и бежал параллельным курсом, но не успевал опередить Камешкина.

И вот желаемый результат достигнут! Они очутились в пределах обитания третьего феномена!

Из рядом расположенных кустов внезапно вынырнул саквояж и поехал прямо под ноги здоровяку. Тот, явно не ожидавший эдакого, попятился, споткнулся, шлепнулся, проворно вскочил и принялся удирать, постоянно оглядываясь и вопя:

— Ой! На меня обрушилось загадочное явление!

Когда он скрылся из виду, преследуемый едущим по земле саквояжем, Шустрик задал вопрос:

— Ну, саквояж. Ну, погнался за моим сообщником. И что дальше?

— Надо подождать! — выразил уверенность Камешкин.

— Ну-ну... Между прочим: обратите внимание: самолет из будущего вот-вот приобретет точные очертания!..

Так где же разгадка третьего феномена, которая должна привести к провалу задумки Шустрика?!..

Неожиданно саквояж остановился. Затем дернулся несколько раз. Но вновь не поехал. Через несколько секунд из кустов вышел пожилой мужик в оранжевом пиджаке и в бархатных штанах, держащий веревку. Недовольно рванул ее на себя:

— Опять мой саквояж с брюквой за что-то зацепился.

Только теперь Камешкин заметил, что от саквояжа протянута веревка, за которую он и тащился.

Саквояж еще раз дернулся. И заскользил дальше по траве.

— Так-то лучше! — мужик опять исчез в кустах, увлакивая на веревке саквояж.

— Вот! — воскликнул Камешкин. — Теперь-то очевидно, что никаких феноменов в округе нет.

— Это как вас понимать, Камешкин? — насупился Шустрик. — Вы хотите сказать, что их нет вообще?

— Совершенно.

— На каком основании вы делаете этот вывод?

— Да потому, что все они получили свое прозаическое объяснение. Значит, поскольку феноменов здесь нет, то и ваш феномен — тоже не феномен.

— А что же он, по-вашему?

— Да вы сами поглядите.

Шустрик поглядел на небо:

— А изображение-то самолета из будущего, похоже, прибыло!

На фоне радужного облачка, и вправду, уже четко просматривался какой-то летящий аппарат.

— Напоминает серебристый дирижабль с короткими крыльями, — констатировал полицейский с ноутбуком.

— Дирижабль и есть, — сказал Камешкин. — Совсем не самолет. И совсем не из будущего.

— Что мы можем знать о конструктивных особенностях самолетов будущего? — заметил Шустрик. — Да ничего! Потому оставьте свои комментарии как не имеющие никакой значимости!

— Да? А вы обратите-ка внимание на надпись на этом якобы самолете из будущего!

— Ну, надпись! Ну, большими яркими буквами по фюзеляжу! Читаю: «Конкурс рекламы—2012»... И что?

— 2012 — это же нынешний год. А дирижабль этот — рекламный, из соседнего поселка!

— Что? Как же мог так провалиться мой столь тщательно проведенный

поход за невиданными технологиями?!.. Ну надо же! Вместо оригинального самолета из будущего — заурядный рекламный дирижабль из провинциального поселка! Ну и ну!

— Ай да Камешкин! — улыбнулся полицейский с ноутбуком. — Обошел-таки этого пройдошливого международного авантюриста Шустрика на виражах вокруг феноменов!

— А как же иначе? — скромно сказал Камешкин. — Каждый из нас постоянно находится до грядущего. И то, каким оно станет, это грядущее, зависит от каждого из нас. От наших поступков.

— А теперь пора разобраться-таки с Шустриком, — полицейский раскрыл ноутбук, постучал по клавишам: — Я только что пролистал список загадочных происшествий, в которых замешаны большие деньги. Там есть твоя, Шустрик, фотография. В деле, связанном с похищением особо крупной партии бриллиантов. Стало быть, ты, Шустрик, задержан!

Тем временем из рощи вышли двое парней студенческого возраста — с большими садовыми лейками, переговаривающиеся:

— Что за странность с нами произошла? Мы вдруг принялись увлеченно искать какие-то коряги, которые нам почему-то потребовалось срочно похитить!

— Наверное, мы попали под какую-то разновидность гипноза.

— Давай-ка лучше продолжим поливать из леек лесные клумбы!..

Парни вернулись в рощу.

— Эх! — угрюмо произнес Шустрик. — А ведь мой триумф, оказывается, почти получился! Самой малости не хватило: помешать Камешкину найти способ устранить все феномены в округе!..

А Камешкин задумался о том, с чего начнется не написанный пока что для литературной странички в районной газете его следующий рассказ...

Об авторе

Родился 31 августа 1960 года на Дальнем Востоке в городе Шилка Читинской области. После школы поступил в Воронежский государственный университет. Окончил физический факультет. В настоящее время работает художником-дизайнером в газете. Пишет юмористическую фантастику. Первая значимая его публикация — в московском журнале «Сокол» (№ 1, 1995): рассказ «Увидеть мир по иному». Публиковался в журналах «Техника-молодежи» (Москва), «Юный техник» (Москва), «Губернский стиль» (Воронеж), «Порог» (Кировоград), во многих газетах. Рассказы Сергея Филиппского вышли в первом сборнике воронежских фантастов «Ликвидация последствий» (1999) и двухтомнике «Страницы Воронежской прозы» (2004), в который вошли произведения писателей, жизнью и творчеством связанных с Воронежским краем. В этом издании был помещен рассказ Филиппского «Волшебный кошель». Сергей Филиппский автор книги фантастических приключенческих повестей для детей «Шпионы крадутся хитро» (г. Воронеж, 2010). Филиппский — лауреат воронежской премии имени журналиста А. А. Пятунина. В № 2 (11) за 2010 год «Знание-сила: Фантастика» опубликован рассказ «Без проблем».

Сергей Бугримов

Клетка особого назначения

Инспектор криминального отдела уголовно-процессуального департамента Галактики Саксон Лютый прибыл обычным рейсом. Это могло показаться несколько странным, учитывая, что он имел полное право воспользоваться спецрейсом индивидуального назначения. Однако тот, кто хоть чуть-чуть знал Саксона, абсолютно не удивился бы. Инспектор Лютый, просто-напросто, игнорировал какие бы то ни было привилегии и с открытым презрением относился к факту незаслуженного выделения из общей массы той или иной личности. Что же касается заслуженного признания, то у него, естественно, были свои кумиры, которых он почитал и которым искренне, по-доброму завидовал. К самому себе же Саксон относился чрезмерно критически. Всякий раз, когда он в уме перебирал собственные пороки, всякий раз их насчитывалось все больше и больше. Он даже отметил как-то, что они, то бишь пороки, плодятся как кролики (домашняя живность, чрезвычайно популярна на некоторых планетах и очень плодовита). Таким образом, исходя из вышеизложенного, Саксон Лютый, предпочтя элитному суперсервисному перелету путешествие в обществе шумной беснующейся оравы туристов, всю дорогу слушал анекдоты и заливался фальшивым смехом, потому как ни один из анекдотов так, в принципе, и не понял.

Отказавшись от услуг «такси», он взял напрокат одноместный флаер. Аппарат данной конструкции выявился новейшей технологической разработкой, и вполне можно было ожидать некоторых стартовых недоразумений в управлении. Что, в общем-то, и случилось. Прежде чем материализовался дежурный инструктор, Саксон успел сделать в ангаре дополнительных два выхода.

— Вам помочь, сэр? — взволновано крикнул инструктор, уворачиваясь от очередного непредсказуемого маневра флаера.

Наконец Саксон разобрался, более-менее, в кнопках и укротил непослушную посудину.

— Да нет, спасибо, уже все в порядке. — Он окинул виноватым взглядом зияющие дыры. — Я тут немножко намусорил, и чуть-чуть повредил...

— Да уж, чуть-чуть! — почесал в затылке инструктор. — Аккурат как после стандартного скандальчика с моей женой.

Саксон сочувственно кивнул, в знак мужской солидарности, отмахнулся, желая инструктору всего хорошего, и нырнул в объятия утреннего красного тумана — яркой достопримечательности местной природы.

Вскоре туман рассеялся, однако инспектор не стал отключать автопилот, он полностью отдался лицемерию окружающего пейзажа. А полюбо-

ваться было на что. Вдруг он почувствовал, как выпитые еще на борту звездолета две бутылочки пива конкретно напомнили о себе. Возникла необходимость сделать вынужденную остановку. Живописная зеленая полянка, вынырнувшая из-за горизонта как нельзя более кстати, оказалась как раз то, что надо. Саксон перешел на ручное управление и совершил почти мягкую посадку. Флаер отделался всего лишь парочкой лишних царапин.

Патрульная бригада Службы Движений появилась буквально из ниоткуда. Из кустов, поправляя на ходу амуницию, показался смущенный инспектор.

— Здесь запрещено совершать посадку, сэр! — еще издали гаркнул бравого вида офицер, решительно подходя к нарушителю. — А тем более такую, как эта. Посмотрите, во что вы превратили газон! Его будто перебыло стадо диких вепрекрылов! Ваши документы!

— Прошу прощения, — виновато пролепетал Саксон Лютый, протягивая офицеру служебное удостоверение. — Я не знал. Так получилось. Уж очень мне понравилось это место. Неудержимо захотелось вдохнуть полной грудью аромат настоящей красоты. Готов заплатить штраф.

К сему откровенному подхалимажу офицер отнесся абсолютно равнодушно, зато другое обстоятельство заставило его отреагировать несколько иным образом, чем он рассчитывал.

— Думаю, одним штрафом тут не отделаться, — дал блюстителю порядка свое заключение, прежде чем вник в информацию, содержащуюся в удостоверении. А как только вник, тут же сразу преобразившись в лице, глухо изрек. — Так вы, говорите, цветочки нюхали?

— Ну, что-то в этом роде, — залился краской смущения Саксон, одновременно с этим пытаясь подавить улыбку, вызванную мысленным сравнением того, как поэтически был охарактеризован сей кусочек флоры, и как он был использован в действительности.

— Ладно, будем считать данный случай недоразумением и ограничимся сугубо устным замечанием, — с явным неудовольствием выдавил из себя офицер. Статус находящегося перед ним нарушителя требовал соблюдать определенную субординацию. Другими словами, с этим типом лучше всего было бы вообще не связываться, а тем более входить с ним в какой бы то ни было конфликт. — В следующий раз будьте внимательней. Пользуйтесь электронным гидом. В частности, разделом «Запрещающие знаки», — и он кивнул на плавающую в ограниченном пространстве магнитного поля шестигранную табличку. — Не смею вас больше задерживать. Всего хорошего!

Офицер возвратил документ, отдал честь, мрачно сверкнул зелеными зрачками, и удалился, оставив на месте своего пребывания лишь свежевытопанную траву. По ходу движения он махнул рукой, и остальные члены бригады, которые все это время молча наблюдали издали, так же молча забралась обратно в сверкающую всевозможными разноцветными огоньками патрульную посудину, а затем, последним, исчез в ней и сам офицер.

Саксон Лютый проводил взглядом скрывшийся в низких тяжелых облаках аппарат, после чего загрузил свое тело в флаер и полетел дальше по

своим делам, ради которых, собственно, он и оказался на этой планете, преодолев три четверти галактики.

Зона преступления уже кишела как местными правоохранительными органами, так и разнокалиберными представителями прессы. И, разумеется, что подобный бомонд не могла проигнорировать вездесущая Фрэй Лю, ведущий репортер центрального агентства новостей.

— Ба, кого я вижу! — воскликнула Фрэй. — Сам Саксон Лютый, собственной персоной! Стало быть, я не ошиблась. Дело вырисовывается отнюдь не рядовое. Скандальчиком пахнет, а?!

— Боюсь, что вынужден тебя разочаровать, — спокойно ответил инспектор, натянув на лицо равнодушное выражение. — Вряд ли что-то сенсационное ты выудишь из этого случая.

— Ну конечно! А ты просто проходил мимо, заметил скопление, и решил поинтересоваться, что здесь происходит. Не держи меня за идиотку!

— Ну что ты! Как можно! Соревноваться с природой, которая так виртуозно поработала над тобой — бесперспективно.

— Ты, как всегда, непревзойденно галантен, — фыркнула журналистка.

— А что касается моего появления здесь, то это чисто техническая процедура, — не обращая внимания на стреляющие в него одинокими разрывными зарядами концентрированной ненависти глазки, попыток Саксон. — Убедиться в том, что и так уже известно, а именно: что произошло обыкновенное рядовое убийство на почве... ну, скажем, недоразумения, и поставить точку. Официально. Вот, собственно, в чем и заключается моя миссия. А теперь извини, я покину тебя. Кажется, это по мою душу, — и он кивнул в направлении, приближающейся со скоростью легкого бега, фигуры.

В принципе, в отношении Фрэй Лю Лютый имел определенную симпатию и не прочь был бы с ней поболтать, однако, в силу сложившихся обстоятельств, это было сейчас не совсем ко времени. Точнее, совсем не ко времени. Поэтому он поспешил оставить журналистку наедине с ее мыслями и двинулся навстречу фигуре.

«Что-то уж он чересчур возбужден, как для рядового убийства», — пронеслись тем временем мысли в голове у Фрэй. А вдогонку инспектору она не преминула крикнуть: — Надеюсь на итоговое эксклюзивное интервью!

Тот лишь как-то махнул невпопад, что могло означать, либо — «отстань», либо — «посмотрим». А, возможно, и то, и другое вместе.

— Инспектор Лютый? — выдавила запыхавшаяся фигура, хотя не трудно было заметить, что вопрос этот родился чисто машинально, так, для проформы; спрашивающий прекрасно знал, кто перед ним находится.

Саксон утвердительно кивнул.

— Разрешите представиться. Гривстон Топпи. Старший уполномоченный Комитета Галактической Безопасности.

— Очень рад! — ответил Лютый, в манерах стандартного этикета. — А теперь вкратце изложите суть дела. Пока вы не появились, я нес такую ахинею вон той особе, — и оба обратили мимолетные взоры на, стоящую в отдалении и тщетно пытающуюся уловить хоть слово из их разговора, журналистку, — что самому смешно.

Гристон Топпи повел инспектора к месту событий, а по дороге изложил ему обстоятельства происшедшего.

Некто Хол-Дол Парази, как значилось на браслете, красовавшимся на одной из его конечности (впрочем, вполне возможно, что это не имя, а название чего-нибудь другого), каким-то образом незаметно проник в «Зону-Х», подключился к базе данных, и завладел сверхсекретной информацией. При попытке покинуть зону, был обнаружен внешней охраной. На команду «остановиться» и предупредительный огонь вслед за этим никак не отреагировал, а продолжал упорно искать возможность скрыться. Когда все аргументы исчерпались, и появилась реальная опасность упустить беглеца, тот был застрелен.

Поверхностный осмотр тела ожидаемого результата не дал; носителя с украденной информацией не обнаружилось. Повторный осмотр, уже более тщательный, ничего нового не добавил.

После непродолжительных консультаций на верхах, решено было привлечь к этому делу дополнительные силы, в частности, в лице крупного специалиста по расследованию подобных головоломок, коим и являлся Саксон Лютый.

Протиснувшись сквозь редуты, как назойливых репортеров, тыкающих под нос микрофоны, голофоны, деофоны, прочие атрибуты записывающей аппаратуры, так и простых зевак, инспектор в сопровождении старшего уполномоченного преодолел последний бастион военизированного ополчения и нырнул, вслед за своим провожатым, под ограждающую желтую ленточку. После этого и тот и другой с облегчением вздохнули.

— И что, этот ажиотаж так с самого начала и не спадает? — полюбопытствовал Саксон, скептически оглядывая собравшуюся толпу.

— Наоборот, постепенно увеличивается, — с некоторой гордостью ответил Гристон Топпи, что заставило инспектора иронично ухмыльнуться про себя. — Масса желающих запечатлеть труп с разных ракурсов, кто с точки зрения профессионального подхода, а кто исходя исключительно из личных интересов. Дай им волю, они по кусочкам разорвут тело на сувениры.

— Так чего же вы сразу не убрали труп? — высказал свое недоумение Лютый.

— До вашего прибытия приказано труп с места не трогать, — по-военному отчеканил уполномоченный. — Вдруг вам захочется лично осмотреть тело, а заодно, и место, где его настиг роковой выстрел.

— Да что тут осматривать! — Саксон обошел вокруг бесформенной туши, остановился, на секунду задумался... Затем дал окончательное заключение, — В лабораторию его!

В лаборатории мозг Хол-Дол Парази подвергся тщательному сканированию. В процессе этого сеанса Гристон Топпи буквально не находил себе места; он метался из угла в угол, время от времени подсакивая к компьютеру, за которым расположился инспектор Лютый. Тот, в свою очередь, гонял пальцы по клавиатуре и постоянно отгонял уполномоченного, как назойливую муху.

— Ну?.. Что там?.. Как?.. Есть что-нибудь?.. — не унимался Гристон Топпи.

Наконец Саксон, тяжело вздохнув, откинулся на спинку кресла.

— Всё, полный абзац!..

— В каком смысле?

— Вот, смотри, — и инспектор опять уткнулся в экран монитора. — Это его мозг. Впечатляет, да? Видишь, участок накапливающей информации заблокирован.

— Что это значит?

— Это значит, что влезть туда невозможно. Я неправильно выразился; не заблокирован, а уничтожен. Мертв. Вместе с телом прекратил свое существование и мозг. Если бы можно было поработать с ним хотя бы спустя несколько часов после смерти, то тогда еще кое-что бы выудили из него. А так, простите, все концы в воду!.. Впрочем, насколько я понимаю, для вас никакой катастрофы не произошло. Если Хол-Дол Парази и украл у вас какую-то важную информацию, то воспользоваться ею те, кто затеял эту диверсионную вылазку, никоим образом уже не смогут.

— А вдруг смогут?! — дрожащим голосом проблеял Гривстон Топпи, памятуя о том, что грозит его карьере в случае утечки сверхсекретных данных. — Вдруг у них...

— Что, какие-то новые, еще не известные нейротехнологии?

Уполномоченный утвердительно кивнул.

— Ну, тогда сожгите тело! Вместе с мозгами, дерьмом, и всем прочим! А потом развейте прах по всей Галактике. И все дела!.. А затем, — Саксон иронично улыбнулся, — садитесь и ждите, выплывет ли где-либо какой-нибудь продукт из того информационного сырья, которое у вас стащили, или же вам на этот раз повезло и до следующего раза можно расслабиться. — Он взглянул на страдальческое лицо оппонента и понял, что шутить в данный момент несколько несвоевременно, а попросту глупо. — Ладно, извини. Что-то я не в тему разошелся. В общем, картина ясна... Вот, только, если...

Саксон замолчал, постукивая пальцами по полированной поверхности стола, застыл на мгновение, а когда вновь ожил, метнулся к клавиатуре и в сопровождении легкого возбуждения принялся нащелкивать определенные комбинации. По мере того, как менялись комбинации, возрастало возбуждение. Вскоре старший уполномоченный, которому уже тоже передалось это возбуждение, стал свидетелем бурных эмоций со стороны инспектора, выраженных в откровенно вызывающих жестах и не совсем литературном слогое. Но это был всего лишь мимолетный эпизод.

— Вот это другое дело! Что и требовалось доказать! — более-менее спокойным тоном, совсем не таким, какой был еще мгновение назад, изрек инспектор Лютый. И лишь искорки в глазах продолжали неутомно прыгать, выдавая профессиональный азарт. — Видишь? — указал он на экран монитора.

— Не понял! — в недоумении воскликнул Гривстон Топпи. — Это что?

— Это мозг Хол-Дол Парази.

— Но ведь...

— Да, он несколько изменился. — Саксон почесал мочку уха — характерный жест для него, когда надо пораскинуть извилинами. — Сейчас мы лицезреем настоящий мозг этого существа, крохотный, допотопный, без

каких-либо признаков интеллекта. То, что мы наблюдали раньше, была всего-навсего великолепно сконструированная бутафория. Для этого им даже пришлось искусственно увеличить череп бедняги. И получается, что этот разумный с виду биологический объект всего лишь тупое животное. Остается теперь только выяснить, кто им управлял. Судя по данным, управление могло осуществляться сугубо с близкого расстояния. А ну-ка напрягись, точно никого поблизости не заметили?

Уполномоченный отрицательно покачал головой, но как-то неуверенно, что означало: не исключены варианты.

— Понятно, — рассеянно выдавил из себя Саксон, окидывая взглядом тем временем тело Хол-Дол Парази. — А что у него в зажатом кулаке? Какие-то обрывки!

— Это ручка от клетки, — равнодушно ответил Гривстон Топпи, поглощенный в размышления по поводу так неожиданно выпорхнувших нюансов. — Вернее, остатки от нее.

— От какой клетки? — удивленно поднял брови инспектор.

— У него с собой была клетка с каким-то зверьком.

— И где же она?

— В амбулатории. Зверька простерилизовали и теперь думают, что с ним делать дальше. Скорее всего, отправят куда-нибудь в зоопарк. Да ну его! Какая, в конце концов, разница! Я вот думаю...

— Минуточку, — перебил уполномоченного Саксон. — Хочу посмотреть на это чудо природы.

— Да, пожалуйста! — пожал плечами Гривстон Топпи и вышел.

Через какое-то мгновение он вернулся, неся клетку, в которой копошилось что-то пушистое. Оно, это пушистое, казалось бы, не обращает никакого внимания на окружающее, а занято непосредственно личной гигиеной, вылизывая розовым шершавым язычком длинную густую шерстку и расчесывая ее миниатюрными коготками.

Саксон взглянул на зверька и загадочно ухмыльнулся.

— Прекрасно! Как раз то, что нужно! Я забираю его. Необходимы какие-то формальности?

— Да, в общем-то... — растерялся уполномоченный, — как для вас, то достаточно всего лишь вашей подписи под протоколом изъятия. Протокол я мигом состряпаю. Но, только, зачем... Впрочем, прошу прощения. Это не мое дело.

— Да нет, ничего! — снисходительно изрек инспектор Лютый, и дабы удовлетворить подсознательное любопытство низшего по рангу уполномоченного, кратко объяснил. — Это сугубо личное. Ищу подарок для своей маленькой дочки. У нее скоро день рождения. А из этого существа получится превосходная игрушка. Выпотрошить, набить опилками, вместо глазенок вставить два рубинчика, и детской радости не будет границ. А сейчас его надо поместить в морозильник и заморозить. Чтобы игрушка выглядела как можно натуральнее, или, если, образно выражаясь, более живой, исходящий материал необходимо какое-то время поддержать в замороженном состоянии. Где тут у вас морозильная камера?

Гривстон Топпи явно был шокирован и не сразу нашелся что ответить.

— Вы... это... серьезно?..

— А что, какие-то проблемы? Конечно серьезно!.. Ну, так, где камера?

— Вон, в углу, — кивнул Гривстон Топпи, указывая на серебристого цвета предмет, на котором отражались уродливо забавные фигуры присутствующих. Вытянутая же физиономия уполномоченного была и без того натурально искажена недопониманием. Он все еще не мог поверить в происходящее.

Саксон взял клетку, подошел к морозильнику, и открыл его.

Вдруг зверек резко увеличился в размерах, заполнил все пространство своего нынешнего убежища, и явно намеревался увеличиваться и дальше, с целью разорвать клетку и вырваться наружу, однако прутья оказались довольно-таки крепкие и выдержали натиск животного, не смотря на все его усилия. Убедившись в тщетности попыток, зверек обмяк, вернувшись к прежнему размеру. А когда инспектор Лютый, сделав вид, что, якобы, не заметил все эти преобразования, и, продолжив начатое, почти уже поместил клетку в морозильник, из нее донесся душераздирающий возглас:

— Стойте! Не надо!..

— Это другое дело, — удовлетворенно сказал Саксон, поставив клетку обратно на стол, и лукаво подмигнул уполномоченному. — А теперь давай, рассказывай! — Обращение, естественно, относилось к зверьку. — И учти, морозильник еще остается в силе. Это на тот случай, если ты вдруг что-то забудешь.

И когда же вас впервые посетила догадка об истинном положении вещей? — позволил себе Гривстон Топпи обратиться с подобным вопросом к инспектору, когда они шли по длинному коридору, направляясь к выходу.

— Как только я услышал про клетку, — ответил Саксон. — А уж когда я увидел обитателя этой клетки, все сомнения отпали... Впрочем, вру, не совсем. Кое-какие сомнения остались. Эта раса только недавно вошла в Объединение. Я лишь мельком как-то наткнулся на нее в каталоге. С живым же представителем сего общества я сталкиваюсь впервые. Очень своеобразный вид. В зависимости от обстоятельств с легкостью изменяет собственные габариты до восьми — десятикратных размеров. Если бы наш клиент вырвался из клетки, не исключено, что могли бы возникнуть проблемы. А тот симпатяга, которого пристрелили, Хол-Дол Парази, всего-навсего домашнее животное, управляемое с помощью телепатии. Неплохо было задумано! Закосить под безобидное несмышленное существо, выбрать удобный момент, и поминай, как звали!.. А на твой вопросительный взгляд, что я могу ответить: сотрите сначала из памяти всю информацию, которую он украл, а затем подчистите все остальное; оставьте ему лишь воспоминания детства, и кое-что нейтральное, абсолютно не связанное с его шпионской деятельностью. Может тогда он воспользуется шансом ступить на более достойный жизненный путь. Хотя...

У выхода их поджидала Фрэнэ Лю, каким-то образом умудрившаяся незаметно просочиться сквозь оцепление.

— Как я и предполагал, ничего сенсационного, обыкновенный несчастный случай, — сразу охладил пыл журналистки инспектор, одновременно заручившись поддержкой уполномоченного, который молча кивнул в знак подтверждения данного факта. — Так что, извини, что не оправдали твоих ожиданий. Как-нибудь в следующий раз.

Фрэнк Лю фыркнула, промурлыкала себе под нос несколько нелицеприятных эпитетов, и, углубившись в профессиональные размышления, еще долго глядела вслед удаляющейся парочки, даже после того, как той уже и след простыл.

Гристон Топпи перемахнул через турникет и, запыхавшийся, подбежал к Саксону, направляющемуся к посадочному эскалатору.

— Ух, еле успел! Вот, возьмите! Это для вашей дочки, — протянул он инспектору огромную коробку, перевязанную яркими разноцветными лентами.

— Спасибо, дружище! — последовал в ответ отрицательный жест. — Только у меня нет дочери. Я еще не женат. Эта версия предназначалась индивидуально для нашего подопечного, и только для него; расчет на более конкретизированный акцент.

— Понятно, — смущенно пролепетал уполномоченный, беря коробку подмышку. — А если бы он... ну... это... не признался, вы бы его... того?..

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что...

— Ты правильно думаешь, — улыбнулся инспектор и по-приятельски хлопнул уполномоченного по плечу. — Ну, будь здоров! — И Саксон Лютый поспешил к звездолету.

Об авторе

Родился в Киеве в 1964 году. Играл в военном оркестре, занимался шоу-бизнесом, а так же, как и большинство его ровесников, имеет несколько распространенных профессий. На данный момент работает в фирме, относящейся к медицине. В № 3 «Знание-сила: Фантастика» за 2008 год был опубликован рассказ «Вынужденная остановка». С тех пор появились публикации в периодических изданиях «Шалтай-Болтай», «Супертриллер», «Техника молодежи», «Очевидное и невероятное», «Знание-сила: Фантастика» № 2 за 2011 (рассказ «Последние новости»).

Виктор Иванов

Место встречи

«...развитие событий последних лет свидетельствует, что имеющимся в наличии средствами обеспечить в условиях мировых столиц или крупных городов мира проведение форумов большой восьмерки с гарантией приемлемого уровня безопасности становится невозможным. В связи с этим нами был разработан проект специального сооружения, которое надежно и на многие годы вперед решит проблему безопасности мероприятий столь высокого уровня...»

Из одного секретного доклада
одной секретной службы

* * *

Саммит прошел на удивление хорошо. Все были довольны. И высокие гости, которые, наконец, могли полностью сосредоточиться на своих весьма непростых вопросах. И служба безопасности, которая уже и не припомнила столь спокойного мероприятия и рассматривала время, проведенное здесь, почти как поездку на курорт. И даже представители прессы. Хотя, казалось бы, что именно у них новое место мероприятий отняло основной кусок хлеба, потому что в последнее время проводившиеся саммиты были интересны миру не уровнем решаемых проблем, а той массой скандалов и безвыходных ситуаций, которые возникали вокруг этих мероприятий. Бесспорно, работа становилась весьма опасной, но на настоящих журналистов эта опасность действовала сильнее любого наркотика.

И вот в течение недели ни одного скандала. Атмосфера была не то, что ненакаленной, а скорее совершенно спокойной, умиротворяющей. Тем не менее, недовольных не было. И вовсе не потому, что их сюда не пустили или как-то затуманили мозги присутствующим. Все было абсолютно добровольно.

Просто крыша съехала у самих журналистов. Да и не мудрено, в такой ситуации. Ведь шикарное здание для проведения мероприятий на высоком уровне в прямом смысле находилось на недостижимой высоте... в космосе, на околоземной орбите.

Как оказалось, там в течение нескольких лет практически тайно была построена новая космическая станция, но благодаря ряду открытий сделанных интернациональной группой ученых в отличие от убогого жилья космонавтов удалось сравнительно дешево и вполне надежно построить

целый комплекс просторных модулей, да еще и оснастить их искусственной гравитацией. Постоянно там могло находиться около тысячи человек.

Так что никаких беспорядков, никакой угрозы нападения, никаких антиглобалистов и никаких митингов.

Правда, уже ближе к концу пребывания на станции один из журналистов вдруг заметил в окно иллюминатора сразившую его наповал картину: медленно на фоне далеких звезд проплывали четыре скукоженных фигурки с плакатиком «незагаG8айте наш космос, нам и так нечем дышать!». Фигурки были одеты в странные ветхие скафандры, и беспомощно метались на коротеньких шлангах, связывавших их со странным объектом, который лишь отдаленно напоминал космическую ракету. Судя по всему дышать им действительно было нечем.

Сначала журналист, увидевший эту картину, онемел и долго не мог не только выговорить что-то членораздельное, но и пошевелиться. Постепенно вокруг этого изваяния собралась целая толпа.

Через пару минут в этот же коридор вошел охранник и его чуть не хватил удар. По всей видимости, он легко отделался. Людей висевших за бортом станции он видеть не мог, но вот несколько десятков неподвижных как манекены и медленно дрейфовавших по коридору тел журналистов он разглядел очень хорошо.

И что мог подумать охранник, на важном мероприятии увидев такую картину? Да вдобавок совершенно не понимая, как такое могло произойти и куда полагается бежать, когда кругом, открытый космос.

К счастью неразбериха длилась лишь несколько минут. Потом все пришли в себя, и, поняв, что чего-то серьезного из этой ситуации просто не получится стали оживленно фотографировать неодемонстрантов и обсуждать происшествие, которое оказалось на удивление кстати. Потом их всех позвали на обед в невесомости. В общем, об инциденте, как и о горемыках-демонстрантах, как-то быстро забыли.

* * *

Наконец, настал день отлета. Первыми улетали журналисты и гости саммита. Каждому отъезжающему на память вручали сувениры и памятную медаль покорителя космоса. Да, у всех еще в памяти были свежи воспоминания детства, когда полет в космос был небывалым подвигом и наградой были даже и не медали и почести, и даже не всенародная любовь, а большая белая зависть и сумасшедшая надежда миллионов оказаться на их месте. И вот эта надежда сбылась самым удивительным образом.

Поэтому уже совершенно не удивителен был тон статей и характер освещения в прессе самого эпохального события.

Ну а виновники удавшегося торжества слегка задержались и перед отправкой еще раз собрались вместе. Председательствовавший на саммите важно обратился к ним:

— Что ж господа, как видим, наша идея оказалась полезной. Ни каких инцидентов. Затраты на проведение мероприятия сократились на два

порядка. Но, пожалуй, главное, это журналисты. Похоже, впечатление от происходящего полностью нейтрализовало все нежелательные выпады.

— Да-а, организация впечатляет, — признали высокие стороны. — Да и возможность оказаться в космосе — тоже. Жаль, что пока это невозможно.

— Почему, невозможно? Думаю, что вполне реально. Только конечно без такого размаха, и очень дорого, при этом очень небезопасно. Впрочем, и об этом можно подумать на досуге. А сейчас позвольте мне еще раз всех поблагодарить за плодотворную работу и напомнить — график отлета ваших самолетов очень жесткий. А до вылета можете подняться на рабочем лифте к поверхности в ваши апартаменты...

Об авторе

Родился в 1969 году в городе металлургов Липецке, с детства тянулся к чугунным игрушкам и книгам, поэтому не удивительно, что стал писать как дипломированный кузнец про молоты, а когда модным стало говорить о деньгах — про финансы. За двадцать лет написал более ста научных работ в разных отраслях знаний, докатившись от силы до разума, стал профессором НИУ-ВШЭ. Сеет доброе и вечное в ведущих ВУЗах страны, и как советник первого заместителя председателя в Банке России. В последние годы стал заниматься искусственным интеллектом и созданием национальной идеи, отчего неизбежно пришел к юмору и фантастике, публикации которых неоднократно появлялись в Аналитическом банковском журнале, еженедельнике «Аргументы и Факты» и ежегодных альманахах московского клуба афористики. Является членом литературного юмористического клуба «Чертова дюжина» и «Московского клуба афористики». Живет в Москве.

Александр Абалихин

Точка отсчета

Вокруг была темнота.

— «Наверно, так умирают...», — подумал тот, в котором был он, и попытался вспомнить хоть что-нибудь, и не смог..

— «Один, один, один», — стучало сердце в пустом пространстве:

— «Что же было раньше?»

Он почувствовал свою руку: «Надо же! У меня есть тело. Я просто спал, а теперь надо встать и отдернуть шторы».

Уже понимая, что он человек и лежит на чем-то мягком, встал и шагнул, ощупывая руками пространство. Стен рядом не было. Может, это не его дом? Тут к нему стали возвращаться воспоминания о событиях его жизни: неизлечимая болезнь, с которой он боролся последние пять лет, измучила его, и он нашел единственный выход — обратился в криогенную клинику, в которой людей подвергали глубокому замораживанию. Он продал все свои вещи и квартиру. Эта процедура стоила недешево. По договору его должны были оживить только тогда, когда появится возможность лечить эту болезнь.

— «Где-то здесь должна быть дверь!» — блуждая по мягкому покрытию, думал он, и все больше вспоминал свое прошлое. Его зовут Свен и ему сорок восемь лет. Клиника, куда он обратился, находилась в Стокгольме.

— «Что же произошло, пока я спал? Сколько прошло лет?»

Свен долго бродил по помещению, но стен так и не нашел. Не было и света.

— «Итак, есть пол и воздух, а что еще? Может быть, я все-таки умер? — Свен сел на пол и потрогал лицо. — Глаза на месте, но не ослеп ли я?»

Свен устал, размышлять расхотелось. Он прилег на пол и лежал, пока не уснул...

Такого страшного сна Свен никогда раньше не видел. Перед ним возникали картины ужасных разрушений после Всемирной войны: руины городов, толпы голодных людей в лохмотьях. Увидел он и себя в клинике, глубоко под землей, в чистой морозильной камере. Его покрытое инеем бледное лицо казалось мертвым.

Потом он смотрел на Землю со стороны. В нее летел огромный астероид. От страшного удара поднялись огромные волны, обрушившиеся на континенты. Но и это было еще не все!

Солнце быстро расширялось, потом произошел взрыв. Вселенная на глазах начала сжиматься. Гигантские спирали галактик скручивались змей-

ками и исчезали в пространстве. Все завершилось. Воцарилась Темнота и Тишина...

— Ты видел все, — голос шел отовсюду. — Нынешнее состояние Вселенной — Хаос.

— А я?! — испуганно спросил человек.

— Ты — мыслеформа прошлого, — ответил голос.

— «А как же пот на моем лбу? А мое стучащее сердце? А мое тело и мой испуг?!» — подумал Свен и на секунду очнулся, а потом снова погрузился не то в сон, не то в болезненную явь.

Голос продолжал звучать в его голове:

— Ты — избранный. Мир должен начать развитие с нуля, с новой точки отсчета. Ты был любознателен и способен глубоко анализировать действительность. Твой мозг долго отдыхал, когда ты был заморожен и спал, а главное — ты ушел спокойно. Тебе и другим избранным надо понять Мир. Вы, люди, были несовершенны, агрессивны, злы и завистливы. Вы перессорились из-за формы обращения к Высшей Сущности. Вы создали культ богатства и презирали бедность. Вы нарушили Закон Мира.

— Зачем надо было уничтожать все? — спросил Свен. — Ведь было и добро?

— Ничего не исчезло. Все свернуто в исходное состояние. Таких, как ты, много. Вы составите основу Новой Жизни.

— Что такое — жизнь?

— Жизнь — это процесс понимания сущности мироздания, познания Вселенной самой себя.

— Сейчас ничего нет?

— Не может быть «Ничего». Даже сейчас все есть. Например, ты.

— Но я не настоящий человек.

— Ты ощущаешь себя, а это главное.

— Я вечен?

— Вечны твои мысли. Но они принадлежат не только тебе, а всей Вселенной. Память твоя тоже вечна, но ты не перегружен воспоминаниями.

— Зачем я нужен?

— Для Жизни и для создания Новой Вселенной.

— Это не в моих силах.

— Силы не нужны. Нужны твои Мысли и твое умение представить новый мир. В нем не должно быть только тех, кто погубил его.

— То есть, и меня тоже?

— Ты станешь иным. Но сначала будет Великая Мысль.

Свен вздрогнул и снова очнулся. Перед ним в темноте что-то засветилось. Переливающийся шар рассыпался на миллиарды искр. Потом искры слились в яркий поток, который стал извиваться, скручиваясь в спирали, туманные образования, шаровидные скопления. Он пригляделся. Одна искорка увеличивалась. Вокруг нее вращались маленькие шарики. Третий шарик что-то напомнил ему.

— «Совсем, как Земля. Только очертания континентов иные», — подумал Свен.

Он быстро приближался к этому шарикю. Что-то вспыхнуло, и он провалился в бездну. Мимо летели триллионы лет...

Свен лежал на сырой почве. Он встал на четвереньки. Что-то было не так — слишком уверенно он стоял на земле. Свен осмотрелся. Вокруг росли удивительные растения. Высоко над его головой раскачивались громадные фиолетовые и золотистые цветы.

— Какая высокая трава и цветы! — подумал Свен и задохнулся от нахлынувших на него ароматов. Он зажмурился, взглянув на солнце. Оно висело низко над горизонтом и имело сиреневый цвет. Хотя солнце только всходило, свет вокруг был очень ярким. Свен посмотрел на свои ноги. Они были уродливы, и их было шесть!

Изумившись, Свен подошел к громадной росинке, которая висела на кончике склонившегося к земле огромного листа одуванчика. Он заглянул в нее. В росинке показалась морда страшного животного. На Свена смотрел черный муравей. Он начинал что-то понимать. В голове промелькнула неизвестно откуда возникшая мысль:

«Муравьи перемещаются по территории, прилегающей к их муравейнику».

«Интересно, а это чья территория?» — успел подумать Свен.

Он не видел, как к нему сзади подкрадывается огромный рыжий муравей в набедренной повязке с громадной веткой, к которой был примотан тяжелый камень...

Об авторе

Родился в Москве 10 ноября 1960 года, окончил Московский авиационный технологический институт им. К. Э. Циолковского. Специальность — инженер-металлург. Работает в научно-производственном объединении.

Фантастические рассказы и повести опубликованы в журналах: «Знание — Сила», «Наука и религия», «Техника — молодёжи», «Природа и человек. Свет», «Юный техник», «За семью печатями», «Приключения, фантастика», «Жеглов — Шарапов и К», «Фантастика», «Интернет — вести», в газете «Мир зазеркалья», в альманахе «Сияние лиры», в журнале «Мир фантастики» В № 1 (10) за 2010 г. литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» был опубликован рассказ «Экспедиция», а в № 2 (11) — рассказ «Одуванчики».

Любителям научной фантастики

Предыдущие выпуски литературного приложения «Знание – сила: Фантастика» можно приобрести в редакции журнала «Знание – сила».

Адрес редакции: Москва, Кожевническая ул., дом 19, стр. 6

Литературный магазин

В наших Интернет-магазинах Вы можете приобрести книги по ценам издательства без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.
(495) 971 79 25

Адрес эл. почты:
stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»:

Юридический адрес:

109193, г. Москва,
ул. 5-я Кожуховская, д.13

ИНН / КПП:

7723339052 / 772301001

БИК:

044525219

Банк:

ОАО «Банк Москвы» г. Москва

Расчетный счет:

40702810800670000380

Корр. Счет:

30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — *Степанов Е. В.*